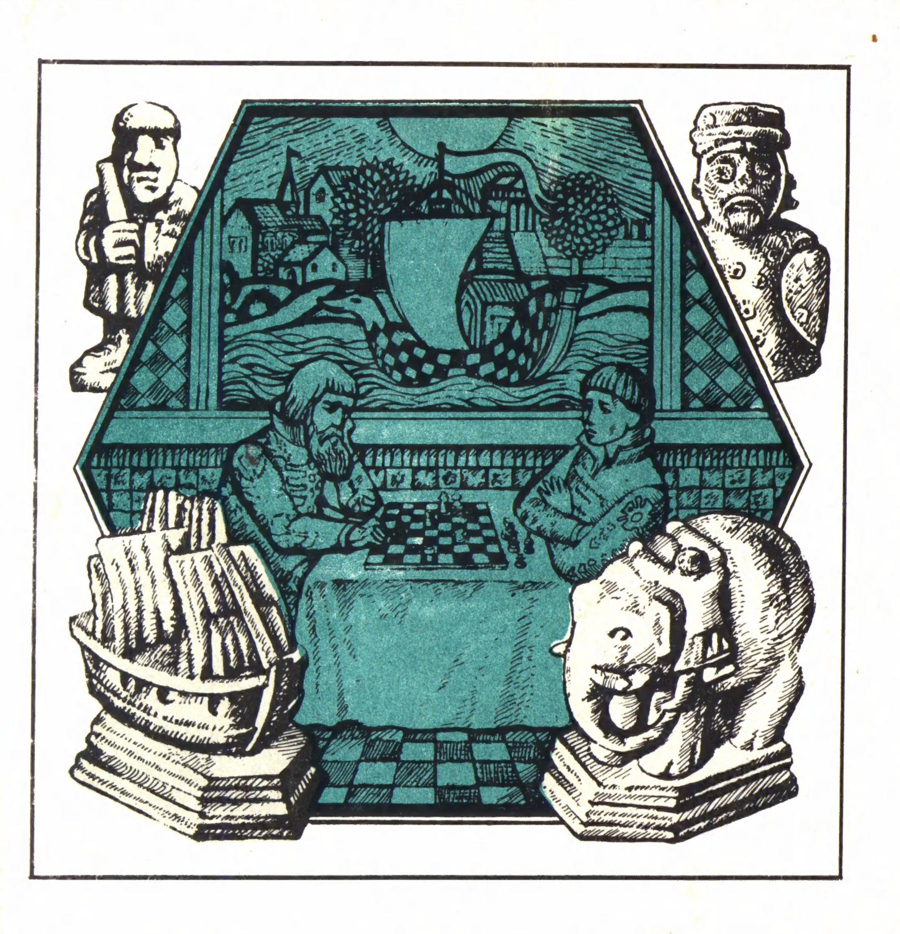
И.М. ЛИНДЕР

ШАХМАТЫ НА РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Из истории мировой культуры»

И. М. ЛИНДЕР

ШАХМАТЫ НА РУСИ

Издание 2-е,
дополненное и переработанное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

Много загадок таит в себе история шахмат Древней Руси. Откуда пришла эта игра на Русь — с Востока или Запада? Когда она появилась впервые среди восточных славян? Как выглядели древнерусские шахматные фигуры? На эти и многие другие вопросы отвечает книга кандидата исторических наук И. М. Линдера.

Второе издание работы, выходящее через 11 лет после первого, значительно переработано и дополнено материалами последних археологических открытий. Излагается впервые разработанная автором типология шахмат XI—XVII вв. По-иному освещаются проблемы происхождения шахмат, а также вопросы взаимосвязи шахматной культуры Руси и соседних славянских государств. Обновлен и расширен иллюстративный материал.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

В. Л. ЯНИН

Л $\frac{10602-027}{054(02)-75}$ 6-75НП

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время излишне доказывать, что шахматы — не просто игра, а область культуры народа. И все же шахматная культура остается пока одной из малоизученных страниц древней истории нашей страны. Между тем уже одно то, что шахматы получили распространение на Руси более тысячи лет назад, что с тех пор и на протяжении многих поколений они занимают ум и воображение людей самых различных слоев общества, заслуживает пристального рассмотрения и исследования.

Эта увлеченность шахматами нашла отражение во многих областях жизни и культуры народа: в изделиях древнерусского ремесла, в произведениях фольклора, в русском языке, до сих пор сохранившем в названиях шахматных фигур древнюю терминологию, в отдельных памятниках литературы. Иными словами, история шахмат многими нитями соединена с самыми различными областями современной науки — археологией, этнографией, историей литературы, ремесла и прикладного искусства, книгопечатания и просвещения и т. д. Специалисты в каждой из этих областей знания, сталкиваясь с новыми фактами, связанными с шахматной культурой, вынуждены обратить на них внимание и высказать свое отношение к ним, а порой выполнить то или иное частное исследование. Однако недостаточное знакомство, а подчас отсутствие четких представлений о древней истории шахмат приводят иногда к неверным выводам и даже ошибкам филологов при объяснении происхождения древнерусских шахматных терминов, фольклористов — в истолковании шахматных эпизодов в героическом былинном эпосе, археологов — в исследовании некоторых найденных при раскопках предметов. Это свидетельствует о назревшей необходимости научного изучения истории шахмат Древней

Руси с привлечением новых материалов и последних работ общеисторического характера.

Особенно широкие возможности и перспективы в изучении древнерусской шахматной культуры открывают новые находки археологов. Как известно, в последнее время благодаря успехам советской археологической науки значительно расширились возможности исторического исследования многих областей культуры народов нашей страны. Об этом свидетельствуют, например, нахождение огромного числа берестяных грамот и многих других археологических памятников в древнем Новгороде, вскрытие за́мка Владимира Мономаха в Любече, результаты многолетних раскопок Киева, Пскова, Смоленска, Владимира, Рязани, Москвы и других городов Древней Руси. Все эти археологические открытия углубили наши представления о жизни народов в древнюю эпоху и средние века. В ряде случаев стали известны такие стороны материальной и духовной жизни людей, которые ранее были недостаточно или совсем не изучены исторической наукой. Это, в частности, можно сказать и о шахматах, представляющих собой одно из замечательных историко-культурных явлений в жизни многих стран и народов.

В последние годы советскими учеными найдено свыше 250 шахматных фигур Древней Руси, которые составляют ныне крупнейшую в мире археологическую коллекцию шахмат. Материалы раскопок открывают возможность научно изучить вопрос о распространении в далеком прошлом шахматной игры на территории нашей страны, углубить и расширить характеристику древнерусской культуры в целом, использовать шахматы для датировки культурного слоя, а также для изучения древнего прикладного искусства, косторезного мастерства и т. д. Сравнительное изучение найденных шахматных фигур с известными зарубежными археологическими коллекциями дает в руки советских исследователей дополнительные сведения о международных культурных связях Руси. И, конечно, важна роль открытий советских археологов для исследования сложных и до последнего времени еще недостаточно изученных проблем ранней истории самой шахматной культуры в нашей стране.

Достигнутый к настоящему времени уровень развития советской исторической науки, археологические открытия последних десятилетий позволяют, таким обра-

зом, уже сегодня поставить задачу всестороннего исследования находок шахматных фигур XI — XVII вв. и сделать на основе этого анализа выводы, важные для изучения некоторых особенностей развития русской культуры в целом и шахматного искусства в частности.

Около тысячи лет насчитывает история шахмат России. Изучение же ее ведется всего полтора столетия. Из них немногим более полувека падает на научное исследование вопросов истории отечественной шахматной культуры.

Прежде всего внимание историков привлекли к себе проблемы происхождения шахмат в России. Откуда пришла игра к восточным славянам? Когда и какими путями проникла она на Русь? Насколько широко были распространены шахматы в ту или иную эпоху?

Эти и многие другие вопросы составили целый комплекс проблем, вокруг которых разгорелись горячие споры и дискуссии, выдвигались самые различные предположения и гипотезы.

Еще в начале прошлого века отдельные историки высказали мнение о том, что шахматы пришли с Востока, и о большой давности их на территории нашей страны. Так, Г. Успенский, опираясь на показания иностранных путешественников XVII в., утверждал относительно шахматной игры: «Употребление ее у предков наших должно быть весьма древнее, и она, по всей вероятности, заимствована ими от персов или индийцев»[1].

Установление путей и времени проникновения зависело притом не столько от источников, находившихся в распоряжении исследователей, сколько от самого подхода к решению проблем. Ибо письменных свидетельств о ранней поре русских шахмат не сохранилось (первое упоминание об игре относится лишь ко второй половине XIII в.), и почти все историки исследовали в основном шахматную терминологию.

Древность русских названий фигур и игры, их резкое отличие от западных и сходство с восточными терминами отмечал еще И. Г. Бутримов, автор первого в России учебника шахматной игры (1821). «Как игра сия,— писал он,— есть произведение восточных народов, обитателей Инда,

---

[1] *Гавриил Успенский.* Опыт повествования о древностях русских, ч. I. Об обычаях россиян в частной жизни. Харьков, 1811, стр. 88

то и корень названия шашек (фигур.—*И. Л.*) и вообще всех встречающихся в ней технических для нас слов и выражений должно искать на их языках». Рассматривая, например, фигуру ферзя и объясняя смысл термина, Бутримов указывал, что «сие древнее имя она сохранила только у нас; на всех же других европейских наречиях названа королевою». Однако из этих наблюдений он не сделал еще каких-либо определенных выводов.

Впервые связал проблемы шахматной терминологии с происхождением игры в России два десятилетия спустя известный петербургский мастер и теоретик шахмат К. А. Яниш в статье «Русская шахматная терминология», напечатанной в 1842 г. во французском журнале «Паламед». Высказав интересные мысли о возникновении ряда шахматных названий — «ферзь», «слон», «ладья», «пешка», Яниш сделал принципиальный вывод: русский народ «получил игру не от испанцев и итальянцев, заимствовавших ее в свою очередь от арабов, но прямо от индо-персидского Востока». С этим выводом — игра пришла в Россию с Востока — согласились в дальнейшем, за редким исключением, все историки шахмат.

Гораздо более сложной задачей оказалось установление конкретных путей и времени проникновения шахматной культуры на Русь. Исследователи не только не пришли к единому мнению, но высказали совершенно различные взгляды и гипотезы, иногда настолько различные, что определяемые ими даты заимствования оказывались отделены друг от друга многими столетиями.

Яниш в упомянутой работе, основываясь на общеисторических соображениях, сделал предположение, что шахматы были принесены татаро-монгольскими завоевателями, сыгравшими в данном случае роль посредников между Русью и Востоком.

Такое заключение было ошибочным, хотя в то время и трудноопровергаемым. Оба тезиса Яниша — о восточном происхождении русских шахмат и их заимствовании от монголо-татар — в одних случаях с оговорками, в других безоговорочно — были приняты западноевропейскими историками шахмат и почти до конца прошлого столетия фигурировали как главные доказательства в освещении древнейшей истории этой игры в России.

Среди русских историков, однако, мало кто объявил себя сторонником теории, которая устанавливала столь

позднее время проникновения игры в нашу страну (XIII — XIV вв.). В конце прошлого столетия мнение Яниша поддержали лишь А. Н. Грачевский и М. К. Гоняев, а в советское время — историк шахмат М. С. Коган. Но все они, как и Яниш, не могли привести в пользу этой точки зрения каких-либо веских фактических доводов, кроме общеисторических соображений. Столь же бездоказательным явилось утверждение И. Чарина о том, что шахматную игру принесли в Россию тевтонские рыцари.

Не завоевали себе сторонников и авторы высказанной в прошлом столетии гипотезы о принесении шахмат на Русь византийскими христианами (И. Е. Забелин, а затем С. А. Сорокин). Хотя такой взгляд имел под собой, казалось, больше исторических оснований, чем предыдущая гипотеза, но и он не был подкреплен сколько-нибудь убедительными фактами.

На несостоятельность всех этих теорий указал еще в начале нынешнего века И. Т. Савенков, крупный русский археолог, этнограф и вместе с тем замечательный шахматист, участник матча Петербург — Красноярск, выигранного сибиряками. Как ученый Савенков получил громкую известность прежде всего своими раскопками в районе Красноярска, где обнаружил культурные слои, относящиеся к эпохе палеолита и неолита, а также своим обобщающим трудом о древних памятниках изобразительного искусства («писаницах») на Енисее [2]. В то же время Савенков был первым русским исследователем, который всесторонне, на уровне знаний своего века, с научных позиций подошел к изучению древней истории шахмат в нашей стране. В своей оригинальной работе «К вопросу об эволюции шахматной игры» (1905) Савенков изучил следы восточных влияний в русской шахматной терминологии, а также открытия ученых в области торговых и культурных связей славян с арабами, персами и хазарами в конце первого тысячелетия нашей эры и сделал вывод о том, что на Русь шахматы пришли в VIII—IX вв. При этом он подчеркнул значение Волжско-Каспийского торгового пути и роль хазар как посредников в передаче игры с Востока. Кстати, еще ранее указал на возможность такой гипотезы М. К. Гоняев в письме к историку шахмат и ша-

[2] «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. I. Л., 1968, стр. 13.

шек Д. И. Саргину, опубликованном в «Шахматном обозрении» в 1892 г. (№ 10).

С выводами Савенкова согласился известный английский историк шахмат Г. Мэррей (1913), а полвека спустя — советские исследователи З. М. Ходжаев и Ф. Р. Дюммель в работе, посвященной рукописи средневекового таджикского шахматиста Абулфатха. Однако, подчеркивая роль народов Средней Азии в передаче шахмат славянам, они отодвигали на век саму дату проникновения.

Еще более ранние сроки были названы в книге «Древность игр в шашки и шахматы» (1915) Д. И. Саргина, предположившего, что шахматы появились у русских до завоевания Ирана арабами, т. е. в VI в. Филологические экскурсы Саргина, которые должны были доказать это положение (например, выведение слова «шеренга» от санскритского «чатуранга»), были, однако, сомнительны. Саргин слишком увлекся к тому же выяснением влияния шашек на эволюцию шахматной игры и в результате приписал им решающую роль в происхождении современных шахмат. Все это снижало научную ценность книги, насыщенной богатым фактическим материалом и рядом интересных соображений по отдельным вопросам развития шахмат.

В какой-то мере влиянием Саргина отмечена работа «К истории шахмат на Руси (материалы и исследования)» (1957) советского исследователя И. Л. Майзелиса, пришедшего к заключению, что шахматы проникли на Русь непосредственно из Индии уже в V—VII вв. При этом главной мотивировкой служил термин «ладья», не имевший хождения среди народов Ближнего и Среднего Востока и оставшийся у славян, по мнению автора гипотезы, после какого-то «первого этапа» заимствования. Однако это положение не было подтверждено сколько-нибудь убедительными фактами, которые доказывали бы наличие в истории Древней Руси разновременных волн проникновения шахматной культуры из стран Востока.

За исключением труда И. Т. Савенкова, широко использовавшего для изучения проблемы «живую старину шахмат» — этнографические материалы, названные работы опирались в своих доказательствах главным образом на этимологические изыскания. Это сужало горизонты обозрения древней истории шахмат, делало выводы не всегда достаточно обоснованными и вескими. К тому же

авторы почти не привлекали для исследования такие важные источники, как былинный эпос и археологические находки. Хотя отдельные историки (С. А. Сорокин, М. С. Коган) и обратили внимание на упоминания шахмат в устном народном творчестве и даже привели в своих работах отрывки из былин, они, однако, меньше всего были склонны видеть в них своеобразный исторический источник для характеристики раннего периода древнерусской шахматной культуры. И позднее некоторые ученые утверждали, что сцены шахматных поединков в народных сказаниях якобы ни в какой мере не отражают увлечения этой игрой в Древней Руси [3]. Иную точку зрения высказал в своей статье «Шах да и мат да и под доску» (1962) академик С. Г. Струмилин: не будучи специалистом в области фольклора, но проявляя интерес к эпосу и шахматам, он правильно поставил вопрос о необходимости исторического осмысления ряда шахматных эпизодов в былинах. Одна из таких попыток была сделана автором настоящей работы (1964), а затем исследователем русского эпоса Р. С. Липец, которая, посвятив свою книгу «отражению в былинах жизни и культуры Древней Руси», уделила в ней внимание и шахматной игре [4].

Долгое время историками шахмат недооценивались также археологические материалы. А между тем уже находки шахматных фигур в конце прошлого века при раскопках в Киеве, а в 30-х годах XX в. в Вышгороде и других городах могли навести исследователей на размышления о более глубокой древности отечественной шахматной культуры, чем это определялось, например, авторами татаро-монгольской теории.

Привлечение для историко-шахматных исследований археологических свидетельств как наиболее достоверных и в ряде случаев — в связи с отсутствием письменных и других надежных источников — решающих доказательств началось сравнительно недавно. В нашей стране первой такой работой была книга «Шатранг» (1936) академика И. А. Орбели и члена-корреспондента АН СССР К. В. Тревер. Авторы исследовали две древние шахматные фигуры, обнаруженные на территории Средней Азии —

---

[3] *В. Я. Пропп.* Русский героический эпос. Изд. 2. М., 1958, стр. 363.
[4] *Р. С. Липец.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969, стр. 5, 274—278.

в Самарканде (Афрасиабе) и Фергане. В своей работе они широко использовали произведение классика персидской и таджикской поэзии Фирдоуси «Шах-наме» («Книга о шахах», X—XI вв.) и «Книгу игр» кастильского короля Альфонса Мудрого (XIII в.). Впервые «нешахматные» специалисты вторглись в область истории шахмат и оценили эту игру как отрасль культуры, изучение которой помогает пролить свет на взаимоотношения и культурные влияния народов древности. Орбели и Тревер высказали предположение о возможности проникновения шахмат на Русь с Кавказа, однако каких-либо тому доказательств не привели.

В конце 40-х — начале 50-х годов советские ученые, преимущественно археологи, в связи с новыми находками также провели исследования, имеющие отношение к древней истории шахмат. Ценные мысли об изготовлении в ту пору шахмат высказал в своем фундаментальном труде «Ремесло Древней Руси» (1948) академик Б. А. Рыбаков. Глубокое исследование шахмат XVII в., найденных на острове Фаддея, произвел ленинградский археолог С. Н. Замятнин. Интересный анализ находки шахматной ладьи XII в. выполнил профессор Н. Н. Воронин в книге «Древнее Гродно» (1954). При исследовании частных вопросов эти ученые не могли избежать работ по истории шахмат и постоянно ссылались на Савенкова, Когана и других историков шахмат.

Сенсационными явились находки на территории древнего Новгорода, где совместной экспедицией Института археологии Академии наук СССР и Московского университета было обнаружено в 50-х годах более 60 шахматных фигур XII — XV вв. Исследование фигур («Шахматы в древнем Новгороде», 1961), проведенное заместителем начальника экспедиции Б. А. Колчиным и автором этой работы, позволило сделать ряд выводов о распространении шахмат на Руси.

В то же время советскими археологами были обнаружены шахматы при раскопках других городов Древней Руси, что сделало необходимым сравнительное изучение этих находок, их анализ и сопоставление с другими историческими источниками и на основе этого новое осмысление уже известного шахматного материала. Опытом такого комплексного исследования древнерусских шахмат явилось первое издание настоящей книги (1964).

За последние годы археологические раскопки городов Древней Руси значительно увеличили число находок шахматных фигур XI — XVII вв. В печати появились сообщения и исследования советских археологов о находках в древнем Киеве (А. М. Шовкопляс), на территории Белоруссии (Г. В. Штыхов, В. П. Даркевич, Л. В. Алексеев, Э. М. Загорульский, Ф. Д. Гуревич и др.). В 1968—1969 гг. М. И. Беловым и О. В. Овсянниковым при раскопках Мангазеи было найдено в общей сложности более 70 шахматных фигур XVII в. Следует также отметить, что продолжающиеся в Новгороде раскопки привели к новым находкам деревянных и костяных фигур, общее число которых уже перевалило за сто.

Археологические открытия в Киеве и Белоруссии, Новгороде и Мангазее, московском Зарядье и других древнерусских центрах представляют интерес для изучения не только истории шахмат в нашей стране, но и для исследования прогресса мировой шахматной культуры. Отсюда — возрастающее внимание зарубежных археологов и историков к древнерусским шахматам. Этим объясняется и появление в шахматном журнале, издающемся в Милане (1962, № 4), статьи итальянского мастера Г. Поррека о новгородских открытиях, и рецензия польского археолога Э. Гонсовской на первое издание настоящей книги в журнале «Археология Польши» (1966, № 1) и широкое включение советских работ в опубликованное в 1969—1973 гг. археолого-библиографическое изыскание западногерманского историка шахмат Э. Мейсенбурга, где в общей сложности приводится свыше 300 книг и статей, напечатанных в разное время в ряде стран об археологических находках шахматных фигур и досок.

Появление этих работ тем более симптоматично, что еще совсем недавно в крупных зарубежных монографиях и публикациях шахматных фигур средневекового Востока и Запада, где приведены интересные образцы шахмат Индии, Ирана, арабских стран, Италии, Франции, Германии, Скандинавского полуострова и других районов Европы и Азии, Древняя Русь не была представлена (в лучшем случае можно было найти изображения холмогорских шахмат XVII в.).

Если же сравнить имеющиеся сегодня в распоряжении советских ученых сотни шахматных фигур Киева и Волковыска, Новгорода и Москвы, острова Фаддея и Манга-

зеи и многих других центров Древней Руси с теми фигурами, которые опубликованы в зарубежных работах, особенно в превосходно изданной книге западногерманских авторов Г. и З. Вихман «Шахматы. Происхождение и развитие шахматных фигур за двенадцать столетий» (Мюнхен, 1960), то станет ясно, какое неповторимое богатство сосредоточено ныне в археологических лабораториях и музеях Советского Союза. Все это достигнуто благодаря расширению масштабов и высокому уровню советских археологических работ. Вместе с тем это определяет и мировое значение археологической коллекции шахмат в СССР, без знания и изучения которой сегодня уже не могут выполнить серьезные исследования в этой области зарубежные археологи и историки шахмат.

Следует также принять во внимание, что фронт археологических исследований в нашей стране из года в год растет, при этом постоянно увеличивается и число находок древних шахмат, что повышает научное значение этих открытий.

Теперь уже нет сомнения, что ни одного важного вопроса в древней истории шахматной культуры не решить без помощи археологии. То, что еще несколько лет назад могло быть высказано лишь в качестве предположения, ныне благодаря вещественным свидетельствам приобретает, наконец, силу доказательства.

Очевидно и другое: в связи с накоплением нового древнерусского археологического материала о шахматах необходимо периодически производить осмысление его с привлечением исторических, этнографических, этимологических и других работ. Сравнение, например, числа и самого характера шахматных находок, имевшихся в распоряжении ученых в 1952 г. (около 40), 1962 г. (более 150) и 1972 г. (свыше 250), показывает, как постепенно возрастает вооруженность фактами, насколько увеличиваются возможности для более определенных выводов и вместе с тем усложняется сама проблема археологии шахмат, расширяются перспективы исторического исследования шахматной культуры.

В настоящей работе сделана попытка разработать типологию древнерусских шахматных фигур XI—XVII вв. по материалам советских археологических открытий 40-х— начала 70-х годов. При этом материалы экспедиций анализируются на фоне общеисторических событий, с при-

влечением различных, в том числе зарубежных, публикаций по проблемам археологии и этнографии, общих и частных историко-шахматных исследований. Широко используются также этимологические, фольклорные и другие материалы. В сопоставлении с археологическими находками они позволяют произвести комплексное изучение, что является, на наш взгляд, наиболее эффективным путем к решению ряда проблем истории шахмат Древней Руси.

В своем исследовании автор не ограничился уже опубликованными или малоизвестными фактами, а стремился привлечь новые материалы. Были изучены архивные фонды Государственного Исторического музея в Москве, Государственного Эрмитажа в Ленинграде, материалы Новгородской и Московской экспедиций Института археологии АН СССР, Музея истории и реконструкции г. Москвы, исторических музеев в Киеве, Смоленске, Минске, Тракае.

Наряду с данными о новых археологических находках в книге имеются и публикации письменных источников. Автор пользовался картотекой древнерусского языка (XIII — XVII вв.) Института русского языка АН СССР, старинными рукописями и книгами, хранящимися в Московской Оружейной палате, Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве, Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ознакомился с рядом источников в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве.

При работе над новой книгой автор стремился учесть также замечания и пожелания, высказанные историками, археологами и этнографами как после выхода в свет первого издания, так и в процессе подготовки второго издания.

Пользуясь случаем, автор сердечно благодарит всех товарищей, кто проявил интерес к предмету настоящего исследования и содействовал его осуществлению. С благодарностью будут приняты также и все критические замечания по новому изданию книги.

ОТКУДА ПРИШЛИ ШАХМАТЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ШАХМАТ

Родина шахмат — Индия. Время возникновения неизвестно. Начало им было положено в первых веках нашей эры и окутано дымкой красивых легенд, повествующих о создании мудрой игры, способной дать неисчерпаемую пищу уму, упоение радостями бескровной битвы, утешение в превратностях человеческой жизни...

Ученые разных стран вот уже более полутора столетий стремятся проникнуть в тайну происхождения шахмат. Они изучают санскритские рукописи и трактаты средневековых мастеров, фольклор и этимологию восточных народов, археологические находки и другие исторические памятники, чтобы установить характер игры, послужившей основой для создания шахмат, время и место появления их в известном нам сегодня виде.

К каким же выводам пришли исследователи? Прежде всего, что современные шахматы — плод длительной эволюции игры. Многие полагают, что она возникла в Северной Индии под названием «чатуранга» (четырехсоставное войско). В ней были представлены фигуры, изображавшие слона (хасти), колесницу (ратха), всадника (ашва) и пехотинца (падати), а также царя (раджа). Позднее она встречается у индийских авторов под именем «чатурраджа» (игра четырех царей). Фигуры располагались на 64-клеточной доске (аштапада) в четырех углах.

Чатуранга описана, в частности, у хорезмийского ученого Бируни в его труде «Индия» (XI в.)[1]. То не были еще шахматы в нашем представлении: не только по-иному размещались фигуры и отсутствовал ферзь, но и сама игра сводилась не к заматованию короля, а к уничтоже-

---

[1] *Абурейхан Бируни.* Избр. произв., т. II. Индия. Ташкент, 1963, стр. 186—187.

нию всех сил противника. Соперники делали ходы поочередно в соответствии с показаниями игральной кости. Например, если выпадала цифра 2, то играла ладья, 3 — конь, 4 — слон и т. д. Причем каждая фигура имела определенную стоимость, согласно которой играющие получали долю ставки.

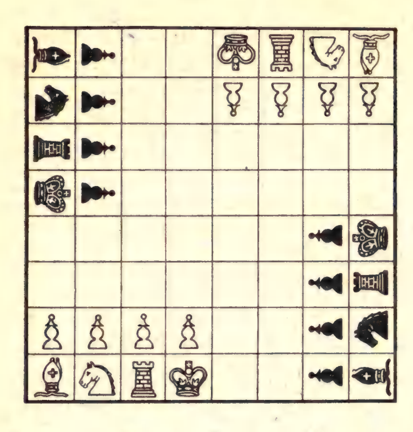
Как строй войска чатуранга часто упоминалась в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», который сложился примерно в VI — V вв. до н. э. и был записан на санскрите в первые века нашего летосчисления. В нем нередко говорится и об игре в кости. Герой Юдхиштхира благодаря не знающей границ страсти к этой игре теряет царство, обрекает себя и близких на тяжелые скитания. О том, насколько велика была приверженность к ней у юношей древней Индии, рассказывает еще «Ригведа», где в «Гимне игрока» игральные кости рассматриваются как враждебная человеку магическая стихия:

Они вниз катятся, они вверх прядают,
Без рук одолевают имеющего руки.
Неземные угли, брошенные в желобок,—
Сжигают сердце, хоть и сами холодные[2].

Воспринималась ли чатуранга как одна из разновидностей игры в кости и потому не считалась достойной особого описания, мы не знаем. Ясно лишь одно, что ни эпос, ни санскритская литература первых столетий новой эры, ни легенды о шахматах, получившие распространение на Востоке в средние века, ничего не добавляют к решению вопроса о времени ее бытования и месте сложения. В этом плане не может поведать что-либо и самая старая из известных легенд о шахматах. Создание их она приписывает одному брахману, который за свое изобретение попросил у раджи незначительную на первый взгляд награду — столько пшеничных зерен, сколько покажут 64 клетки шахматной доски, если, начиная с одного зерна, число все время удваивать. Их оказалось, однако, так много (18 446 744 073 709 551 615), что раджа оказался не в силах выполнить свое обещание.

Так как по сути своей эта легенда говорит лишь об игровых возможностях на 64-клеточной доске и не содер-

[2] «Поэзия и проза Древнего Востока».— «Библиотека всемирной литературы». М., 1973, стр. 386.

Чатуранга

жит ничего специфического для шахмат, то нельзя исключить ее рождения в Индии задолго до этой игры. Позднее же мифическая версия стала вполне естественно ассоциироваться с созданием шахмат. Поэтому сюжет ее представляет интерес скорее для исторического обозрения математических теорий игр.

В этой связи трудно согласиться с отдельными гипотезами по вопросам возникновения шахмат, которые основаны не на конкретно-историческом анализе, а на различных математических, астрологических и других теориях [3]. Установление математической и иной первоосновы ходов фигур может, на наш взгляд, оказаться полезным для выявления разного рода игр, предшествовавших чатуранге, но менее всего помогает узнать, как зародилась игра военного характера, а тем более причины ее быстрого распространения и особенности эволюции в других странах. Нельзя отрицать и того, что астролого-математические концепции, которые стали модными в последнее время, усиливают интерес к дискуссии вокруг проблем происхождения шахматной игры, однако практически они пока не помогли решить ни одного вопроса, связанного с выяснением обстоятельств и времени появления ее на свет.

---

[3] Так, в книге Н. М. Рудина «От магического квадрата к шахматам» (М., 1969) искусственный характер носит объяснение происхождения игры, расстановки фигур и правил игры скрытыми в квадрате шахматной доски магическими рядами с одной и той же константой.

Для установления истоков шахмат более важное значение будет иметь, по-видимому, серьезное изучение таких вопросов, как развитие военного искусства в древней Индии и сопредельных странах; упоминания о шахматах в санскритской литературе, а также в эпосе индийского и других восточных народов; развитие античной скульптуры и мелкой пластики на Востоке; роль буддистов в распространении индийской культуры среди соседних народов; исследование быта и духовной жизни в государствах Кушан (II — I вв. до н. э.— III — IV вв. н. э.) и эфталитов (V — VI вв. н. э.), которые занимали обширную территорию Северной Индии и прилегающих районов современного Афганистана, южных районов Средней Азии, часть восточного Ирана, знали развитые формы городской цивилизации и оказали заметное влияние на другие страны. Комплексное изучение этих проблем в соединении с уже накопленными сведениями позволит приоткрыть завесу над вековой тайной происхождения шахмат.

Особенное значение приобретает изучение материалов археологических раскопок. Как известно, в античное время и раннем средневековье искусство реалистического изображения животных и людей в виде терракотовых статуэток, а также костяных и иных изделий достигло высокого уровня в Индии, Средней Азии, Иране и других странах Востока. Отсюда закономерно появление таких игр, где на доску ставились миниатюрные изобразительные фигуры. Наряду с другими обстоятельствами это в немалой степени благоприятствовало зарождению и распространению чатуранги.

Археологии предстоит сказать свое слово в изучении проблем происхождения и первоначального развития шахматной игры. Об этом свидетельствует, в частности, находка осенью 1972 г. во время раскопок городища Дальверзин-Тепе двух фигурок из слоновой кости, датируемых II в. н. э. и изображающих слона и быка-зебу. Высота первой из них около 2 см, второй — 1,8 см. Они были обнаружены экспедицией ташкентского Института искусствознания имени Хамзы под руководством члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР Г. А. Пугаченковой, которая уже несколько лет исследовала этот древний город на правобережье Сурхандарьи. Он возник еще в греко-бактрийскую эпоху (III — II вв. до н. э.) и стал затем одной из цитаделей Кушанского государства.

В городище Дальверзин-Тепе открыты памятники древней архитектуры, квартал гончаров, скульптура из буддийского святилища, фрагменты терракотовых статуэток и ранней кушанской живописи, клад редчайших драгоценных украшений. Две миниатюрные фигурки, которые руководители экспедиции определили как шахматные, были обнаружены на полу одной из комнат дома на глубине до 2,5 м от дневной поверхности. Датировалась находка вторым веком благодаря тому, что в слое, лежащем выше ее на 40 см, нашли бронзовую монету кушанского царя Хувишки (ок. II в. н. э.). Так что эти фигурки могут быть и более раннего времени.

Авторы находок склонны отнести их к переходной форме игры от чатуранги к шатрангу. При этом они называют чатурангой «сражение равных по силе партнеров, как бы идущих из четырех стран света, из четырех углов разделенной на клетки доски»[4]. К такому заключению археологи пришли, исследуя изображения на капителях индийских стамб III — II вв. до н. э. слона, льва, быказебу и коня, символизировавших четыре страны света. Эта символика, по их мнению, вошла и в чатурангу. Интересно также предположение, что ко времени образования Кушанской державы в I в. н. э. чатуранга в Индии существовала, ибо дальверзинские находки говорят в пользу того, что уже в следующем столетии она проникла в северо-западные владения в Бактрии.

Насколько эта гипотеза соответствует действительности, сегодня еще трудно сказать. Она не совсем согласуется, правда, с терминологией чатуранги и последующим развитием игры, представляющей собой своеобразную модель военного сражения, а не символику, в которой фигуры животных олицетворяли части света. Последнее скорее всего могло иметь место в какой-то невоенной игре, непосредственно предшествовавшей чатуранге.

Хотя двух фигурок еще недостаточно для того, чтобы определенно сказать, принадлежали ли они к шатрангу, чатуранге или к другой более ранней форме, в целом следует оптимистично оценивать значение дальверзинских

---

[4] *Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов.* Исследование Дальверзин-Тепе в 1972 г.— В сб. «Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана». Л., 1974, стр. 65.

Слон и бык-зебу. Слоновая кость. II в. Дальверзин-Тепе

находок для изучения проблем возникновения и первоначального развития шахмат и ожидать новых археологических открытий на древних городищах Кушанского царства периода его расцвета и государства эфталитов.

Одна из трудностей в распознании древних шахматных фигур Индии и стран Средней Азии состоит в том, что мы не знаем еще, всегда ли они изготавливались в полном соответствии с характером военной игры и терминологии. В частности, изображались ли кони без всадников, слоны без воинов и воинского снаряжения, употреблялись ли уже тогда символические фигурки, особенно в значении пешек, насколько реалистично воспроизводились боевые колесницы древней Индии.

Решение этих вопросов важно не только для изучения чатуранги, но и для представления о ее дальнейшем развитии. Со временем она претерпела столь значительные изменения, что по существу возникла не модификация ее, а совершенно новая игра. Вместо четырех лагерей по восьми фигур в каждом на доске появилось два лагеря, сражались два противника, каждый из которых имел в своем распоряжении по шестнадцати фигур. Одна из них, изображавшая полководца, стала называться шахом (королем), которого по правилам игры уже нельзя было уничтожать, а другая — его советником (ферзем). Такой по-

рядок и расположение фигур сохранились в шахматах до настоящего времени.

Новая игра получила название «шатранг». Когда и где появился впервые шатранг?

В поэме Фирдоуси «Шах-наме» приводятся две легенды о возникновении и первоначальном распространении игры, в которой действуют и «победу разумом одерживают» фигуры, изображающие войско. Героями одной из них являются индийские царевичи Гав и Талханд. После смерти отца Джамхура между ними возникла междоусобица, в результате которой войско Талханда было разгромлено, а сам он внезапно скончался на спине слона. Мать, узнав о смерти младшего сына, в скорби и отчаянии обвинила Гава в убийстве брата. Желая утешить мать и показать, что Талханд не был убит в сражении, Гав собрал мудрецов со всех концов страны. Один из них, что слыл «в Индии доблестней всех и мудрей, ... поле войны начертал, движение войск и вождей указал». На доске, разбитой на клетки, он изобразил весь ход битвы, гибель одной из армий при сохранении жизни ее полководца.

В передаче другого сказания об изобретении шахмат поэт использовал мотивы небольшого произведения «Матикан-и-чатранг» («Книга о чатранге»), вошедшего в пехлевийский эпос, который был сложен на рубеже VI и VII вв. Здесь излагается традиционная раннесредневековая версия о том, как эту сложную игру для разгадки ее сущности один царь послал другому, в данном случае индийский раджа — могущественному шахиншаху Ирана Хосрову I (531—579). Среди приближенных шаха нашелся лишь один мудрец Важургмихр (у Фирдоуси — Бузургмихр), которому удалось разгадать правила шахматной игры. Любопытен такой штрих эпоса: игра считалась плодом долгих лет совершенствования. «Сколько ученых Индии эту игру чатранг с большим трудом и усердием создали, сюда прислали, расставили и никто раскрыть ее в состоянии не был».

Обе легендарные версии обращают на себя внимание в первую очередь своей индийской «направленностью». Но первая из них могла с одинаковым успехом появиться как в Северной Индии, так и за ее пределами, где преобладало влияние буддистов. Что касается второй легенды, то в ней нашла отражение общая идеализация времени Хосрова, который слыл покровителем наук и искусств

и способствовал усилению культурных связей Ирана с Индией. Становится понятной и причина появления индийской версии изобретения шатранга в столь характерной для средневекового фольклора форме «загадки-разгадки». К тому же, как полагают некоторые ученые, исследовавшие пехлевийский эпос, «Книга о чатранге» излагает события, относящиеся не ко времени Хосрова I, а к гораздо более раннему периоду — Ардашира I (III в. н. э.)[5].

Едва ли возможен поэтому историко-хронологический анализ предания для выявления «точных данных» проникновения шахмат в Иран и даже установления времени изобретения игры. А между тем именно так поступил Г. Мэррей, утверждая, будто изучение пехлевийской легенды говорит в пользу того, что шахматы были изобретены около 570 г. н. э.

Дата, выдвинутая Г. Мэрреем, долгие годы считалась общепринятой и стала оспариваться только в последнее время. Советские историки шахмат З. М. Ходжаев, Ф. Р. Дюммель, И. Л. Майзелис еще в 50-х годах пришли к выводу, что шатранг в отличие от чатуранги сложился на территории южных районов Средней Азии, которые, как уже отмечалось, в первых веках нашей эры были объединены с Северной Индией в одном Кушанском, а затем эфталитском государствах и испытывали сильное влияние индийской культуры.

Тот факт, что в создании этих государств сыграли важную роль ираноязычные народности Средней Азии, делает не только понятным, но закономерным возникновение терминологии шатранга, которая далеко не вся может быть объяснена строем индийского войска и вообще индийской действительностью (в частности, «фарзин», «рух»).

Индийская традиция связывает появление шахматной игры на стадии шатранга (именуемой «буддхичал» — игра, основанная на силе разума) с излагаемым в «Законах Ману» (составлены во II в. до н. э. — II в. н. э.) запретом азартных игр. Прямого подтверждения такой последовательности не найдено. Хотя, как полагают некоторые исследователи, в сравнительно поздних санскритских

---

[5] *E. Herzfeld.* Zoroaster and his World, vol. II. Princeton, 1947, p. 626—628; см. также: *J. C. Tavadia.* Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zaratustrier. Leipzig, 1956, S. 139—140.

источниках (например, в романе Дандина, ок. 2-й половины VII в.) не говорится о костях, когда речь идет о шахматах [6].

Что касается более ранней санскритской литературы, то в ней упоминание об игре чатуранга, в которой ходы фигур определялись бросанием костей, тоже еще не доказано. Поэтому при современном состоянии знаний по данному вопросу было бы нецелесообразно отбрасывать высказанное еще в прошлом столетии предположение, что игра была создана буддистами, которые, направляясь из Индии в соседние страны, принесли с собой и чатурангу.

В таком случае, однако, возникает вопрос: на какой стадии развития игры и в какое время появилась она на свет — при Кушанах или эфталитах, в форме четверной игры или в известной ныне расстановке фигур?

Сегодня мы еще не можем ответить на эти вопросы. Ясно лишь, что шатранг, подобно чатуранге, воспринимался как индийская игра, независимо от изменений, которые возникли в ней в связи с буддистским влиянием. В Иране тоже трактовали шатранг как игру, непосредственно полученную из Индии, а завоевавшие Иран столетие спустя арабы стали полностью разделять их взгляды на происхождение шахмат. Так, басриец ал Джахиз (ум. в 868 г.), характеризуя индийскую культуру, не забывает упомянуть: «Индийцам принадлежат шахматы, а это — самая благородная и самая разработанная и остроумная игра».

Правильно отражая в целом истоки игры, средневековые авторы были, однако, далеки от представления конкретных обстоятельств ее создания и следовали главным образом легендарным версиям. Поэтому следует относиться к их объяснениям весьма осторожно. Необходимо, в частности, учитывать роль Средней Азии, которая в первые века новой эры вместе с Северной Индией входила в регион, где формировалась шахматная игра. В тот период Средняя Азия была, по выражению советского историка и археолога Б. А. Литвинского, своеобразным «ретранслятором» буддизма и индийской культуры как

---

[6] *Paul Thieme.* Chess and Backgammon (Tric-Trac) in Sanscrit Literature.— «Indological Studies in Honor of W. Norman Brown». New Haven, Connecticut, 1962, p. 216.

на Дальний Восток, так и в сторону Запада[7]. Не случайно — и это справедливо отмечали многие ученые — шахматы получили в раннем средневековье распространение в тех азиатских странах, где буддизм стал господствующей религией или оказывал сильное влияние, — в Бирме, Сиаме, Тибете, Монголии, Японии, Китае. В большинстве из них в соответствии с особенностями быта, военного дела, языка, национальных традиций и т. д. шахматные фигуры приобрели своеобразные очертания, хотя корни шатранга нетрудно усмотреть и в расстановке этих фигур, и в правилах игры, и даже в терминологии.

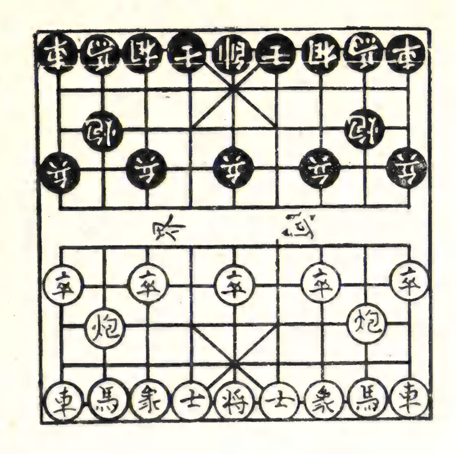
Сложнее оказывается вопрос о китайской шахматной игре — сянци. В ней фигуры передвигаются не по 64 полям, а по 90 «линиям» и «точкам». Столь сильное отличие сянци от шатранга привело к тому, что некоторые историки стали утверждать, будто она предшествовала шахматам и даже явилась первоосновой, от которой произошла чатуранга. С такой гипотезой выступил, в частности, английский китаист Дж. Нидэм в 1962 г. в своем труде «Наука и цивилизация в Китае». Настораживает уже название главы, которая посвящена происхождению игры: «Магнит, предсказание и шахматы»[8]. В качестве исходного положения для своих умозаключений «о тесной связи между магнитом и шахматами», «о связи между шахматами и астрологической символикой» Нидэм берет следующую посылку: для нашей цели, заявляет он, мы считаем удобным определить шахматы как любой набор небольших символических моделей, которые могут представлять собой не только части армий, но и животных или небесные тела, такие, как солнце и луна, планеты, звезды и зодиакальные созвездия.

А такая посылка позволяет автору делать самые невероятные сопоставления игр, разных по форме и по своей сущности (например, шахмат и... домино, шахмат и... предсказаний с помощью стрел, палок и т. д.), и даже составить «Схему, изображающую родственные связи игр и средства предсказания в зависимости от развития магнитного компаса». Конечно, при столь вольном методе рас-

---

[7] *B. A. Litvinsky.* Outline of History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968, p. 75; *Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль.* Аджина-Тепа. Живопись. Скульптура. Архитектура. М., 1971, стр. 137.

[8] *J. Needham.* Science and Civilization in China, vol. 4, part 1: Physics. Cambridge, 1962, p. 314—333.

Сянци

суждений можно объявить и астрономическую игру, изобретенную в Китае в 569 г., как прямую предтечу наших современных шахмат. А в своих выводах Нидэм прямо заявляет: «Боевой элемент шахмат, по-видимому, развился из предсказательной техники, в которой он предназначался для обеспечения баланса... противоборствующих сил «зла» и «добра» во Вселенной (VI в. н. э., Китай, откуда в VII в. они перешли в Индию, превратившись там в игру для досуга)».

Нетрудно заметить, что гипотеза эта носит в целом надуманный характер: автор стремится во что бы то ни стало доказать превращение астрологической техники, используемой для предсказаний, в военную игру; и в угоду этой предвзятой идее он пренебрегает анализом подлинных исторических обстоятельств возникновения шахматной игры и процесса ее распространения среди народов Азии и Европы. Тем не менее некоторые историки шахмат взяли ее на вооружение.

Так, профессор П. Бидев опубликовал в журнале «Македонски шах» (1971, № 3) статью, в которой утверждал: «Шахматы возникли в 569 г. в Китае как астрологический инструмент предсказания». При этом он ссылается на Нидэма и опубликованный последним в названной выше работе документ «Введение канцлера Ван Бао к шахматной книге императора У Ди, который в 569 г. изобрел астрономические шахматы». И вслед за Нидэмом Бидев повторяет вывод, будто в Китае зародились шахматы, а индий-

ская чатуранга является их дальнейшим развитием. Или, как пишет автор гипотезы, «первая крупная реформа шахматных правил (китайских) произошла в VII в. в Индии». В 1972 г. эта идея получила развитие в книге Бидева «Шахматы — символ космоса (Развитие шахмат от китайской астрологии до индийской мистики)».

Эта гипотеза далека от истины не только потому, что объявляемая ею дата — 569 год (кстати, задолго до Нидэма известная историкам) — является слишком поздней для возникновения шахмат. Как уже отмечалось, имеется немало свидетельств, в том числе археологических, которые дают основание предполагать гораздо бо́льшую древность игры. Возможность развития чатуранги из китайских шахмат (сянци) маловероятна и по той причине, что первая исторически отразила строй войска древних индийцев, который еще задолго до VI в. многократно упоминался в эпосе «Махабхарата».

Отсюда естественно предположить, что символическое воспроизведение этого строя на шахматной доске и дало игре одноименное название. Если бы она пришла из Китая, то сохранились бы какие-то этимологические следы этого «пути», подобно тому как легко проследить прямое заимствование терминов от индийцев в среднеазиатско-иранских названиях игры (чатуранга — чатранг — шатранг) и фигур, например ладьи (ратха—рух). Даже в монгольском названии шахматной игры «шатар» нетрудно увидеть влияние шатранга.

Хотя прямого этимологического влияния шатранга на сянци не видно, однако в большинстве фигур китайской игры и их ходах ясно прослеживается связь с шатрангом. Особенно же обращает на себя внимание наличие в сянци фигуры слона, совсем не характерного для китайской жизни и военной стратегии. Даже Нидэм, почувствовав в этом вопросе слабость своей концепции, вынужден был в примечании заметить, что превращение одной из фигур сянци в слона «возможно, произошло под более поздним индийским влиянием».

Как же в таком случае объяснить тот факт, что в отличие от других стран, где шахматы в основном сохранили весь строй фигур и правила игры, в Китае от них остались лишь немногие «следы» и «отпечатки»? Это вызвано, по нашему мнению, тем, что здесь задолго до прихода шатранга существовали свои шашечные и военные игры, ко-

торые пустили глубокие корни в народе и имели уже традиционные формы развития. В этих условиях чужеземная игра могла или совсем не привиться, или наложиться на национальную основу. Именно такое явление наблюдалось в Китае. Здесь, как отмечает Нидэм, еще в IV в. была, например, в ходу военная игра, в которой на доске, разбитой на 361 поле, участвовало около 150 фигур, причем они двигались по линиям и точкам.

Но какой бы громоздкой и сложной ни была эта игра, отнимавшая очень много времени у соперников, она имела богатые традиции и потому не могла исчезнуть бесследно при появлении в Китае шатранга, принесенного буддистами (к 580 г. только на севере страны насчитывалось более 40 тысяч буддийских храмов и монастырей. Буддизм оказал влияние на китайскую философию, литературу и искусство, через него Китай приобщился к культуре Индии и Средней Азии). В результате слияния местной игры и весьма привлекательного пришельца и возникла новая, синтетическая форма, известная под именем «сянци» («игра слона», или, как ее сейчас объясняют в Китае, «игра в батальную стратегию»). От китайской традиции в ней остались линии да точки, по которым велась игра. Возможно, что от этой традиции идет и своеобразная «нейтральная» полоса хань, которая ассоциируется с рекой и разделяет два лагеря противников в середине доски по горизонтали. В IX в. на доске появились пушки (пао), которые тоже придают сянци известное своеобразие. Зато от шатранга пришли сюда фигуры, часть из которых служила прямым напоминанием об исходной игре (слоны, кони, повозки, солдаты). И хотя вместо миниатюрных изобразительных скульптурок в игре традиционно стали применяться шашки, на которых иероглифами обозначалось их достоинство, это не помешало И. Т. Савенкову, Г. Мэррею и другим исследователям установить определенную преемственность, или влияние на нее индийской игры.

К такому выводу приходили и китайские ученые. Например, Тан Ао-шуан в 1958 г. писал: «По данным, родиной шахмат является Индия, из которой в Европу они проникли через мусульман Среднего и Ближнего Востока, а в Китай занесены вместе с буддизмом еще во времена Танской династии».

Сказанное позволяет сделать заключение, что шахматы возникли не в связи с астрологическими концепциями, а

как военная игра, символически отобразившая строй древнего войска. В пользу этого говорят результаты конкретного, комплексного изучения исторических, этнографических, археологических, литературных, фольклорных источников, данные этимологии и др. Исследование всех этих материалов позволяет уже сейчас сделать вывод о значительном вкладе в развитие средневековых шахмат народов не только Индии, но Средней Азии и Ирана. Это, между прочим, делает понятным, почему среди крупнейших мастеров шатранга было немало таджиков, хорезмийцев, туркмен, персов. А великолепный шахматный трактат таджика Абулфатха (XI—XII вв.) представляет собой своеобразную энциклопедию средневекового шатранга.

Новые возможности для исследования этого вопроса открывают результаты археологических раскопок последних лет. Еще до недавнего времени древние фигурки шахмат, найденные в Средней Азии, исчислялись единицами, сейчас же их найдено несколько десятков. Кроме отмеченных выше двух пока еще спорных фигурок из Дальверзин-Тепе, шахматы были обнаружены при археологических раскопках Афрасиаба (Самарканд), Ферганы и Мунчак-Тепе в Узбекистане, городища Хульбук в Таджикистане и в других местах.

Среди них представляют особый интерес четыре костяные исполненные в реалистической манере изобразительные фигуры: всадник и пешка из Афрасиаба, рух (ладья) из Ферганы и всадник из Хульбука. Первые три из них по манере изготовления и характеру изображения, по всей вероятности, относятся к VI—VIII вв. и показывают, что фигурам шатранга, как, по-видимому, и ранее фигурам чатуранги, первоначально придавалась форма, соответствовавшая их названиям — слонов, всадников, пехотинцев и т. д. В VIII—IX вв. фигуры потеряли сочность и изобразительность, их изготовление упростилось. Произошло это под влиянием арабов.

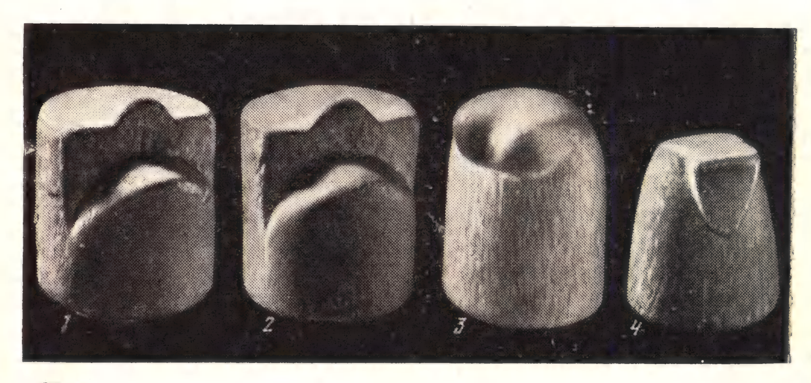
Завоевав огромные территории и распространив в покоренных странах мусульманскую религию, арабы вместе с тем восприняли многие достижения более высокой и древней культуры народов Ирана, Средней Азии и Индии. В числе этих культурных богатств были и шахматы. По-видимому, арабы еще не знали игры ко времени составления Корана, и потому она не подверглась запрету.

Шахматные фигуры. Слоновая кость. VI—VIII вв.
Всадник и пешка — *Афрасиаб.* рух — *Фергана*

По законам ислама нельзя изображать живые существа. В одном из хадисов (так назывались приписываемые Мухаммеду изречения) говорилось: «Несчастье тому, кто будет изображать живое существо... В день страшного суда от него потребуют, чтобы он дал изображению душу, но он не сможет сделать этого».

Правда, это запрещение не везде и не всегда выполнялось, о чем свидетельствуют дошедшие до нас рукописи с рисунками и предметы прикладного искусства, сохранившиеся отдельные произведения скульптуры, в частности изобразительные фигурки шахматных комплектов.

Но здесь уже в слонах, например, обращает на себя внимание условное изображение погонщиков. Несомненно, что на характер скульптурных миниатюр повлиял упомянутый выше хадис.

Что касается ортодоксальных мусульман, то они выполняли хадисы так же неукоснительно, как и установления Корана. Под влиянием запретов шахматы на Востоке в основном лишились изобразительности, и вместо боевых слонов и всадников, шахов и пеших воинов появились символические, абстрактные шахматные фигуры. Так, от птицы рух, заменившей собой на Среднем Востоке индийскую колесницу ратху, остались одни лишь обрубки крыльев в виде верхних выступов в своеобразной фигурке с прямоугольником в основании. Столь же неузнаваемо изменились очертания других древних фигур — слона и коня с всадником. От бивней слона сохранились два символических выступа у цилиндрического или конусовидного туловища, а всадник с конем превратился в символическую фигуру с одним верхним выступом. Эти геометрические фигуры вскоре стали первыми образцами для европейских форм шахмат.

На прогресс шахматной культуры создание абстрактных форм фигур оказало положительное влияние. Теперь реалистические изображения фигур перестали отвлекать шахматиста от своеобразного аналитического процесса в ходе шахматной партии. К тому же значительно облегчалось их изготовление, что открыло путь к демократизации шахматной игры.

Правила шатранга, или, как его стали называть арабы, шатранджа, еще сильно ограничивали комбинацион-

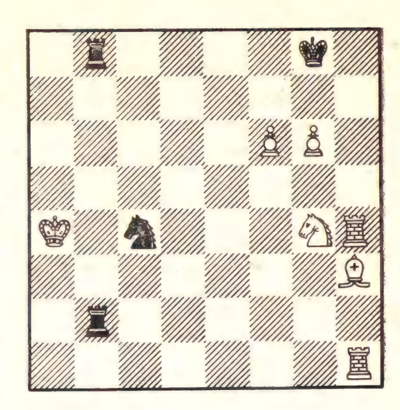
Арабские шахматные фигуры. Кость. VIII—IX вв.
1 — король (шах),
2 — ферзь (фарзин),
3 — слон (фил),
4 — конь (фарас),
5 — ладья (рух),
6 — пешка (байдак)

ные возможности шахматной борьбы. Одна из главных ныне фигур — ферзь — была тогда слабейшей и ходила по диагонали на одно поле; слон тоже передвигался по диагонали, но лишь через поле, при этом он, подобно коню, мог прыгать через фигуру; рокировки не было; пешка не имела первого двойного хода. Лишь конь и ладья двигались так же, как и теперь. Не удивительно поэтому, что борьба развертывалась крайне медленно, и даже пат или уничтожение всех сил противника (кроме короля) оценивались как победа. Чтобы ускорить игру, обычно начинали партию с заранее разработанных, иногда симметричных положений. Известно около двух десятков подобных дебютных построений, называвшихся «табиями».

Все эти ограничения не помешали лучшим мастерам того времени создавать изящные шахматные задачи (мансубы), исследовать многие позиции эндшпиля и построить своеобразную теорию игры. Обращает на себя внимание художественная сторона мансуб, созданных среднеазиатскими, персидскими и арабскими мастерами. В блестящих жертвах и эффектных заключительных позициях этих задач авторы выражали свои эстетические вкусы, свой идеал красоты. Большую известность получила, например, арабская мансуба X в., носящая поэтическое название «мат Диларам». Согласно легенде, Диларам была женой арабского визиря, страстного любителя шахматной игры. Однажды, проиграв все свое достояние, он сделал ставку на Диларам. Партия сложилась для него неблагополучно. И вот уже в безнадежном положении, когда белым грозил, казалось, неизбежный мат, наблюдавшая за борьбой Диларам крикнула визирю: «Пожертвуй оба руха (ладьи) и спаси меня!» И действительно, в позиции мансубы белые осуществляют красивую выигрывающую комбинацию.

В те времена шахматная игра была признана одним из необходимых элементов воспитания знати. Нередко игре покровительствовали халифы, при дворе которых собирались лучшие мастера: ал-Адли, ас-Сули, Зайраб, Абу-Наим, Абу-Гафиз и многие другие. М. К. Гоняев, много времени посвятивший изучению шатранджа, отмечал изящный и тонкий стиль мансуб, дальновидность расчетов мастеров восточного средневековья.

Западная Европа познакомилась с шахматами не позже X — XI вв. Произошло это после завоевания арабами

«Мат Диларам»
1. Лh8+Кр : h8
2. Cf5+Лh2
3. Л : h2+Крg8
4. Лh8+Кр : h8
5. g7+Крg8
6. Кh6×

Испании и Сицилии. Отсюда игра постепенно распространилась в Италии, Франции, Англии, скандинавских и других странах. Придя в Европу, игра претерпела вскоре заметные преобразования; особенно это коснулось правил, а также терминологии. Единственно, что было воспринято у арабов без каких-либо существенных изменений,— это шахматные фигуры. Символические очертания восточного типа фигур сравнительно долго были в обиходе европейских народов.

Изменение некоторых правил игры явилось результатом вполне естественного стремления шахматистов сделать игру более динамичной. Слон получает право движения по всей диагонали, а ферзь становится сильнейшей фигурой, сочетая одновременно ходы ладьи и слона. Пешке разрешается при первом ходе ступить на два поля вперед и уничтожить пешку противника «на проходе». Наконец, возникла потребность во введении рокировки, которая позволяла один раз в партии переставить короля из начальной позиции в более безопасное место по той же первой горизонтали. Иначе говоря, шахматная игра стала постепенно приобретать современный вид. Однако все эти нововведения утвердились на практике позднее, в XVI — XVII вв.

Прогрессу шахмат в эпоху Возрождения во многом способствовали развитие различных областей культуры и, конечно, изобретение книгопечатания. Выходят в свет первые шахматные трактаты испанца Лусены (1497), португальца Дамиано (1512), у которых можно увидеть зачатки дебютной теории. Устраиваются состязания между

сильнейшими шахматистами Испании и Италии. Так, в 1575 г. в Мадриде состоялся турнир с участием Руи Лопеса из Эстремадуры, Альфонса Серона из Гранады и двух итальянцев — Джованни Леонардо и Паоло Бои. О встречах этих шахматистов сохранились интересные описания и легенды. И это не удивительно, ибо шахматные поединки устраивались тогда с большой торжественностью при дворах королей и были овеяны романтикой рыцарских турниров и похождений.

Среди шахматных мастеров эпохи Возрождения выделяется Джоакино Греко из Калабрии (1600—1634). Он много путешествовал, успешно играл во Франции, Англии и других странах. Игра его отличалась смелостью атак, блеском комбинаций, эффектными жертвами фигур. Свои партии мастер записал и снабдил комментариями. Рукописный сборник был издан после смерти Греко и оказал заметное влияние на шахматную игру того времени.

Утратив традиции восточного шатранджа, европейские шахматисты сохранили довольно смутные представления и о происхождении игры. А в эпоху Возрождения, когда величайшие ценности древнегреческой цивилизации стали предметом поклонения и пристального изучения, распространилось мнение, будто шахматная игра возникла за много сотен лет до нашей эры и была уже в то время известна не только в Индии, но и в древнем Египте и античной Греции. При этом смешивали древнегреческую игру с костями (петейю) с шахматами и приписывали изобретение их мифологическому герою Паламеду, считавшемуся создателем древнегреческого алфавита, цифр, монет и других приобретений человечества. Подобные взгляды еще долго удерживались в Западной Европе. Достаточно сказать, что первый в мире шахматный журнал, основанный в Париже в 1836 г., был назван в честь этого героя «Le Palamède».

Научное представление о происхождении шахмат, путях и времени их распространения в различных странах было установлено исследованиями главным образом английских востоковедов. Еще в конце XVII в. Т. Гайд приступил к изучению арабской шахматной литературы, а в следующем столетии санскритолог У. Джонс сообщил в своей работе первые научные данные о чатуранге. Но лишь во второй половине XIX в. эти работы были обобщены и развиты проф. Д. Форбсом. Свой вклад в изучение

древнего периода шахмат внесли в прошлом столетии также голландский историк А. Линде и особенно немецкий мастер и историк шахмат Г. Лаза. В этих трудах еще многие утверждения остались спорными, тем не менее уже четко были намечены основные линии развития шахматной культуры начиная от индийской чатуранги, через восточный шатранг к современным шахматам. Конкретные же пути распространения шахмат из стран Востока более или менее точно были прослежены лишь в направлении Западной Европы.

Загадочным сфинксом оставалась для историков шахмат Россия. Откуда пришла сюда игра — с Запада или с Востока? Когда она стала известна русским — еще в период Древней Руси или благодаря влиянию европейской культуры в XVI — XVII вв.? Арабы и персы оставили после себя шахматные трактаты, в западноевропейских странах были известны средневековые письменные свидетельства и шахматные книги со времен эпохи Возрождения, в России же не сохранилось почти никаких древних письменных документов о шахматах. Оставался один надежный путь — изучение русской шахматной терминологии. Исследование терминов показало, что шахматы попали на Русь иным путем, чем в другие европейские страны. Выводы эти, сделанные еще К. А. Янишем в 1842 г., были приняты русскими и западноевропейскими историками и почти до конца прошлого столетия фигурировали как главные доказательства в освещении древнейшей истории русских шахмат. И даже позднее, когда появились новые теории и гипотезы о времени и путях проникновения шахмат в Древнюю Русь, взоры исследователей обращались прежде всего к терминологии.

Почему русская шахматная терминология вызывает к себе столь большой интерес историков? О чем конкретном может она рассказать нам сегодня, когда в распоряжении ученых появились новые, гораздо более точные источники? Чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем важнейшие шахматные термины.

ТЕРМИНЫ И ВЕКА

Проходили века. Шахматы становились достоянием многих народов, стран и даже целых континентов. Их распространению способствовали или препятствовали крупней-

шие исторические события, характерные черты культуры разных стран, бытовые и национальные особенности народов. Следы этих событий, влияния быта и культуры можно еще сегодня увидеть в названиях фигур и самой игры, которые у многих народов сохранились с давних пор без каких-либо существенных изменений и потому служат своеобразной живой историей шахмат.

Особенно велико значение терминологии для изучения ранней поры шахмат на Руси. И прежде всего потому, что прекрасно сохранились и находятся до сих пор в употреблении первоначальные названия игры и фигур: шахматы, ферзь, ладья, слон, конь, пешка. И только один термин «царь» был сто с лишним лет назад заменен «королем».

Какими источниками мы располагаем для изучения этих терминов? Впервые слово «шахматы» встречается в памятнике русской литературы 1262 г.— в переведенном с греческого списке сербской кормчей книги[9], а термины «ферзь», «царь», «конь» — в рукописных источниках XVII в. В русской печатной литературе XVIII в. все древние шахматные термины можно найти в брошюре секретаря русского посольства в Пекине А. К. Леонтьева «Описание китайской шахматной игры» (1775) и затем частично в словаре Петербургской академии наук (конец XVIII в.), а в полном соответствии с сегодняшними названиями — лишь в шахматном учебнике А. Д. Петрова (1824).

Известны источники, где приводилось несколько терминов для обозначения одной и той же фигуры. В этом случае наряду с древними упоминаются новые термины, которые появились в России в XVII — XVIII вв. в связи с различными шахматными веяниями (польскими, немецкими, французскими), объясняемыми новыми историческими условиями и культурными связями. Это дневник англичанина Ричарда Джемса[10], где, наряду с сообщениями о ремеслах, промыслах и других занятиях населения Московской Руси начала XVII столетия, мы встречаем сведения о русском разговорном языке г. Холмогоры и порта св. Архангела (Архангельска), в том числе о шахматной терминологии: король — царь, ферзь — короле-

---

[9] *Г. А. Розенкампф.* Обозрение кормчей книги в историческом виде. Изд. 2. СПб., 1839, стр. 44.

[10] *Б. А. Ларин.* Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1952, стр. 174.

вич, ладья, слон, конь, пешки. Любопытные изменения, особенно в названиях ферзя и ладьи, имеются в упоминавшихся уже книгах — сочинении английского историка Т. Гайда конца XVII в. (король — царь, королевна — краля-царица, слон, конь, ладья, пешка) и шахматном учебнике И. Бутримова 1821 г (царь — король, ферзь — королева, ладья — башня, слон, конь, пешка)

Однако бытование шахматных терминов в народе относится к значительно более раннему периоду, чем первые упоминания в письменных источниках и литературе Об этом свидетельствуют многочисленные находки шахматных фигур XII — XV вв. Обращает на себя внимание и то, что из семи терминов лишь два («шахматы» и «ферзь») представляют собой заимствование из чужеземных языков. Все же остальные образованы на основе общенародного языка. Эти слова («конь», «ладья» и др.) с давних времен встречаются в бытовом обиходе славян, в былинном эпосе, а затем в замечательном памятнике права XI в. «Русской Правде», древнейших летописных сводах и т. д. Следовательно, для выяснения происхождения этих названий как специфических шахматных терминов необходимо учитывать не только факты распространения игры среди народов, которые в разное время были соседями Руси и имели с ней оживленные культурные связи, но и особенности шахматной терминологии этих народов

Сравнительное изучение терминологии может поведать о многом — о происхождении того или иного термина, о закономерностях его развития и, наконец, о продвижении шахматной игры из одной страны в другую. Однако даже при самом тщательном анализе терминов останутся нерешенные вопросы Ответы на них могут быть получены лишь в процессе комплексного исследования с привлечением новых материалов в области археологии, этнографии, общей истории и эволюции самой шахматной игры. Иначе говоря, наши знания о шахматных терминах не являются неизменными, они постоянно обогащаются новыми фактами и благодаря прогрессу современной исторической науки становятся все более глубокими и разносторонними

Вот как выглядит в кратком изложении происхождение основных шахматных терминов

Конь— один из немногих терминов, который не претерпел заметных изменений у всех народов. Такое совпа-

дение не случайно. Оно объясняется особенностями исторического развития шахмат, тем, что игра своим происхождением обязана попытке изобразить на доске военное сражение. Конница же всюду — в Индии, на Среднем и Ближнем Востоке, в Восточной и Западной Европе — была в средние века одним из важнейших родов войска. Поэтому во всех странах, с тех пор как там появились шахматы, в комплект игры входила фигура, именовавшаяся конем или всадником.

В шатранге первоначально сохранились индийские всадники, о чем свидетельствуют находки изобразительных шахмат в Средней Азии (Афрасиаб и Хульбук). Это — фигурки массивных коней с восседавшими на них в полном боевом облачении воинами. Однако в переводном термине осталось лишь символическое указание на этот род войск в виде названий «асп» (таджико-персидский), «от», «ат» (узбекский, туркменский) и «фарас» (арабский), что означает «конь». Этот термин упрочился и сохранился до сегодняшнего дня.

Когда же арабы познакомили с игрой Западную Европу, здесь в скором времени снова появились всадники — и не только в изобразительных комплектах фигур, но и в терминологии. Таковы названия caballero (испанский), cavallo (итальянский), cavalier (французский), knight (английский), jezdec (чешский), что означало «всадник», «конный рыцарь». И лишь в некоторых странах термин претерпел затем изменения в соответствии с необычными ходами фигуры, имевшей право перескакивать через другие фигуры. Отсюда и названия: springer (немецкий), skoczek (польский), skakač (сербский) — в переводе «прыгун», «скакун».

Русский термин «конь», следовательно, свидетельствует не о западном заимствовании. То был прямой перевод с восточных языков. С какого именно? Об этом ничего определенного нельзя сказать, так как на всех языках Среднего и Ближнего Востока название фигуры переводится словом «конь».

Однако, говоря о русском шахматном термине, следует иметь в виду, что само слово «конь» — древнее, общеславянское. Оно часто встречается в былинном эпосе, в ранних письменных источниках, в том числе в «Русской Правде».

Пешка. По правилам шахматной игры пешки ходят и бьют на своем пути только вперед, не имея права сделать

ни шагу назад. По этому поводу еще Бутримов заметил: «Пешки можно уподобить храброй пехоте, никогда не отступающей».

Именно такими рядовыми воинами-пехотинцами с древнейших пор представлялись играющим маленькие фигурки, первыми вступающие в битву на шахматной доске. И восточные пиеда (таджикский), пиядах (персидский), пияда (азербайджанский), байдак (арабский), и заимствованные у арабов европейские peon (испанский), pedone (итальянский), pion (французский), pawn (английский), pěšec (чешский) — все означали пешего солдата. Совершенно очевидно, что русский термин также должен был отразить самый распространенный род войска. И он нашел свое отражение в слове «пешка».

Уже первое знакомство с источниками показывает, что характерной чертой в военном деле и быту древних славян является противопоставление пешего и конного. Такие выражения можно встретить, например, в древнерусских летописях: «Хто хощет пешь, а хто хощет на конех» — Суздальская летопись, 6724 (1216) г.; «Володимирко же раставлял бяше дружину свою на бродех, инде пеши, а инде конникы» — Лаврентьевская летопись, 6660 (1152) г. А несколько древних выражений вошло даже в пословицы: «Пеший конному не товарищ», «Бесконный и в Царьграде пешь», «Конного до коня, а пешего до ворот провожают».

В приведенных летописных отрывках легко заметить, что древнее слово «пеший» встречается в двух смыслах: и просто как пешеход, пешком идущий, и как пеший воин, пехотинец. В летописях слова «пеш», «пешьць», «пешьци» употреблены нередко в смысле пехота, пешее войско. И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит в подтверждение такие отрывки: «Видашем пешьце вышедше из града» — Переяславская летопись, 6657 (1149) г.; «Свергли и бяхуть с коня и хотеша и убити свои пешци, не знаючи его»— Лаврентьевская летопись, 6659 (1151) г.

Отсюда можно заключить, что термину «пешка» предшествовал тот же по смыслу, но более ранний по форме — «пешьци». Становится также понятным, почему в былинах иногда встречается такое выражение: «Играть во пешецки, во шахматы». Правда, это позволяет высказать гипотезу о другой первоначальной форме термина. Шах-

матные пехотинцы оказались на доске столь маленькими фигурками (меньше пешек современных шахмат), что игравшие еще в древности стали называть их с прибавлением ласкательно-уменьшительного суффикса — «пешецки».

Трудно сказать, какой из этих вариантов ближе к истине; может, возникнет и другое решение проблемы. Но нет сомнения, что самое происхождение слова «пешка» связано с переводом восточного термина «пеший воин». Между прочим, о таком восприятии термина свидетельствует и недавняя археологическая находка шахматной пешки из изобразительного набора в Волковыске, относящегося к XII в

И все же в историко-шахматной литературе мы встречаемся с другой интерпретацией термина. Так как слово «пешка» употребляется в русском языке лишь как шахматный термин, исследователи нередко вели поиски совсем не по тому пути, который подсказывают первоначальная логика шахматной игры, шахматная терминология разных народов и, что не менее важно, история военного искусства Древней Руси.

Еще В И Даль пробовал объяснить слово «пешка», опираясь лишь на филологические догадки, от «пихать, пехом, пешня» Но, как показывают современные исследования, от корня пѣхъ произошли слова и «пешня», и «пихать — пехатъ» (пѣхать), и «пѣхота», и общеславянское слово «пеший», а слово «пѣх» — от индоевропейского ped — «нога».

Д. И. Саргин, ссылаясь на Даля, утверждал, что «пешка» — это даже не шахматный, а шашечный термин, перенесенный в шахматы. В качестве доказательства он приводил слово «песка» — название шашек в древнегреческой игре петейе, сибирское наименование шахматной доски (по Далю) — «пешельница» и «пешечница» и, наконец, относительно позднее возникновение термина «шашка», который, по его мнению, появился не раньше конца XVII в. Однако здесь налицо чрезмерное увлечение поисками точек соприкосновения двух различных по содержанию игр — шашек и шахмат. На практике теория Саргина выглядит иногда курьезом. Так, совсем недавно в Историческом музее в Москве под археологическими находками древних шашек (кстати, ничего общего не имеющих с современными шашками) в черниговском кургане Черная Могила можно было прочесть: «Пешки для игры з шашки».

В то же время некоторые исследователи древней истории шахмат продолжали утверждать, что шахматные пешки использовались одновременно для шашечной игры.

Если бы шахматы возникли впервые на Руси, то тогда, может быть, и имело бы смысл искать их корни (в том числе в терминологии) в какой-либо шашечной игре как исторической предшественнице. Но едва ли оправданы подобные филологические и исторические экскурсы, когда известно и место первоначального изобретения, и характер первых терминов шахматных фигур, соответствовавших определенным родам древнего войска. Следовательно, речь может идти в данном случае лишь о своеобразии перевода термина, его изменениях и превращениях в той или другой стране, наконец, о времени заимствования.

Слон. Для специалистов, изучающих этимологию русского языка, одним из наиболее интересных шахматных терминов является «слон». До сих пор филологи не могут окончательно сказать, от какого корня произошло это слово. В словарях Даля и Преображенского, согласно народно-этимологическим толкованиям, «слон» производится по созвучию из слов «прислонять», «заслонять», «слоняться». «Слоном, или даже слоною,— пишет Даль,— называли встарь вообще тяжелое, неуклюжее или большое животное, которое слоном слоняется по лесам». Преображенский утверждал, что «слон», по всей вероятности, искусственное книжное образование от «слонити». Однако в последнее время исследователи приходят к более или менее единодушному мнению, что слово «слон» — это видоизмененное тюркское arslan — «лев», перешедшее в «аслан», а позднее в «слон». Такого рода этимологические превращения нередко бывают со словами, взятыми из других языков.

Слово «слон» представляет собой общеславянское заимствование. По-видимому, приход его на Русь относится ко времени раннего соприкосновения с тюркскими народами — ко второй половине первого тысячелетия. Если живой слон и был в то время редкостью для восточных славян, то скульптуры этого индийского животного они не раз, вероятно, встречали среди предметов быта, которые поступали в обмен на другие товары. Фигурка слона из серебра была, например, найдена при археологических раскопках на реке Сосьве. С изображением слона мы встречаемся в соборах Владимиро-Суздальской Руси

XII — XIII столетий. Резное изображение этого животного было, например, над левой полуколонной Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, в древнейшей части храма, воздвигнутого в 1230—1234 гг. князем Святославом Всеволодовичем [11]. По мнению Н. Н. Воронина, аналогичная сцена со слоном была изображена еще киевскими резчиками XI в. на большой шиферной плите [12].

Позднее на Руси фигурки слонов считались символом счастья и богатства, о чем могут свидетельствовать и древние поверья о семи слонах, и отдельные выражения и поговорки. Особенно интересна одна из них: «Слон добро к слову, а лодья к перевозу».

Примером древнего бытования в народе слова «слон» может служить и русский шахматный термин.

История развития этого термина в шахматной игре у разных народов своеобразна и поучительна. Названия, обозначающие шахматную фигуру слона, у восточных народов примерно одинаковы. Это пил (таджико-персидский) и фил (в арабском произношении); пил — прямой перевод с санскритского.

Для западноевропейских народов этот термин оказался малоосознанным приобретением. В отличие от некоторых других восточных терминов («фарас», «байдак», «шах»), переведенных на национальные языки, «алфил» («ал» — арабский артикль) оказался слишком экзотичным для такого же восприятия. Тем более, что в арабских шахматных фигурках, в которых конус с двумя выступами символизировал слона, европеец меньше всего мог увидеть могучего представителя индийской фауны или древнеиндийского войска.

Можно ли после этого удивляться, что и испанцами, и итальянцами он был принят таким, каким его принесли арабы: alfil в Испании и alfiere в Италии. В других же странах, получивших термин из вторых рук, с ним происходили удивительные превращения, в результате чего он даже отдаленно не напоминал первоисточник. У французов термин по звуковой ассоциации превратился в fol, fou, что означает «шут», «безумец», «дурак». Шуты, вероятно, уже в то время были необходимым атрибутом при дворах

---

[11] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 125—126, табл. XV *б*.

[12] *Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. II. М., 1962, стр. 98.

французских королей, и их легко было поместить на шахматную доску рядом с главными фигурами. Столь же далекими от оригинала оказались названия этой фигуры у англичан — bishop (епископ), немцев — laufer (бегун), поляков — goniec (гонец), чехов — střelec (стрелок), сербов и хорватов — lovac (охотник), болгар — офицер.

И только на Руси с самого начала проникновения игры этот термин был точно переведен с восточных языков. Можно думать, что именно благодаря фигуре слона шахматы в дальнейшем часто воспринимались русскими как игра индийского происхождения.

У всех народов Среднего и Ближнего Востока этот термин был одинаков по значению, поэтому сравнительный анализ русского шахматного названия не может подсказать нам ни времени, ни пути его продвижения на Русь. Попытки же связать шахматного слона с иранским, арабским или даже непосредственно с индийским влияниями не были и не могли быть подкреплены сколько-нибудь вескими аргументами. Ясно лишь одно: он появился у славян до татаро-монгольского нашествия. Об этом свидетельствует, в частности, недавняя археологическая находка изобразительной шахматной фигурки слона в Белой Веже, датируемой началом XI в.

Король — единственный из основных терминов, не связанный со временем проникновения шахмат в Древнюю Русь. Он утвердился в практике игры в начале прошлого века. До того в ходу был иной термин — «царь», встречающийся в рукописях и печатных изданиях с XVII в. Это послужило основанием для утверждения исследователей (Савенков, Саргин, Коган) о сравнительно недавнем привнесении термина в игру — в XVI—XVII столетиях, с возникновением централизованного Русского государства. Одновременно высказывались предположения, что до «царя» бытовали термины «шах» и, возможно, «князь». Однако ни в рукописях, ни в печатных источниках нет указания или даже намека на то, что такие названия шахматной фигуры когда-либо применялись.

На наш взгляд, первоначально главная шахматная фигура называлась «цьсарь». От этого общеславянского слова, применявшегося для обозначения высшего лица в государстве, в дальнейшем в результате фонетических изменений произошло слово «царь». И главный город Византии называли тогда Цьсарьградом (позднее Царь-

градом). Крупнейший знаток древнерусского языка А. А. Шахматов, реконструируя наиболее ранние (Киевский и Новгородский) летописные своды, приводит название этого города в таком именно произношении: «Иде Олег на Грѣкы и приде к Цѣсарьграду», «И поидоша к Цѣсарюграду» и т. д.[13]

В последнее время установлено, что не только византийские императоры, но и первые русские князья назывались на Руси царями. Так, в древнейших русских источниках жена Владимира Святославовича Анна названа царицей, а сам Владимир на дошедших до нашего времени монетах изображен в царских одеждах[14].

Поэтому русским совершенно незачем было оставлять за главной фигурой в игре наименование «шах», когда оно легко переводилось словом «цьсарь» («царь»). В период же политической раздробленности Руси на историческую сцену вышли многочисленные удельные князья, и слово «царь» потеряло политическое значение, но оно осталось в шахматах для обозначения основной фигуры.

Только в XVI столетии в связи с ростом могущества Московского княжества и принятием его князем титула «царя всеа Руси» шахматная фигура снова встретилась со своим живым двойником. Правда, на этот раз, в условиях самодержавной власти, во время игры могли возникать неприятные казусы для шахматистов. Вспомним курьезный случай — «государево дело» 1685 г. о служилом человеке Марчко Хомякове, который, играя в шахматы с Андрюшкою Волынщиком, сняв с доски фигуру, воскликнул: «То-де я чаял ферзь, ано-де царь!» — и отпустил в адрес царя несколько крепких слов. А так как игра велась при свидетелях, то о том стало известно енисейскому воеводе. «Виновника» пытали, и он должен был доказать, что не было в его словах злого умысла. Правда, из Москвы пришел государев указ об освобождении Марчко, но факт сам по себе красноречив.

По-видимому, этим в какой-то мере можно объяснить, почему в XVII — XVIII вв. получил распространение чужеземный шахматный термин «король». Арабский термин «шах» был в Западной Европе сразу же переведен

---

[13] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 542, 584, 602 и т. д.

[14] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1959, стр. 367—369.

на местные языки, и в соответствии с названием главы государства в той или иной стране центральная шахматная фигура была названа в Испании — rey, в Италии — re, в Англии — king, во Франции — roi, в Германии — könig, в Чехии — král, в Польше — król, в Сербии и Хорватии — kral, kralj, в Болгарии — цар. Польский термин в русифицированной форме «король» и получил хождение, по-видимому, в XVII столетии. Однако среди шахматистов, да и в литературе этот термин привился не сразу. А. Леонтьев (1775) продолжает держаться старого термина. И. Бутримов (1821) приводит и тот и другой. Только А. Петров (между прочим, сам служивший в «канцелярии его императорского величества» и потому прекрасно знавший все трудности обращения со словом «царь») авторитетом первого мастера России для обозначения главной фигуры в шахматах ввел единый термин «король» (1824), который быстро получил признание.

Ферзь. Только там, где происходило непосредственное соприкосновение с восточными народами, сохранилась близкая к ним шахматная терминология. Это легко заметить по названиям фигур у испанцев и итальянцев. Из шести терминов четыре были переводными, один взят без изменения и лишь один претерпел радикальную перемену. Те же количественные соотношения наблюдаются в русской шахматной терминологии, с той разницей, что непереведенным оказалось не название слона, а термин «фарзин». Подобно тому как для европейцев было чуждым, непонятным присутствие в шахматном войске слонов, славянам Киевской Руси трудно было осмыслить существование рядом с цьсарем (царем) почти равной по рангу, а в то время и по силе фигуры (вспомним, что в шатранге она еще не имела права движения по всей доске). Русский князь все дела — и мирные, и военные — вершил сам, у него не было могущественных советников или главнокомандующих, подобных, например, персидским, а позднее арабским визирям. Поэтому-то восточный термин и остался в данном случае без перевода, он без изменений был перенесен на русскую почву.

У таджиков и персов фигура называлась фарзин, у арабов — фирзан, фирз, у азербайджанцев — ферз, вэзир, кралича. По всей вероятности, русский термин берет начало от слова «фарзин», что означает «умный, ученый человек, советник». Однако окончательно решить вопрос

только при сравнении с восточными терминами едва ли возможно, так как оба звука — «а» и «и» могли перейти в «е» в русском слове «ферзь» (как это случилось с латинским шахматным термином fercia — от фирзан).

В первых русских источниках слово «ферзь» почему-то оказалось женского рода, хотя в восточных языках, откуда он был взят, термин употреблялся в мужском роде. Так, в изобразительных костяных фигурах холмогорской работы XVII в. и в русских фарфоровых шахматах середины XVIII в. ферзь изображался женщиной. В Академическом словаре конца XVIII столетия, в учебниках Бутримова и Петрова употребляется название фигуры в женском роде. И только в 1839 г. при переводе французского шахматного учебника Лябурдоннэ слову был придан мужской род, а точнее, восстановлен тот род, который был у этого термина на славянской почве в древности. Ибо не приходится сомневаться, что если бы в Древней Руси вдруг восприняли «фарзин» как супругу царя, то фигура получила бы всем понятное название «царица».

По-видимому, самым убедительным доказательством в пользу этой точки зрения будут со временем археологические свидетельства. В этой связи большой интерес представляет найденная недавно при раскопках Лукомля в культурном слое XII в. миниатюрная скульптура мужчины в богатом восточном одеянии, сидящего на ковре, по восточному обычаю подложив ноги одна под другую. На наш взгляд, то была древнерусская изобразительная шахматная фигура ферзя. (Подробнее эта археологическая находка рассмотрена в следующей главе.)

Как же и когда произошло редкое в истории языка изменение рода? Могло это произойти в XVII в. под влиянием западной терминологии. Арабский термин «фирзан», малопонятный и западноевропейским народам, был вскоре заменен новым названием, больше соответствовавшим строю их жизни, хотя и далеким по смыслу от фигуры восточной игры. То была новоявленная королева шахматной доски, звучавшая на испанском языке — reina, итальянском — regina, французском — reine, английском — queen, немецком — königin, болгарском — царица, чешском — kralovna, польском — królowa (ныне hetman), сербском и хорватском — kraljica. В настоящее время на многих языках — немецком, болгарском, чешском и других — эту фигуру называют дамой.

Можно ли после этого удивляться, что и русские в XVII—XVIII вв., когда им пришлось столкнуться с западноевропейскими шахматами, стали подразумевать под иностранным и малопонятным словом женщину. К тому времени относится также бытование в русском языке параллельно с ферзем терминов «королева», «краля», «царица», что отмечали Гайд и Бутримов. Влиянием западной символики объяснял женский род ферзя в России и Мэррей.

Но, может быть, к появлению ферзи в России имеет отношение и совсем другое. Дело в том, что с давних времен «под ногами» у шахматиста путалось иное по смыслу, но фонетически близкое к нему древнерусское слово женского рода «ферязь», «ферезь», означавшее особого покроя мужскую верхнюю домашнюю одежду. В данном случае имело место, по-видимому, случайное звуковое совпадение разных по значению и происхождению терминов. Но играющие могли волей-неволей поддаться влиянию созвучий и назвать фигуру ферзя в женском роде. Может быть, этим объясняется, почему в Словаре Академии Российской (1794, № VI, стр. 286) мы читаем «шах ферези!», а не «шах ферзи!» (как у Бутримова и Петрова).

Термин «ферзь», не употреблявшийся ни в одной европейской стране, кроме России, явился для ряда историков убедительнейшим доказательством не только восточного происхождения русских шахмат, но и их раннего распространения на Руси. Он заставил, в частности, известного немецкого историка шахмат Лаза отказаться от прежнего взгляда о заимствовании шахмат от татаро-монгольских завоевателей и отодвинуть дату прихода шахмат на Русь на несколько веков назад. «Русское название дамы осталось ферзь,— писал Лаза,— и оно указывает на прямое введение игры персами и арабами, минуя Европу». К мнению Лаза присоединились И. Котц и некоторые другие зарубежные историки.

Ладья. Анализ этого термина вызвал к жизни, пожалуй, наибольшее число разнотолков, предположений и гипотез.

Действительно, индийской ратхе (колеснице) в шахматах не повезло. У народов, живших западнее Индии, эта боевая повозка не употреблялась—по крайней мере ко времени прихода к ним чатуранги. В фигурке-колеснице они увидели крылья птицы. В результате ратха превратилась

в рух. Так называлась гигантская птица, обладавшая необычайной силой и, подобно русской чародейке жар-птице, помогавшая героям сказок в борьбе с врагами при самых трудных обстоятельствах. О том, как выглядела эта птица в древнейших изобразительных шахматных наборах народов Средней Азии, дает представление археологическая находка в Фергане, хранящаяся в настоящее время в Эрмитаже. Позднее, когда от изображений живых фигур остались лишь символы, рух была обезглавлена. Такая своеобразная по внешнему виду шахматная фигура получила широкое распространение как на Востоке, так и на Западе.

Но сам термин «рух», непонятный и чуждый народам Европы, претерпел здесь новые и не менее интересные превращения, объясняемые частично законами звуковой ассоциации. У испанцев фигура стала называться roque, у итальянцев — rocco, у французов — roc, что означало утес. От утеса осталось сделать один шаг к военному осмыслению термина в соответствии с другими названиями шахматной игры и военной техникой средневековой Европы. Вот почему в дальнейшем всеми европейскими народами легко и быстро было воспринято новое изображение фигуры — в виде башни-крепости, которому соответствовал уже новый шахматный термин: в Испании и Италии — torre, во Франции — tour, в Англии — roc (ныне — rook), в Германии — turm, в Чехии — věž, в Польше — wieża.

Совсем в другом духе был осмыслен термин «рух» в Древней Руси. Здесь шахматные фигуры, устанавливаемые для сражения на крайних вертикалях доски, названы были ладьями.

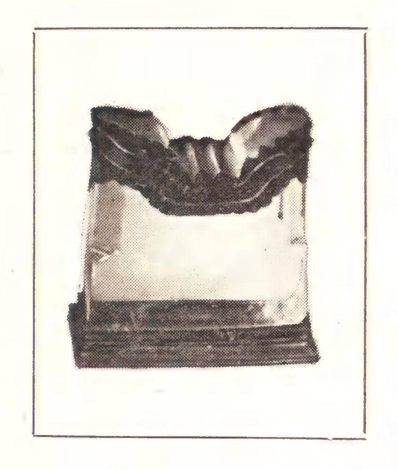
Чем объяснить такое странное на первый взгляд восприятие термина «рух»? Ведь в данном случае не было ни звуковой ассоциации, ни прямого перевода. Тут-то и открылся широкий простор для самых различных догадок и предположений. Одни исследователи полагали, что термин возник в результате недоразумения: «Древние русские,— писал Яниш,— приняли за корабли изображения военных колесниц, которые делались в форме кораблей». Другие мотивировали появление ладьи особыми географическими условиями — наличием речных путей и объявляли замену колесницы ладьей поздним нововведением. Причем замена, по мнению Мэррея, произошла в разных

странах самостоятельно. Это подтверждали, в частности, тем фактом, что шахматная ладья употребляется в ряде районов Востока: в Бенгалии, на островах Ява и Шри-Ланка, в Таиланде и Камбодже. Савенков, ссылаясь на роль ладьи в быту и военной жизни древних славян, отмечал возможность и большей давности заимствования. Саргин же считал термин «ладья» более древним, чем «колесница». Развивая эту точку зрения, Майзелис пришел к заключению, что ладья предшествовала в индийской чатуранге ратхе, а в шатранге — руху и что примерно в V — VII вв., т. е. до завоевания арабами Ирана и Средней Азии, Русь получила первоначально какую-то форму шахмат, в которой была и ладья. При этом, однако, не было указано ни одного другого признака этой промежуточной ступени в русской шахматной терминологии, кроме термина «ладья».

Почему же в таком случае один термин оказался значительно более ранним (на несколько столетий!), чем другие шахматные термины? На этот вопрос гипотеза Саргина и Майзелиса не дает достаточно мотивированного ответа, кроме заявления о каком-то предшествующем этапе заимствования. Не правильнее ли будет поэтому искать причины появления ладьи одновременно с другими шахматными терминами?

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на внешнее сходство русской ладьи с символической шахматной фигурой рух (а не с изображением индийской колесницы, как утверждал Яниш). Достаточно присмотреться к фигуре рух более пристально, как легко заметить, что по внешним очертаниям она удивительно напоминает лодку, ладью, ту самую, на которой славянские купцы под охраной дружин плавали по Днепру, Дону и Волге, по Черному и Каспийскому морям. Перенимая шатранг, славяне, мыслившие конкретно и реалистично, быстро заменили чуждого им руха близкой и понятной всем ладьей.

Таким образом, можно предполагать, что форма шахматной фигурки шатранга подсказала славянам новый термин игры. В этом случае становится более ясным и время появления термина на Руси: он возник после VII — VIII вв., когда под влиянием мусульман шахматные фигуры получили новую символическую форму. Надо полагать, что этот термин распространился на Руси не позже

Символическая фигура рух из средневекового арабского шахматного комплекта и ладья с миниатюры Радзивиловской летописи, изображающей поход Олега в 907 г.

X—XI вв., так как уже в слоях начала XII в. в двух городах найдены прекрасно сохранившиеся изобразительные шахматные фигуры ладей.

Слово «ладья» — древнеславянское. Часто встречается оно в русских летописях. Летописцы сообщают, что еще в 907 г. Олег приказал воинам приделать колеса к ладьям для облегчения похода на Константинополь. «Поиде на Греки в лодьях и на коних»,— читаем мы в «Повести временных лет» о походе киевских дружин на византийскую столицу в 6452 (944) г.

Со временем, когда и русские суда стали иными, и устройство войска изменилось, слово «ладья» употреблялось сравнительно редко и сохранилось преимущественно как шахматный термин. Любопытно отметить, что художники XVII в., изображая ладью, нередко воспринимали ее как атрибут шахмат и разрисовывали в шахматную клетку. Именно с такими рисунками сталкиваемся мы в рукописной книге «Лекарство душевное» (1670) — сборнике нравоучительных рассказов для домашнего чтения с большим числом миниатюр художника Никифора Кузьмина с «товарыщи».

Как шахматный термин «ладья» упоминается в литературе впервые у Гайда (lodja), затем у Леонтьева (лодка). В Словаре Академии Российской подчеркивается, что в шахматной игре пишется «ладія», а в разговорном языке произносится «лодья, лодьи». Бутримов указывает, что наряду с термином «ладья», представляющим «флот, по

ветру носящийся», употребляется также иногда термин «башня», перешедший в Россию с Запада. Петров приводит только один древнерусский термин — «ладья».

Шахматы. Русское название игры своеобразно. Оно состоит из двух восточных слов: «шах» и «мат». Долгое время полагали, что первое слово персидского происхождения (властитель), и для доказательства ссылались на древние русские рукописи, где Иран именовался «шаховой землей», а второе — арабское (от глагола «мата» — умирать). Но еще Савенков, а за ним и Мэррей считали более вероятным происхождение второго термина от персидского прилагательного «мат», означающего «беспомощный», «разбитый», «пораженный». Как показали последние изыскания, у таджиков тот же смысл имели оба слова, и потому их с одинаковым основанием можно считать таджико-хорезмийскими. Следовательно, слово «шахматы» означает в переводе «властитель поражен». И все же точный перевод слова еще не объясняет причины появления его у славян, тем более в столь сложной форме, не претерпевшей изменений в русском произношении. По всей вероятности, истоки термина для обозначения названия игры, как на Руси, так и на Западе, были одни и те же[15]. Словом

---

[15] Правда, это не означает, что на Русь этот термин пришел с Запада, как ошибочно полагает М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем., т. II. М., 1967, стр. 579—580; т. IV. М., 1973, стр. 415); он переводит «мат» как «проигрыш», «конец игры» (?!) и объясняет через немецкое Schachmatten.

«шах!» издревле и на Востоке и затем в странах Запада играющий предупреждал противника об опасности. И уже тогда, когда у короля не оказывалось защиты, ему объявляли «шах—мат»! Отсюда, может быть, и произошел сам термин «шахматы».

Интересно, что почти во всех европейских странах игра была названа по первому возгласу — «шах» (кроме Испании, где шатрандж перешло в ajedrez). Отсюда итальянское название шахмат — scacchi, французское — echecs, английское — chess, немецкое — schach, чешское — šach, сербское šah и польское — szachy. Лишь у болгар сейчас, наряду с названием «шах», употребляется «шахмат». Поэтому можно было предположить, что последнее слово более позднего происхождения, ибо в современном языке «играть в шахматы» будет по-болгарски «играя на шах», а не «играя в шахмат»[16].

Однако последующее изучение данного вопроса показало, что это мнение, по-видимому, ошибочно. Прежде всего потому, что термин «шахматы» встречается уже в кормчей 1262 г., которая была доставлена из Болгарии. Когда там осуществлялся перевод с греческого, то, вполне возможно, запрещение шахмат было включено в кормчую в связи с тем, что у болгар эта игра была в употреблении. Далее, нельзя считать случайным совпадение и ряда других русских и болгарских шахматных терминов («царь», «конь», «слон», «пешка»). Различия имеются лишь в названиях двух фигур — «ладья» (у болгар — «топ», что прослеживает прямое восточное влияние) и «ферзь» (у болгар — «царица»; может быть, этот термин появился позднее, в результате осмысления западного термина «королева»). На основании всех этих наблюдений можно прийти к заключению, что болгары получили игру с Востока в столь же раннюю пору, как и Русь, и примерно тем же путем. В пользу такого предположения говорят и вся история болгар в период, предшествовавший образованию Болгарского царства, и их последующие культурные связи с народами в районах Черноморского побережья и Прикаспия[17].

[16] *К. Бабов, А. Въргулев.* Тематичен русско-български речник. София, 1961, стр. 609; *Стефан Младенов.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 692.

[17] *Э. Георгиев, Д. Ангелов, К. Крыстев, Ж. Тодорова.* Вклад болгарского народа в мировую сокровищницу культуры. София, 1968, стр. 20—21.

Какое-то время из-за церковного запрета увлечение шахматами в Болгарском царстве могло временно ослабнуть, а позднее влияние на игру оказал Запад. О существовании сложного переплетения влияний и далеко не однозначного решения проблемы справедливо предположил болгарский ученый Б. Р. Яновский[18]. Утверждая, что игра пришла в Болгарию не из Византии, а с арабского Востока, он склонен, однако, предполагать сравнительно позднее заимствование — в XII—XIII вв. Кроме того, Яновский ограничился лишь изучением термина «шахматы». А между тем, на наш взгляд, следует обратить внимание на своеобразие всей болгарской шахматной терминологии. По-видимому, не является также случайным совпадение названия игры у народов ряда государств раннего средневековья (Киевской Руси, Болгарского царства и Хазарского каганата). Во всяком случае глубокое изучение письменных источников и археологических находок в Болгарии может пролить свет на роль этих и других факторов для выяснения путей проникновения шахмат из стран Ближнего и Среднего Востока; на изучение культурных связей между Русью и Болгарией, которые могли распространяться уже в то время и на область шахмат; наконец, на решение ряда общих проблем древней истории шахмат.

Русские и болгары, таким образом, в названии игры отошли от других европейских народов, прибавив к «шаху» слово «мат». Когда образовался термин «шахматы» и какими еще народами древности он употреблялся? Тот и другой вопросы еще мало изучены. Весьма возможно, что это слово бытовало где-нибудь «по дороге» на Русь из Средней Азии или вдоль побережья Каспия, например у хазар. На эту мысль наталкивает появление слова «шахматы» в поэме испанского раввина бен-Эзры (середина XII в.)[19]. А как показывают новые документы, евреи Хазарского каганата и средневековой Испании поддерживали между собой связь; купцы, направляясь из Европы в Индию или Среднюю Азию, нередко посещали хазарскую столицу Итиль.

Но, может быть, рассматриваемый термин возник самостоятельно у ряда народов древности, соприкасавшихся

---

[18] *Борис Русев Яновски*. Към ранната история на шахмата у нас.— «Исторически преглед», кн. 5. София, 1964, стр. 92—100.

[19] *H. Murray*. A history of chess. Oxford, 1913, p. 385—386.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ ШАХМАТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ *

Русский язык	Арабский	Азербайджанский	Персидский
Шахматы	Шатрандж	Шахмат (шетренг)	Шатрандж (шатранг, чатранг)
Король (царь, цьсарь)	Шах	Шах	Шах
Ферзь	Фирзан, фирз Фарзин	Вэзир (ферз, кралича)	Фарзин
Ладья	Рух	Топ	Рух
Слон	Фил	Фил	Фил (пил)
Конь	Фарас	Ат	Фарас (асп)
Пешка (пешьци)	Байдак	Пияда	Пиядах

Русский язык	Польский	Чешский	Болгарский	Сербский
Шахматы	Szachy	Šach	Шахматът Шах	Šah
Король (царь, цьсарь)	Król	Král	Цар	Kralj
Ферзь	Hetman (królowa)	Dáma (královna)	Дама (царица)	Damą (kraljica)
Ладья (лодья)	Wieża (roch)	Věž (hroch)	Топ	Top
Слон	Goniec (pop)	Střelec (póp)	Офицер	Lovac
Конь	Skoczek (rycerz)	Jezdec (rytier)	Кон	Skakač (konj)
Пешка (пешьци)	Pion (pieszek)	Pěšec	Пешка	Pešak

* В скобках указаны более древние термины

Средняя Азия			Индия	
таджикский	узбекский	туркменский	хинди, урду	бенгальский
Шахмат (шатранч)	Шахмат (шатранж)	Кушт	Шатранж (чатуранг)	Даба кхела шотороНчо
Шох	Шох	Ша	Бад-шах Шах (раджа)	Раджа
Фарзин	Фарзин	Перзи	Фарзи, фарзин (мантри)	Монтри рани
Рух, туп	Рух	Рух	Рух (ратха)	Ноука
Фил (пил)	Фил	Пил	Пил, фил (хасти)	Гоч
Асп	От	Ат	Гхора, асп (ашва)	Гхора
Пиёда	Пиёда	Пыяда	Паэдал, пийада (падати)	Педатам

Немецкий	Французский	Английский	Итальянский	Испанский
Schach	Echecs (esches)	Chess	Scacchi	Ajedrez (axedres)
König (künic)	Roi (roy)	King (kyng)	Re	Rey
Dame (künigin)	Reine (fierce)	Queen (fers, quene)	Regina (reina, ferce)	Reina (alfferza, dama)
Turm (roch)	Tour (roc)	Rook (roc)	Torre (rocco)	Torre (roque)
Läufer (alte)	Fou (aufin, fol)	Bishop (alfin)	Alfiere (ulfino, calvo)	Alfil
Springer (ritter)	Cavalier (chevalier)	Knight (knyght)	Cavallo (cavaliero)	Caballero (caballo)
Bauer (vende)	Pion (paon)	Pawn (poun)	Pedone	Peon

с народами Среднего и Ближнего Востока? Мэррей, например, считал совпадение русского термина и названия игры у бен-Эзры случайным на том основании, что оба термина восходили к заключительным возгласам «шах — мат!».

В русских письменных источниках впервые слово «шахматы» встречается в середине XIII в. Но более вероятно, что оно появилось на Руси раньше. Об этом свидетельствуют, в частности, былины, а косвенно — археологические находки шахмат периода Киевской Руси (XI—XII вв.).

Изучение названий фигур и игры позволяет, таким образом, с полной уверенностью сделать выводы о восточном происхождении русских шахмат. При сравнении с западноевропейской вырисовывается значительно бóльшая близость русской терминологии к исходной, восточной. Вместе с тем исследование шахматной терминологии еще раз подтверждает, сколь тесными и активными были культурные связи Древней Руси со странами Востока.

Можно предполагать с полным основанием, что все названия в своей первоначальной форме — шахматы, царь (цьсарь), ферзь, ладья, слон, конь, пешка (пешьци) — возникли на Руси одновременно. Нет никаких фактов, доказывающих, что эти термины образовались у славян в разные периоды. В частности, малообоснованными, на наш взгляд, являются гипотезы о возникновении термина «ладья» на несколько веков раньше, а термина «царь» — на несколько веков позже других русских терминов.

С помощью сравнительного анализа шахматной терминологии (см. таблицу на стр. 52—53) не представляется, однако, возможным более или менее точно установить время появления шахмат на Руси. Можно лишь предполагать, что это произошло не раньше VIII и не позже IX—X вв.

Еще сложнее, а по существу невозможно выяснить посредством этимологических исследований конкретные пути проникновения шахмат на Русь. Объясняется это тем, что шахматные термины в средние века в Средней Азии, Иране и на арабском Востоке сравнительно мало отличались друг от друга по форме и совершенно не различались по смыслу. Поэтому не всегда убедительно выглядели выдвинутые ранее гипотезы о тех или иных путях проникновения, обоснованные лишь анализом (нередко ошибочным) шахматных терминов и общеисторическими сообра-

жениями. Отсутствие древнерусских письменных источников, посвященных шахматам, заставляет перенести центр тяжести в изучении проблем времени и путей проникновения игры на археологические находки. Они оказываются полезными и для исследования самой шахматной терминологии.

О ПУТЯХ И ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ

Большой круг вопросов возникает перед исследователем, приступающим к изучению проблемы путей и времени проникновения шахмат на Русь. Откуда пришла игра — из одной или многих стран, по одному или нескольким каналам? Когда появились шахматы на Руси — до или после завоевания арабами Средней Азии и Ирана, до или после татаро-монгольского нашествия?

Рискованно было бы делать окончательные выводы только на основании предложенной выше теории происхождения русских названий шахматных фигур и игры. В настоящее время имеется, однако, другой, более точный метод решения проблемы. Это — комплексное исследование исторических фактов и свидетельств, опирающееся на археологические находки. Ибо археологические изыскания с каждым годом дают все новые и новые материалы и тем самым более глубоко и широко раскрывают перед нами картину распространения и бытования шахмат на Руси.

При раскопках древнерусских городов шахматы более или менее часто попадались в слоях XI—XII вв. Так как к этому времени у восточных славян были в ходу уже не только символические, но и изобразительные фигуры, соответствовавшие русским шахматным названиям, можно сделать предположение, что образование шахматной терминологии и проникновение игры относятся к предшествующим векам. Так мы опять подходим примерно к IX—X вв.

В истории Руси этот период характеризуется объединением восточнославянских племен и созданием Киевского государства, развитием торговых и культурных связей с народами Востока, Византии и Западной Европы. Материалы раскопок, а также описания средневековых путешественников и купцов свидетельствуют, в частности о широком общении восточных славян с государствами арабского Востока, Средней Азии, Нижнего и Среднего Поволжья. Проникновение шахмат с Востока в этот пери-

од может рассматриваться, таким образом, как закономерное следствие культурного и экономического развития Киевской Руси.

Торговые и культурные связи Руси с Востоком были в конце первого тысячелетия весьма разносторонними. В «орбиту» связей входили Иран, Средняя Азия, арабские страны, Закавказье, Хазарский каганат и Волжские Болгары. Высказывалась мысль, что шахматы проникли на Русь из Закавказья — Грузии и Армении. Гипотеза представляется маловероятной не только потому, что страны эти находились тогда под властью Арабского халифата и их оживленные связи со славянами относятся к более позднему периоду. Дело в том, что средневековая шахматная терминология этих стран сильно отличается от русской. Таковы, например, грузинские названия слона — ку, рку (черепаха), коня — мхедари (всадник), ладьи — этли (повозка) и самой игры — чадраки. Следовательно, предполагать какие-то следы заимствования едва ли возможно.

Гораздо больше оснований говорить о пути шахмат на Русь из Ирана и Средней Азии. Именно отсюда шахматы в VII—VIII вв. пришли в арабские страны. Отсюда же игра могла двинуться на север и северо-запад, в сторону Хазарского каганата, Волжских Болгар и Киевской Руси. Ибо уже в этот период установились торговые и культурные контакты Хорезма с Хазарским царством и Приуральем, куда можно было добираться не только по Волге, но и через Оренбургские степи. В IX в. торговый путь из Багдада и Ирана в Болгарское царство, а оттуда на Русь шел преимущественно через Кавказ и Хазарский каганат, а уже в начале X в. в связи с ухудшением отношений между арабами и хазарами караваны к Волжским Болгарам направлялись через Хорезм.

О широкой торговле Руси со странами Востока в VIII—X вв. свидетельствуют многочисленные находки монет, имеющих дату чеканки. Несколько десятков кладов восточных монет этого периода обнаружено на территории Владимиро-Суздальской, Новгородской и других земель. Притом от конца VIII — начала IX в. их осталось на Руси больше, чем на Западе, а в 900—938 гг. много монет появляется в районе Днепра. С 938 г. до начала XI в. прекращается вывоз восточного серебра. Как показывают исследования русских кладов, проведенные В. Л. Яниным, таким образом можно установить пути и периоды наиболее интенсив-

ных торговых связей славянства с Востоком[20]. Естественно, монетная топография, как и другие свидетельства активных в ту пору торговых, культурных контактов между Восточной Европой и Востоком, служат одним из косвенных доказательств появления шахмат на Руси в ту пору.

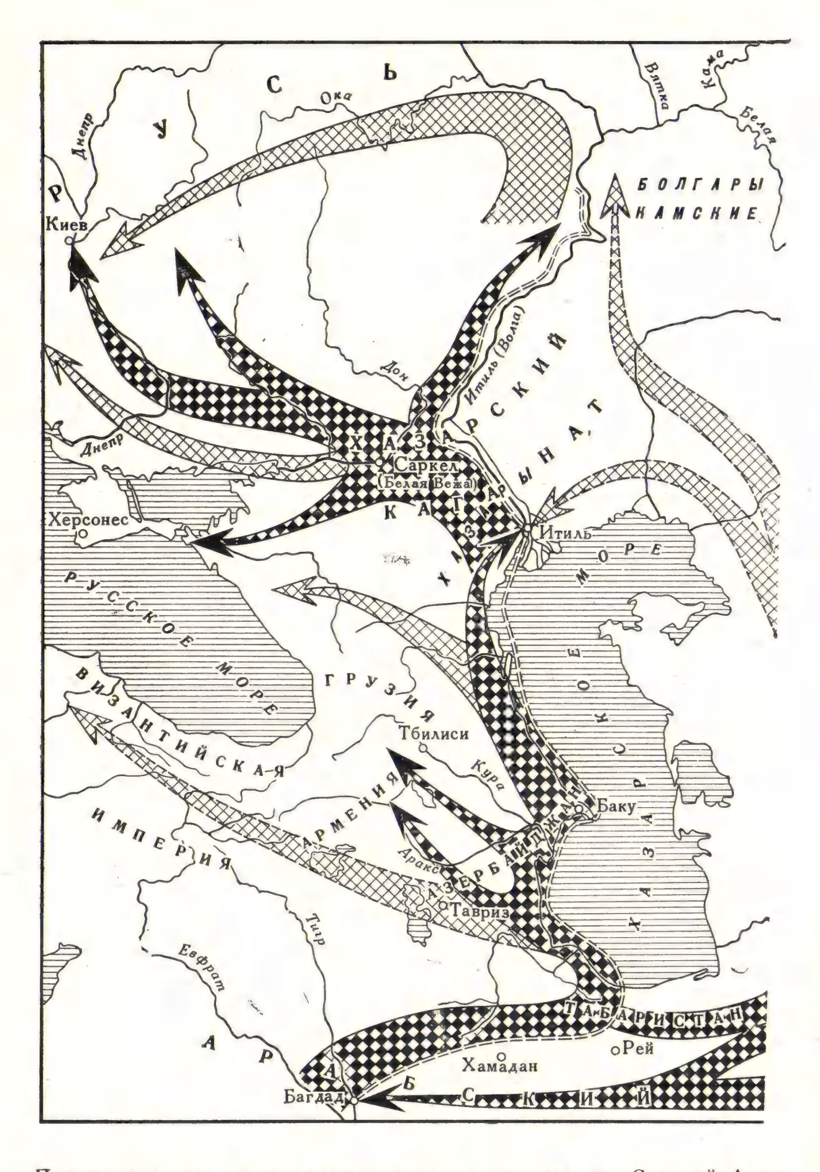
Но если найденные клады восточных монет помогают более определенно говорить о проникновении игры не позже IX — начала X в., то не исключено, что в дальнейшем удастся более широко проследить пути и время прихода игры к восточным славянам при помощи археологических находок шахмат. Ведь долгое время археологи не были знакомы с формами средневековых восточных шахмат и потому порой неточно паспортизировали эти находки, определяя их как костяные поделки «неведомого назначения». Только недавно, например, старший научный сотрудник Государственного исторического музея Украинской ССР А. М. Шовкопляс, вновь просматривая материалы из раскопок 1932 г., установила, что фигурка, найденная на горе Киселевка и определенная в свое время как поделка, на самом деле является шахматным конем арабского типа. К тому же эта фигурка, судя по всему, очень архаичная: ее следует датировать примерно X—XI вв.

Поэтому можно предполагать, что тщательное исследование архивных фондов раскопок древнерусских городов преподнесет еще немало таких сюрпризов и будет способствовать выяснению конкретных путей и времени проникновения шахмат в Восточную Европу.

Перечисляя страны Востока, с которыми у Руси были в VIII—IX вв. активные связи, мы не можем пройти и мимо таких государств, как Хазария и Волжские Болгары, где тоже обосновались колонии русских купцов. Раскопки в районах Волжской Болгарии, к сожалению, не дали пока шахматных находок. Можно лишь предполагать, что один из путей проникновения шахмат на Русь в VIII—X вв. шел из Средней Азии через Среднее Поволжье и Урал.

Более интенсивная торговля Руси проходила тогда по Каспию, Нижней Волге и Дону, т. е. через Хазарский каганат — крупное государственное образование, возникшее на территории Юго-Восточной Европы в середине VII в. В столицу Хазарии Итиль (в низовьях Волги) стекались купцы из разных земель. Сюда на ладьях устремлялись

[20] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 79.

Предполагаемые пути распространения шахмат из Средней Азии

1 — частично подтвержденные археологическими находками, *2* — не подтвержденные археологическими находками,

...и Ирана в VIII—X вв.

3— арабский торговый путь в Восточную Европу в VIII—IX вв.

по Волге русы и болгары, по Каспию приходили суда из Ирана и Закавказья, прибывали караваны купцов из Средней Азии и Западной Европы. В VIII столетии хазары переходят к оседлости и земледелию, государство достигает наивысшего расцвета и успешно отражает натиск двух враждовавших между собой государств — Византийской империи и Арабского халифата. Крупнейший знаток истории хазар М. И. Артамонов писал, что Хазария была «первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при ее выходе на историческую арену... Три века существования Хазарского государства не могли пройти бесследно»[21].

В Итиле руссы нередко встречались с купцами из мусульманских стран, главным образом из Средней Азии. Эти купцы, пишет далее М. И. Артамонов (стр. 226), вместе с товарами и религией «несли с собой ирано-мусульманскую культуру, влияние которой отчетливо сказывается на материальной культуре и на искусстве Восточной Европы VIII—X вв.».

Несомненно, что основу шахматной культуры Хазарии составляли среднеазиатский шатранг и арабский шатрандж. Однако могли быть и свои особенности игры, вызываемые спецификой быта и религии, не

[21] *М. И. Артамонов*. История хазар. Л., 1962, стр. 38.

запрещавшей, кстати, изображение людей и животных. Поэтому изготовлявшиеся иногда для знати Ирана и других мусульманских стран изобразительные шахматы могли иметь особый спрос в Хазарии. Во всяком случае русские и в Багдаде, и в Итиле, вероятно, получили представление не только о восточных символических, но и об изобразительных шахматах. Может быть, именно этим в какой-то мере объясняется тот факт, что уже среди первых археологических находок шахмат в Киевской Руси, наряду с символическими, нередко встречаются изобразительные фигуры, причем самая ранняя датируется началом XI в. и найдена в Белой Веже, возникшей на месте хазарской крепости Саркел. Тем самым предположения первых русских историков шахмат М. К. Гоняева и И. Т. Савенкова относительно роли хазар в «транзитной передаче» шахмат на Русь, сделанные на основе анализа древнерусской шахматной терминологии и общеисторических фактов, получают новое обоснование в результате советских археологических открытий.

Естественно, что от первого знакомства с игрой до ее более или менее широкого распространения на Руси должны были в условиях раннего средневековья пройти многие десятилетия, а то и целые века. Тем не менее следует ожидать еще находок шахмат X—XI вв., которые бы полностью уяснили, почему уже следующий, XII в. дает такое большое и с каждым годом все возрастающее число шахматных находок на территории почти всей Руси.

На сегодняшний день наши археологические сведения о древнерусских шахматах X—XI вв. еще крайне скудны. Сложность проблемы состоит также в том, что значительный материал, накопленный в результате раскопок в XIX и в первой половине нынешнего столетия, за редким исключением не фиксировал шахматных находок — главным образом вследствие неразработанности вопроса и отсутствия необходимой для археологов типологии средневековых шахмат на Руси. В этих условиях неизмеримо увеличивается ценность каждой шахматной находки рассматриваемого периода и, естественно, точности ее датировки.

О необходимости исследования этой проблемы свидетельствует, например, полемика, развернувшаяся вокруг находок игровых фигур в кургане Черная Могила, относящихся к X столетию.

Как известно, для изучения истории раннего периода Киевской Руси важное значение приобретают находки из дружинных погребений курганов. Крупнейшие из них — Гнездовский (у Смоленска), Черниговский, Киевский, Михайловский (у Ярославля). В могильниках обнаружены одежда, мечи, стрелы, посуда, украшения и даже какие-то фигурки для игр. Найденные в Черной Могиле у Чернигова во время раскопок (1872—1873 гг., Д. Я. Самоквасов) фигурки исследователи сначала приняли за шахматные пешки. Позднее академик Б. А. Рыбаков, изучая материалы раскопок, подверг эту гипотезу сомнению: «Учитывая стандартность всех костяных фишек, их трудно признать шахматными фигурками, так как должны были бы сохраниться не только одни пешки»[22]. Не обратив внимания на это замечание, некоторые авторы объявили черниговские находки шахматами. А в Государственном историческом музее в Москве, в экспозиции вещей из кургана Черная Могила, эти фигурки до сих пор именуются «пешками для игры в шашки» и поставлены на шахматную доску.

На самом же деле, как показала археолог Г. Ф. Корзухина, много лет занимавшаяся исследованием этой игры, они ничего общего ни с шахматами, ни с современными шашками не имеют. В игре применялись множество (до нескольких десятков) однотипных полусферических фигур, плоские игральные кости и совершенно не похожая на современную доска. Подобная игра встречалась еще в римскую эпоху — вплоть до V в. н. э. После падения Римской империи она получила большое распространение у славян и скандинавских народов. Фигурки изготовлялись из кости, стекла, камня и глины. В нашей стране они найдены преимущественно в курганных погребениях не позже X — начала XI в. При этом они далеко не все иноземного происхождения. Так, костяные шашки Черной Могилы, Старой Ладоги, ряда гнездовских курганов и других — местного производства. Это тем более интересно отметить, что во многих из названных погребений отмечено преобладание славянских вещей[23].

Развенчание легенды о шахматных пешках из курган-

---

[22] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова, т. I.— «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», № 11. М.—Л., 1949, стр. 42.

[23] *А. В. Арциховский.* Археологические данные по варяжскому вопросу.— В кн. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 36—40.

ных погребений X в. не означает, конечно, что шахматные фигуры, относящиеся к этому периоду, вообще не могут быть найдены. Скорее всего в то время шахматы еще не стали достоянием воинов, могильники которых вскрывались, и первыми любителями шахмат на Руси, по всей вероятности, были купцы, ремесленники и другие жители городских посадов. Только в XI—XII вв. шахматы получили распространение среди русских воинов, о чем, кстати, свидетельствует и былинный эпос.

И все-таки находки полусферических фигур косвенно представляют интерес и для истории древнерусских шахмат. Они в значительной мере решают вопрос о том, могли ли прийти шахматы с Севера, из Скандинавии. Везде, где сосредоточивались варяжские наемники, входя в состав русских княжеских дружин, доминировала игра шашечного типа, о чем свидетельствуют находки в погребениях и на трассе водного пути «из варяг в греки» и в некрополях при крупных городах. К тому же ни в одном из них не было обнаружено шахматных фигур, как не найдено их в шведских погребениях IX—X вв. в Бирке (материалы опубликованы в 1940—1943 гг. Х. Арбманом) [24].

По-видимому, к этому времени с шахматами познакомились лишь те викинги, которые начиная с IX в. появлялись у берегов Средиземного моря и, позаимствовав игру у арабов, затем распространяли ее по побережью Европы, в том числе Франции, Англии, Скандинавского полуострова. Такое заключение можно сделать, например, на основании раскопок кургана на острове Иль де Груа у южного побережья Бретани (Франция), где в погребении викинга вместе с оружием и другими вещами были найдены шахматы. Шахматные фигуры скандинавского происхождения X в., выполненные еще в традиционной арабской форме, были обнаружены при раскопках 1906 г. в Вогезах (Франция). Более широкое распространение шахмат в самой Скандинавии относится примерно к XII—XIII вв.[25]

Во всяком случае теми викингами, которые в поисках счастья отправлялись на Русь, владела еще страсть к старой игре, именовавшейся у исландцев hneftafl. Она упоминается в известной саге о Фритьофе, время действия которой относится к началу IX в.

---

[24] *H. Arbmann.* Birka, t. I. Die Gräber, Uppsala, Tafeln. Stockholm, 1940, tabl. 147—150.

[25] *А. Я. Гуревич.* История и сага. М., 1972, стр. 34.

Когда же шахматы прочно утвердились в Скандинавии, то образовавшаяся шахматная терминология резко отличалась от русской, что также свидетельствовало об отсутствии отчетливо выраженного взаимного влияния народов в этой области культуры. Названия фигур и игры при заимствовании от арабов претерпели у скандинавских викингов примерно такие же превращения, какие наблюдались у ряда западноевропейских народов. Ферзь у шведов и исландцев тоже стал именоваться властительницей, королевой (drotning), конь — рыцарем, всадником (riddar); рух — крепостью (rok) у шведов и героем, бравым солдатом (hrokur) — у исландцев. Последние назвали так руха, ибо во время боя викинги ставили на фланги самых смелых и опытных воинов. Фил (слон) превратился у скандинавов в епископа (biskup).

Даже этого краткого экскурса в средневековую шахматную терминологию норманнов достаточно, чтобы увидеть, сколь сильно отличалась она от древнерусской. И как будет видно дальше, изобразительные шахматные фигуры, которые стали появляться у норманнов и русских примерно в одно и то же время — в XII в., отличались так же резко, как и их названия.

Следует, однако, сказать, что в данном случае скорее можно было бы ожидать, что викинги, появлявшиеся в русских княжеских дружинах, именно здесь могли приобщиться к шахматной игре. Но так как они большей частью оседали на Руси и ославянивались, ощутимое шахматное влияние с юго-востока Скандинавия едва ли почувствовала. Пока что археологические находки X—XI вв. на Руси, в Швеции и Норвегии не дают материала для каких-либо заключений по данному вопросу.

Первые археологические свидетельства о шахматной игре в Киевской Руси, по всей вероятности, должны появиться в южных районах, там, где были тесные торгово-культурные связи восточных славян со странами Востока. Хотя результаты на сегодняшний день еще весьма скромные, все же они рождают надежду, что советские археологи откроют и здесь немало интересных страниц в истории отечественных шахмат.

Мы имеем в виду прежде всего результаты раскопок южных форпостов Киевской Руси — Тмутаракани на Таманском полуострове у Керченского пролива и Белой Вежи на Дону. Они возникли в X в. на месте прежних хазар-

ских укреплений и играли важную роль не только как русские военные опорные пункты, но первоначально и как центры торговых отношений с восточными народами.

Производившиеся в 1949—1951 гг. под руководством М. И. Артамонова археологические раскопки городища Саркел — Белая Вежа на левой стороне Дона, в зоне затопления Цимлянского водохранилища, привели к открытию ценных памятников материальной культуры народов нашей страны.

Саркел построен в начале IX в., а в 60-х годах там с помощью византийцев была сооружена оборонительная крепость, которая после разгрома хазар Русью в 965 г. попала в руки славян и стала известна под именем Белой Вежи. Среди многочисленных памятников быта и культуры хазар и славян обнаружено 18 фигурок неясного назначения. Случай этот сравнительно редкий в практике современных археологов, хорошо знакомых с бытом восточных народов и славян IX—X вв.

Это небольшие цилиндры и конусы из слоновой кости или рога (хранятся ныне в Эрмитаже). Размеры соблюдаются довольно точно — от 2 до 3,5 см. Некоторые из них орнаментированны. Десять фигурок обнаружено в хазарском слое (до 965 г.), восемь — в русском (965 —1112 гг.). Интересно, что три сходные фигурки найдены в слое X в. Таманского городища при раскопках в 1952—1955 гг. под руководством Б. А. Рыбакова.

По форме и размерам эти фигурки из слоновой кости напоминают цилиндры и конусы восточных шахмат, но внутри полые. Возможно, они служили своеобразным основанием для каких-то дополнительных атрибутов, вместе с которыми и составлялись те или иные шахматные фигуры. В этой связи особенно интересна недавняя находка головы шахматного коня в Афрасиабе. В нижней части фигурки — небольшая ножка, служившая, по-видимому, штырем для вставки в какое-то устойчивое основание. Быть может, для таких именно фигурок применялись полые подставки, которые найдены на Дону и в Тамани. Не исключено, что дополнительные вставки были деревянными, а деревянных изделий в Саркеле, например, не сохранилось. Поэтому можно предположить, что саркелские и таманские находки были деталями шахматных фигур.

Между прочим, такого же типа шахматные фрагменты найдены археологами в 1855—1856 гг. при раскопках

Фрагменты шахматных фигур. Кость.
1—X—XI вв. Саркел — Белая Вежа, *2*— X в. Таманское городище, *3* — XI—XII вв. Киев

разрушенного землетрясением города Бамбра-ка-тул в Северной Индии. В начале XI в., к которому относятся эти шахматы, здесь был мусульманский город Мансура, и поэтому археологи предполагают, что найденные фигурки скорее мусульманские, чем исконно индийские. Во всяком случае все 37 деталей черного и белого цвета из слоновой кости не могут быть названы какой-либо определенной фигурой и, по мнению Мэррея, вырезались секциями и складывались вместе.

К той же категории находок фрагментарных шахмат допустимо отнести костяные фигуры, обнаруженные при других раскопках Древней Руси. Среди них, например, фигурка, найденная в 1936 г. в Киеве и относящаяся к древнейшему периоду, может быть, к XI—XII вв. И по форме и размерам (высота — 2 см, диаметр в основании — 1,1 см) она напоминает пешку, но, подобно саркелским и таманским находкам, полая.

Интересные экземпляры подобных орнаментированных фигурок можно увидеть среди материалов экспедиций, производивших раскопки на территории Галицко-Волынского княжества, а также в раскопках Полоцка (А. Г. Митрофанов, 1959 г.) и Лукомля (Г. В. Штыхов, 1968 г.).

Наконец, представляют интерес находки подобных фигурок в курганах XI—XII вв., раскопанных южнее Киева и оказавшихся погребениями Черных Клобуков, как русские стали позднее именовать племена степных кочевников — берендеев, торков и печенегов. В двух таких могильниках, что были раскопаны в 1899 г. в Каменке, и были найдены костяные цилиндрики, которые по форме и размерам совпадают с описанными выше фигурками [26]. Не имел ли погребальный обряд целью предоставить покойному витязю возможность и в загробном мире потешиться полюбившейся ему игрой?

На сегодняшний день, однако, проблема фрагментарных шахмат на Руси остается нерешенной. С уверенностью говорить, что это — части шахмат, можно будет лишь в том случае, если удастся обнаружить одновременно с ними дополнительные атрибуты фигур, характерные для средневековых шахмат. При этом следует иметь в виду, что на Востоке, наряду с резьбой, простой лепкой или формов-

[26] *С. А. Плетнева*. Древности Черных Клобуков.— «Археология СССР. САИ EI-19». М., 1973, стр. 17, 43—44, 89—90, табл. 41, *6*, 42, *6*.

Шахматные фигуры слона. Слоновая кость
1 — начало XI в. Белая Вежа (Государственный Эрмитаж. Ленинград);
2 — XII в., фигура восточной работы (Национальный музей. Флоренция)

кой глины и стекла, нередко употреблялись склепка, свинчивание и другие виды скрепления различных материалов. Все эти технические приемы изготовления шахматных фигур, несомненно, передавались соседним народам и странам.

Исключительный интерес для выяснения путей проникновения шахмат на Русь представляет находка шахматной фигурки слона с погонщиком в русском слое Саркела [27]. Как отмечалось, после взятия крепости Святославом здесь образовалось русское поселение городского типа. В раскопках преобладают предметы, характерные для славянского быта, ремесленной деятельности, для русской культуры начала XI в. Встречаются и вещи восточного происхождения, но они скорее относятся к предшествующему периоду, так как уже в это время путь из Белой Вежи на Волгу, в Среднюю Азию и Иран почти не прослеживается.

Фигурка слона найдена во время раскопок 1950/51 года в части крепости, лежащей вне цитадели. Она была обнаружена среди обломков посуды в полуземлянке — жилище ремесленника-гончара.

---

[27] *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа.— «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I. М.—Л., 1958, стр. 75.

Остается выяснить, был ли слон из комплекта привозных шахмат или местного производства? Материал, из которого изготовлена фигурка (слоновая кость), и манера исполнения явно не местные: в ремесленном производстве беловежцев применялись преимущественно рога оленя и сайги. Найденный же гребень из слоновой кости — византийского происхождения. Вообще слоновая кость шла с Востока, а в то время широких связей Белой Вежи ни с Ираном, ни со Средней Азией не было. К тому же фигурка, несмотря на несколько грубоватые формы, свидетельствует о знакомстве ремесленника с индийским животным: в ней прекрасно выдержаны пропорции. По всей вероятности, она была изготовлена восточным ремесленником. (Но столь же вероятно предположить, что она служила затем эталоном при изготовлении изобразительных шахмат русскими косторезами.)

Фигурка имеет овальную подставку с округлыми выщербинами на обеих длинных сторонах. Размеры слона невелики: длина — 3, ширина — 2,5, высота — 4 см. По манере изготовления эта фигурка напоминает шахматного слона средневековой восточной работы, хранящегося в Национальном музее Флоренции. То была одна из традиционных форм восточной резной работы, распространенное изображение животных, людей. И если, как уже отмечалось, естественно предположить, что «живые шахматы» пользовались спросом у руссов, то, конечно, особенный интерес восточнославянские купцы и сопровождавшие их дружинники проявляли к тем изобразительным фигуркам, которые соответствовали русским шахматным названиям. Таким образом, фигура из слоновой кости восточной работы могла появиться и в шахматном комплекте беловежцев, участвовавших в походе Святослава на Итиль.

Находка слона в Белой Веже и некоторые другие документальные материалы позволяют наметить вехи первоначальной истории шахматной культуры на Руси.

По-видимому, первое знакомство русских с шахматами и выработка понятной народу шахматной терминологии относятся к периоду между VIII и X вв. Представления о шахматах славяне могли получить в Средней Азии, Иране, на арабском Востоке. Но больше всего с иноземными шахматистами они встречались в Итиле и Болгаре на Волге. Здесь, по всей вероятности, шахматы стали известны в том виде, в каком они затем получили распространение на Руси.

РУСЬ ШАХМАТНАЯ

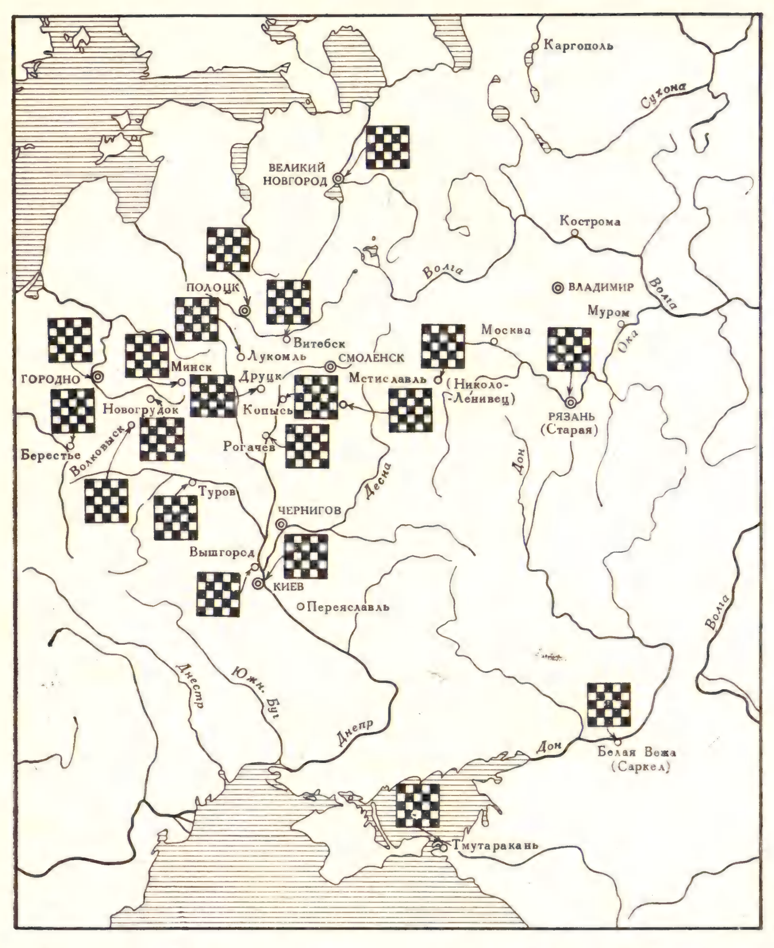
ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ФИГУРАМИ

Археологических находок фигур — оживших свидетелей древнерусских шахматных сражений — становится в нашей стране с каждым годом все больше. Уже сегодня они дают представление о распространении игры на обширной территории Древней Руси. Белая Вежа, Киев, Вышгород, Минск, Брест (древнее Берестье), Волковыск, Полоцк, Витебск, Гродно, Друцк, Копысь, Мстиславль, Слоним, Рогачев, Лукомль, Новогрудок, Туров, Торопец, Новгород, Рязань, поселение в верховьях Оки, именуемое ныне Николо-Ленивец,— во всех этих древнерусских городах и поселениях уже обнаружены шахматы, датируемые XI—XIII вв. А если прибавить к ним аналогичные находки XIV—XV столетий в Друцке, Смоленске, Москве и других древнерусских городах, то границы «шахматной Руси» еще более раздвинутся, и мы вправе будем утверждать, что шахматы в нашей стране знали и любили издавна и повсеместно.

Летописи приводят сведения о существовании уже в IX—X вв. не менее 23 русских городов. Число городских поселений непрерывно росло. Ко времени монгольского нашествия их насчитывалось до 400.

Древнейшие города Руси — это, как правило, развитые торгово-ремесленные центры. Обычно они состояли из двух во многом самостоятельных частей — крепости (гора, детинец) и позднее складывавшегося вокруг нее предместья (посад). Здесь на городских торгах (торжищах) был представлен широкий ассортимент изделий местного ремесла, в том числе шахматы.

Среди более 100 древнерусских городов и поселений, изученных советскими археологами, имеется значительное число — около 20 — населенных пунктов и городов, где обнаружены шахматы XII—XIII вв. Уже сейчас нам известно более 30 фигур. А этого достаточно, чтобы судить не только об особенностях их изготовления, о типологии фигур, но

Карта археологических находок шахмат в городах Древней Руси. X—XIII вв.

и о географии распространения древнерусских шахмат и в какой-то мере о вопросах социальной принадлежности населения, увлекавшегося игрой, о центрах ремесленного производства, где выделывались фигуры, и т. д.

Киев. Раскопки этого древнейшего города Руси, вокруг которого начали объединяться восточнославянские племена в IX—X вв. и который в XI—XII вв. стал столицей

древнерусского государства, представляют особый интерес и для изучения шахматной культуры. В фондах Государственного исторического музея Украинской ССР хранятся девять шахматных фигур. Все они — костяные, как правило, изготовлены на токарном станке и найдены в древнейших районах города — на Старокиевской горе и на горе Киселевка. Бо́льшая часть обнаружена в культурном слое, датируемом XII—XIII вв., в местах расположения косторезных мастерских эпохи Киевской Руси. Все фигуры — абстрактного типа. Не исключено, что исследования архивного фонда музея позволят обнаружить еще несколько шахматных находок, подобно тому как была недавно выявлена символическая фигура коня из раскопок на горе Киселевка в 1932 г. [1]

Вышгород. Древний город Киевской земли, на правом берегу Днепра. В «Повести временных лет» упоминается еще под 946 г. Известен как город княгини Ольги. Здесь работали древоделы, ювелиры, кузнецы и других ремесленных дел мастера. В их числе — искусные резчики по кости, что подтверждается, в частности, находкой шахматной фигуры. Она обнаружена при раскопках (1936 г., В. Г. Гончаров) в полуземляночном жилище XII в. При публикации в послевоенное время результатов раскопок было высказано недоумение по поводу этой фигуры: «Кістяний виріб невідомого призначення, можливо п'ята від веретена» [2]. На самом же деле то была средневековая абстрактная шахматная ладья.

Туров. Один из древнейших городов Киевской земли. Через город шла дорога от Киева к берегам Балтики. Был крупным центром ремесленного производства. Особенным искусством отличались туровские мастера в изготовлении из кости гребней, рукоятей ножей, шахмат и т. д. Раскопки дали много материала для исследования быта Древней Руси. Среди находок (1961 г., М. Д. Полубояринова) в слое XIII в. — абстрактная костяная шахматная фигурка коня.

Минск. Крупный древний город Западной Руси. С 1119 г.

---

[1] *Г. М. Шовкопляс.* Про косторізне ремесло в стародавньому Києві.— В сб. «Середні віки на Україні», вип. 2. Київ, 1973, стр. 120, рис. 5, *3*.

[2] *В. И. Довженок.* Огляд археологічного вивчення Вишгорода за 1934—1937 рр.— «Археологія», Київ, 1950, т. III, табл. VII, рис. 4, стр. 87.

перешел во владения Владимира Мономаха, а с середины XII в. князья Минска активно участвовали в борьбе за полоцкий престол. Археологическими раскопками в послевоенные годы вскрыто 130 деревянных построек, преимущественно XII—XIII вв. Основу экономики составляли ремесло и торговля; из предметов, характеризующих культурную жизнь города, особенно примечательны писáла — заостренные стержни с плоской лопаточкой на конце (для писания) и шахматы. Во дворе усадьбы XII в. найдены четыре деревянные абстрактные фигуры простой выделки[3].

Брест. В древности — Берестье, впервые упоминаемое в летописи в 1019 г. На раскопках городища вскрыты культурные слои конца X до XIII—XIV вв. Найдены бытовые предметы домонгольского времени, в том числе деревянная ладья восточного типа и уникальная изобразительная костяная фигура шахматного короля (царя). Последняя обнаружена в 1973 г. в слое, перекрывающем самый глубокий из вскрытых ярусов (шестой) уличной мостовой[4], и потому может быть датирована XII — началом XIII в.

Гродно — крупный ремесленный торговый центр — упоминается в Ипатьевской летописи еще в 1132 г. Древняя часть города располагалась на возвышенной части при впадении реки Городничанки в Неман. Здесь, на Замковой горе, в 1932 г. польскими археологами были начаты раскопки, завершенные в 1949 г. советскими учеными. Среди многочисленных предметов хозяйственной деятельности, ремесла и быта, отражавших своеобразную культуру русских городов Принеманья, была найдена миниатюрная ладья, искусно сделанная из светло-желтого камня с зелеными прожилками. Впервые ее исследовал, датировал серединой XII в. и детально описал Н. Н. Воронин[5].

Друцк. Город возник на пути «из варяг в греки». В летописи впервые упоминается в 1092 г., но существовал, судя по «Поучению» Владимира Мономаха, раньше. В период феодальной раздробленности, с начала XII в., становится княжеским центром, играющим видную роль в Полоцкой земле; в конце того же столетия отошел к Смоленскому княжеству, а в XIII в. к Литве.

---

[3] *Э. М. Загорульский.* Археология Белоруссии. Минск, 1965, стр. 195.

[4] *П. Ф. Лысенко.* Исследования Брестского отряда.— «Археологические открытия 1973 года». М., 1974, стр. 375.

[5] *Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно. М., 1954, стр. 75—76.

При раскопках Друцка, производившихся с 1959 г., найдено пять шахматных фигурок[6]. Две из них — слон и пешка обнаружены в ремесленной части княжеского детинца и относятся к XII—XIII вв. Здесь же оказалось много костяных изделий, недоработанных предметов из рога и кости. Иначе говоря, в этом месте находилась косторезная мастерская. Две другие фигурки — маленькая костяная пешка и нижняя часть точеной шахматной фигуры из кости найдены в культурном слое XIII в. в центре городища, на городской площади. Наконец, еще одна фигурка обнаружена в самом позднем культурном слое (непосредственно перед пахотным), который с уверенностью не датировался.

Волковыск. В 1954 г. археологической экспедицией Академии наук БССР при раскопках Замковой горы в слоях XI— начала XII в. были обнаружены две изобразительные шахматные фигуры — ладья и пешка[7].

Новогрудок. Новгородок Литовский — так назван в Ипатьевской летописи этот старинный русский город на границе Полоцкой земли. Здесь во время раскопок (1960 г., Ф. Д. Гуревич) в слое первой половины XII в., по всей вероятности, в доме княжеской усадьбы, вместе с богатыми удилами и другими бытовыми принадлежностями была найдена абстрактная костяная шахматная фигура (конь).

Витебск. По летописным сообщениям, основан в X в. В XI—XIII вв. его история тесно связана с Полоцком и Смоленском, в княжеские владения которых попеременно переходил. Археологические исследования дали много материала для характеристики хозяйственной и культурной жизни. Найдены древнерусская керамика X—XII вв., первая в Белоруссии берестяная грамота, клады восточных монет VIII—X вв. В культурном слое XIII в. (предшествует слою времени Великого княжества Литовского — XIV—XV вв.) при раскопках посада Нижнего замка (1966 г., Г. В. Штыхов) найдена шахматная фигура ладьи абстрактного типа.

---

[6] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966, стр. 234, рис. 68.

[7] *В. Р. Тарасенко.* Раскопки городища «Шведская гора» в 1954 г.— «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1959, стр. 277—278.

Лукомль. Входил в Полоцкое княжество. В связи со строительством Лукомльской ГРЭС в течение трех лет здесь производились раскопки. В 1966 г. в культурном слое XII в. обнаружена уникальнейшая находка — изобразительная шахматная фигура, по-видимому, ферзя [8].

Копысь. Впервые упоминается в древнерусских источниках в 1059 г. В то время принадлежал полоцким князьям, а с 1116 г.— Владимиру Мономаху. При раскопках городища в культурном слое XI—XIII вв. найдена шахматная ладья абстрактного типа [9]. Тут же — скопления отходов косторезного ремесла. Позднее археологической экспедицией Белорусского университета в тех же древнерусских слоях найдена еще одна шахматная фигура — пешка (1972 г., Э. М. Загорульский).

Полоцк. Упоминается в «Повести временных лет» еще под 862 г. По своей материальной культуре близок к древнему Новгороду, Пскову, Смоленску и другим городам лесной полосы Восточной Европы. Во время раскопок найдены четыре шахматные фигуры, в том числе абстрактного слона (1963 г., Г. В. Штыхов).

Николо-Ленивец. На левом берегу р. Угры, в бассейне Верхней Оки. Через этот район в древности проходил восточный торговый путь славян Днепр — Ока — Волга — Урал. Здесь, в древнерусской землянке XII—XIII вв., среди разнообразных предметов быта и обломков гончарных сосудов (в хозяйственной яме) была обнаружена костяная шахматная фигурка [10].

Рязань. Впервые упоминается в летописи под 1096 г. Старая Рязань стояла на возвышенном правом берегу реки Оки. С конца XI — начала XII в. ведет борьбу с владимирскими князьями за преобладание в Северо-Восточной Руси. Экспедиция 1969 г., обнаружив остатки постройки хозяйственного значения, сгоревшей в 1237 г., неподалеку от кладовых (хозяйственных ям) нашла две круглые костяные пластинки, одна — с изображением воина. Руководители экспедиции предположительно отнесли находки

---

[8] *Г. В. Штыхов.* Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг. — В сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1969.

[9] *Г. В. Штыхов.* Исследования в Северной Белоруссии.— «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970.

[10] *Т. Н. Никольская.* Городище у дер. Николо-Ленивец (раскопки 1954—1958 гг.).— «Советская археология», 1962, № 1, стр. 237, 239.

к богатому набору шашек[11]. На наш взгляд, их с бо́льшим основанием можно считать шахматами.

Новгород. О раскопках этого древнерусского города и многочисленных находках шахмат XII—XV вв. рассказывается в следующей главе. Здесь лишь отметим, в связи с рассмотрением древнерусских фигур «с личиками», что в слое XIII в. в Новгороде обнаружена изобразительная шахматная фигура коня.

По имеющимся сведениям, шахматные фигуры найдены также при раскопках Слонима, Мстиславля, Рогачева (Гомельской обл.).

Даже краткий историко-географический обзор находок свидетельствует о распространении шахмат в Древней Руси уже в XII—XIII столетиях. Вместе с тем он позволяет сделать и некоторые другие заключения.

В ряде случаев шахматы оказываются в местах, где были остатки косторезных мастерских (Киев, Друцк, Копысь), подтверждая тем самым, что костяные шахматные фигуры являлись одним из предметов местного производства ремесленников.

Иногда фигуры находят в хозяйственных ямах вместе с другими бытовыми предметами (Николо-Ленивец, Рязань), в открытых местах — на улицах и площадях, где могли состязаться в древности шахматисты или происходили торжища, на которых продавались шахматы (Друцк). По-видимому, и в дальнейшем археологи могут обнаружить шахматы в таких местах, особенно если учесть случайный характер потери игровых фигур.

Для определения социального и профессионального состава населения, увлекавшегося шахматной игрой, раскопки дают пока очень мало материала. Все же следует отметить, что шахматы находят при раскопках не только княжеского детинца (Гродно, Друцк, Волковыск, Новгород), но и окольного города (Витебск), в полуземляночных жилищах, дворах ремесленников и других простых людей (Вышгород, Николо-Ленивец, Минск). Поэтому следует предположить, что не только купцы и воинские дружины князей, но ремесленники и другая часть населения городского посада были знакомы с шахматами уже в период Киевской Руси.

---

[11] *В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт.* Рязанская экспедиция.—«Археологические открытия 1969 года» М., 1970

Конечно, оценивать те или иные социальные категории населения, среди которых была распространена шахматная игра в Древней Руси, на основании материальных комплексов, добываемых в процессе археологических раскопок, можно лишь очень ориентировочно, используя при этом и другие источники, в частности былины, а позднее — свидетельства иностранных путешественников.

В отдельных раскопках стратиграфия культурных слоев оказывается недостаточно четко выраженной или нарушенной, что затрудняет датировку шахматных фигур. Следует при этом иметь в виду большую долговечность костяных изделий. Найденные в одном культурном слое шахматы вследствие долговременного обращения могут относиться и к предыдущему столетию. В тех случаях, когда из-за смещения культурных слоев трудно определить время бытования вещей, найденные вместе с ними шахматы могут помочь датировке, особенно если они имеют ясно выраженную типологию, позволяющую отнести их к определенной эпохе.

Число находок с каждым годом возрастает, что дает возможность уже теперь представить наиболее характерные типы шахмат Киевской Руси, выявить некоторые общие тенденции в развитии шахматных фигур этой эпохи.

ВОСТОЧНАЯ И НОВАЯ СИМВОЛИКА

И. Т. Савенков в начале нынешнего столетия предположил, что изображения первых древнерусских фигур должны были соответствовать их названиям, а не быть символическими, как у арабов. Однако это не совсем так. При изучении и сопоставлении шахмат древнерусских городов XI—XIII вв. обращает на себя внимание бытование у славян как символических, абстрактных, так и изобразительных фигур. Более того. Целый ряд причин: восточная традиция, первоначально воспринятая Киевской Русью; сравнительная легкость изготовления и дешевизна «геометрических» фигур; их несомненные чисто игровые преимущества (они не отвлекают внимания сами по себе и позволяют сосредоточиться на процессе борьбы) — все это предопределило уже в ту эпоху и в последующие века преобладание шахмат абстрактных типов.

Киевская Русь, как и некоторые страны Западной Европы, непосредственно заимствовавшие шахматы от на-

родов Востока, восприняли от них не только правила игры и ее терминологию, но и сами фигуры, имевшие, как уже отмечалось, абстрактно-символический характер. И как только игра получила распространение среди воинов и жителей древнерусских городских посадов, это вызвало к жизни местное производство шахмат.

В условных стилизованных шахматных фигурах русские ремесленники первоначально большей частью следовали восточным образцам, однако далеко не во всем копировали их. Многое зависело от художественного вкуса мастера, от того, где делались шахматы. Вот почему они оказываются различными по манере исполнения, но в целом все же это были абстрактные фигуры восточного типа.

К настоящему времени при раскопках древнерусских городов в слоях XI—XIII вв. найдены костяные фигуры восточного типа, соответствующие всем рангам шахматного войска, кроме короля. Но в данном случае это не существенно, так как у народов Востока шахматная фигура короля ничем не отличалась от ферзя — последний был лишь несколько меньшей высоты, а иногда не имел верхнего полусферического выступа или возвышения в форме горошины.

Ферзь. Найден в Киеве и датируется примерно XII в., представляет собой цилиндрическую костяную фигурку с верхним полусферическим срезом. Верхнее основание в виде полукруга и боковая поверхность орнаментированы небольшими сгруппированными по три кружочками с точками в середине, а также двумя параллельными линиями в нижней части фигуры. Высота — 3,8 см. Форма ее типична для арабских шахмат VIII—IX вв., и только линейный орнамент, характерный для древнерусских костяных изделий, говорит за то, что перед нами славянское изделие. Кстати, таким же орнаментом украшены шахматные фигуры восточного типа, открытые археологами в Сандомире и относящиеся к тому же времени. Интересно отметить, что находка, сделанная на Старокиевской горе, долгое время оставалась в фондах Государственного исторического музея Украинской ССР неопознанной и была лишь недавно опубликована.

Ладья. Типичная костяная фигура восточного типа с прямоугольником в основании и двумя верхними выступами, обнаружена при раскопках Копыси в слое XII в.

Шахматные фигуры. Кость

1 — ферзь, ок. XII в. Киев, *2* — слон, XII—XIII вв. Друцк, *3* — кони: *а* — начало XII в. Новогрудок, *б* — XIII в. Туров, *в* — XI—XII вв. Киев, *4* — ладья, XII в. Копысь, *5* — пешки, Друцк: *а* — XI—XII вв., *б* — XIII в.

В середине имеет характерный для нее вырез. Длина — 4,5, ширина — 2, высота — 3,8 см. По сравнению с арабским рухом верхняя часть фигуры решена русским ремесленником своеобразно.

Слон. Найден в Друцке. Имеет форму небольшого усеченного конуса с двумя верхними выступами. Высота — 3, диаметр верхнего основания — 1,3, нижнего — 1,8 см. Фигура обнаружена при зачистке обнажений культурного слоя, на княжеском детинце у древнего колодца. Следует при этом иметь в виду, что город был основан в XI в., а его основной культурный слой падает на XIII в. Отсюда

можно заключить, что находка скорее всего относится к XII—XIII вв. По своей форме слон настолько характерен для арабского шахматного набора раннего средневековья, что может быть отнесен и к XI—XII вв. По-видимому, фигура — местного производства, так как ее нашли в ремесленной части детинца.

Конь. Фигура представлена тремя находками: в Киеве (XI—XII вв.), Новогрудке (первая половина XII в.) и в Турове (XIII в.). Все сделаны из кости и представляют собой цилиндрики с небольшим верхним выступом. Отличаются друг от друга лишь формой выступа: у новогрудского коня он имеет конусовидный характер, а у киевского и туровского напоминает небольшую треугольную пирамидку. К тому же у последнего из них выступ переходит в гривку, имитирующую гриву натурального коня. Все фигурки — классические образцы восточной символики в шахматах. И если бы не славянский знак трезубца, поставленный резцом сбоку, то новогрудскую находку легко можно было бы принять за арабскую шахматную фигуру. До нашего времени дошло также немало средневековых восточных и западных фигур коня, идентичных по форме выступа киевско-туровскому.

Пешка. Представлена двумя находками из Друцка. Это небольшие усеченные конусы с полусферическим верхом. Высота одной пешки — 2,6, другой — 1,8 см. Обе — костяные. Первая не датирована, как и фигура слона, так как обнаружена при зачистке пробного профиля древнего колодца. Ее можно отнести к XI—XII вв. Другая пешка из слоя XIII в. друцкого княжеского детинца оказалась затерянной на городской площади.

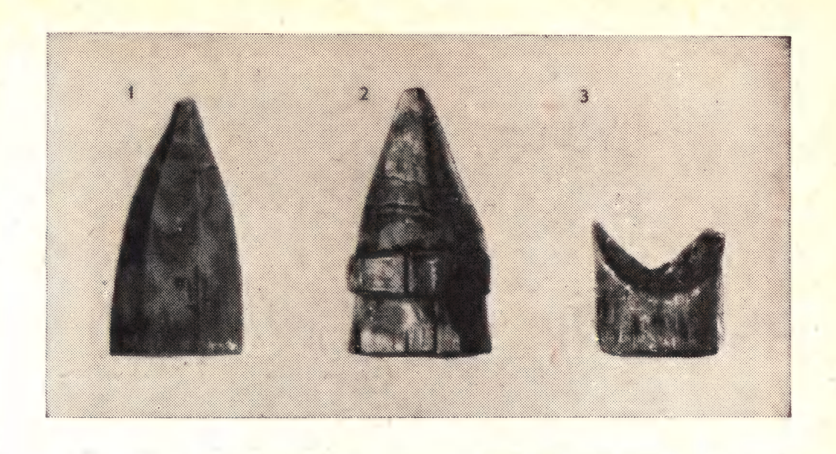
О чем говорят находки абстрактных шахматных фигур восточного типа в раскопках древнерусских городов XI—XIII вв.? Прежде всего о том, что они, как и в странах Западной Европы, были одной из ранних форм шахмат и имели распространение во всех землях Киевской Руси. Далее, о том, что, следуя восточным образцам, мастера первоначально не вносили в шахматы существенных изменений. Нет никаких признаков, чтобы фигуры были разного цвета. Правда, краски того времени практически не сохранялись в земле. А может быть, как и на Востоке, играющие, чтобы отличить свои «войска» от шахматной армии соперника, ориентировались по другим критериям: у одной из сторон, скорее всего у начинающей игру,

фигуры были выше. Другим признаком, которым отличались комплекты противников, могли быть линии орнамента и композиции кружочков на фигурах.

К такому заключению можно прийти, например, при ознакомлении с уникальной находкой археологической экспедиции Польской Академии наук в Сандомире (1962). В обыкновенной жилой избе (полуземлянке) в слое начала XII в. найден почти полный (без трех пешек) комплект костяных шахматных фигур, имевших такую же символическую форму, какая была в то время у шахмат стран Востока и Запада. Орнамент на фигурах характерен для костяных изделий славян. Желтоватые фигурки сделаны из оленьих рогов, имеют высоту около 2,5 см

Шахматные фигуры. Кость. XII в. Сандомир
1 — король, *2* — ферзь, *3* — слон, *4* — конь, *5,6* — ладьи

Шахматы-самоделки. Дерево
1 — пешка, конец XII — начало XIII в. Мстиславль, *2* — король, *3* — ладья, XII—XIII вв. Минск

(пешки — 1,2 см). Все экземпляры — одного цвета. При этом главные фигуры двух «лагерей» различались между собой орнаментом, а пешки — размерами.

В связи с этой находкой перед польскими археологами встал вопрос: откуда первоначально пришли шахматы в Польшу. Ведь она служит опровержением распространенной точки зрения, что шахматы были занесены в некоторые страны Европы, в том числе на польскую землю, участниками крестовых походов в XII в. Ибо найденный комплект уже сильно истертых фигур (следовательно, им пользовались давно) был явно не княжеской принадлежности, а шахматами, в которые играл народ. В этой связи руководитель экспедиции профессор Е. Гонсовский вскоре же после этого открытия заявил корреспонденту польского еженедельника «Пшекруй»: «Знакомство с игрой могло прийти к нам гораздо раньше — из соседней Руси»[12]. Именно поэтому она стала, по мнению Гонсовского, народной игрой к XII в. Такой же точки зрения придерживается археолог Э. Гонсовская, опубликовавшая большое исследование о сандомирских шахматах[13].

---

[12] *R. Burzyński*. Sensacia archeologiczna: szachy Piastowskie.— «Przekrój», Kraków, 1962, N 923—925.

[13] *E. Gąssowska*. Wczesnośredniowieczne szachy z Sandomierza. — «Archeologia Polski», t. IX, zeszyt I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 167.

Многочисленные находки шахмат аналогичной формы в городах Киевской Руси XI—XIII вв. могут служить подтверждением этой гипотезы польских археологов. К тому же она вполне согласуется с общеисторическими фактами — с активными в XI—XII вв. русско-польскими политическими и культурными связями.

О народном характере игры на Руси свидетельствуют и находки простых деревянных шахмат в Минске, Бресте, Мстиславле и Новгороде. Первые из них относятся к XII в. и являются народной модификацией абстрактных шахмат восточного типа. Немного приходилось работать ножом, чтобы сделать из дерева характерную ладью с двумя выступами по краям. Зато в трактовке главной фигуры обладатель минского комплекта проявил самостоятельность: на небольшом круглом основании был установлен окаймленный пояском конус, что напоминало древнерусский княжеский головной убор [14]. Позднее мы

[14] *Л. Нидерле.* Славянские древности. Перев. с чешск. М., 1956, стр. 236.

Западноевропейские шахматные фигуры. Кость. XII в.
1 — ладья (Лувр. Париж),
2 — слон (Городская галерея. Франкфурт-на-Майне)

находим аналогичных «королей» и «ладьи» в шахматах древнего Новгорода и Москвы.

Возвращаясь к костяным фигурам восточного типа, хотелось бы отметить и такой факт: в раннюю пору шахмат на Руси ремесленники, как правило, не стремились к украшению их какими-либо изобразительными сценами. На это следует обратить внимание хотя бы потому, что среди западных шахмат восточного типа встречаются фигуры с изображениями лица человека на выступах и со сложными барельефами. Так, на одной костяной фигурке из моржового клыка (Франкфурт-на-Майне, вторая половина XII в.) верхние выступы, характерные для абстрактного слона, превращены в две женские головки, а боковая поверхность симметрично разделена на четыре арки. Под одной из них виден кентавр с копьем, сражающийся с большой птицей, под другой — сатир изрыгает пламя на такую же птицу. На хранящейся в Лувре фигуре руха примерно того же времени поверхность украшена изображением с одной стороны двух сражающихся на конях рыцарей с копьями наперевес, а с другой — сценой

из библейской легенды о грехопадении человека и изгнании Адама и Евы из рая.

Но как бы ни была искусна эта сложная рельефная резьба по кости на гладкой поверхности фигур арабского типа, содержание сцен в большинстве случаев не имело никакого отношения к шахматной игре и, более того, мешало шахматисту, отвлекало его от процесса борьбы. Конечно, эти художественные изделия были дорогими и принадлежали знатным семьям и рыцарям. Но ведь и сама игра в те времена на Западе была еще привилегией знати, поэтому преобладание в находках фигур из дорогих костяных наборов закономерно.

Иначе развивалась, судя по археологическим свидетельствам, шахматная игра на Руси. Здесь, как и на Востоке, она получила широкое распространение среди жителей городских посадов и воинов. При этом абстрактные шахматы восточного типа благодаря необычайной простоте форм — незатейливое войско комплектовалось из небольших цилиндриков, пирамид, конусов — в какой-то мере способствовали росту популярности самой игры.

На Руси в это время были в ходу, однако, не только шахматы восточной символики. Ремесленники изготавливали фигуры и в новой абстрактной манере, появление которой связано с развитием косторезного ремесла, выделившегося в Киевской Руси в самостоятельную отрасль. В культурном слое XI—XIII вв. встречаются, как правило, шахматные фигуры, выточенные из целого куска кости. Для этого применялись разные сорта кости — животная (скотская), слоновая, «рыбьи зубы» (моржовая кость) и рога оленя. Мастера-косторезы искусно пользовались ножом, резцом и пилой для выделки абстрактных шахмат восточного типа. Работа эта не была столь уж сложной, но зато достаточно трудоемкой.

Значительно ускорился труд косторезов с применением токарного станка. Правда, для выделки шахмат восточного типа он оказался не столь удобным: трудно было, например, сделать специальные выступы у слона и коня или основание в форме вытянутого прямоугольника у ладьи. Столкнувшись с новой, прогрессивной техникой обработки кости, шахматы неизбежно должны были получить на Руси и новую форму. Так оно и произошло. Теперь все фигуры, в том числе ладьи, стали иметь устойчивое и красивое круглое основание, на котором возвышались построе-

ния, характерные для той или иной шахматной фигуры восточного типа, но соответствующим образом видоизмененные. Новый тип шахмат возник еще в XII—XIII вв., но особенное распространение получил в XIII—XV вв. Уже от периода зарождения этого типа фигур дошли отдельные, весьма характерные археологические памятники: шахматные ладьи и слоны.

Ладья. Представлена тремя находками XII в.: в Киеве, Вышгороде и Витебске. У них характерные для шахмат круглые нижние основания и размеры: высота киевской ладьи — 3 и диаметр в основании — 2 см, вышгородской — 2,5×2 см, витебской — 2,9×2,6 см. А о том, что перед нами ладьи, свидетельствует верхняя часть фигур, которая представляет собой своеобразное воспроизведение руха с помощью станка. Ремесленник изобразил нечто среднее между восточной фигурой и натуральной русской ладьей.

При этом, однако, с рухом произошла любопытная трансформация: при сохранении боковых выступов исчез разрез в середине, вместо которого появился цилиндрический остов. Ножка у находок невысокая, цилиндрическая, достаточно массивная, у вышгородской и витебской ладьи — с кольцевым перехватом. Фигуры отличаются безукоризненно выдержанными пропорциями, прекрасно выточенным основанием, орнаментированным линейным украшением. Это — образцы тонкого косторезного мастерства.

Наиболее типичными для нового типа фигур являются вышгородская и витебская ладьи, в которых отчетливо соединены элементы восточной символики с абстракцией, рожденной новыми условиями обработки кости. Что касается киевской находки, то в ней трудно объяснимо выдолбленное в центре фигуры отверстие. Возможно, оно было у всех фигур комплекта, чтобы после игры их легко было насадить на нитку и таким образом не растерять драгоценный набор. Но могла быть и другая, пока не известная нам причина. Ибо одна из сохранившихся шахматных фигур скандинавского происхождения, относящаяся к концу XII — началу XIII в., в какой-то мере похожа на эту фигурку, но имеет в центре четыре отверстия.

Но если в ладье нового типа можно проследить, как происходила ее трансформация, то гораздо труднее установить эти «линии связи» с восточной символикой у слона.

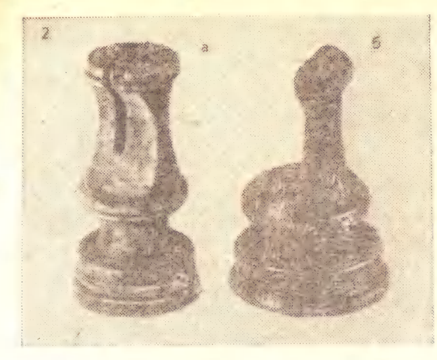

Внешне он как будто ничем не напоминает фигуру арабского филя.

Слон. Найдено два экземпляра: у поселения Николо-Ленивец (XII в.) и в Полоцке (XIII в.). Обе костяные фигурки вытачивались по одному образцу: на круглое невысокое основание с массивной ножкой водружался усеченный цилиндрик с полусферическим верхом, затем в нем с двух сторон делались полукруглые срезы, а перпендикулярно им — небольшой разрез. Когда фигурка такой сложной разработки была впервые обнаружена археологом Т. Н. Никольской, назначение ее в шахматном наборе еще не было известно. Автор находки предположила, что центральный разрез в фигуре был сделан позднее и вызван каким-то утилитарным использованием костяного изделия.

В предыдущем издании настоящей работы на основании такого объяснения была высказана гипотеза, что перед нами — шахматная фигура ферзя.

Однако в связи с исследованием новых находок, сделанных при раскопках Тракайского замка, назначение верхнего разреза представляется иначе. Внимательное изучение предшествующих форм шахмат, пришедших с Востока, приводит к заключению, что то был не ферзь, а слон. Дело в том, что у арабского шахматного слона, как уже отмечалось, цилиндрический корпус увенчивали два выступа. Ремесленники же, встретившись с затруднением при их вытачивании на станке, приняли вполне рациональное решение: отказаться от выступов, но для сохранения «идеи» ограничиться разрезом верхней части корпуса. Конечно, костяных дел мастер, копируя затем такие

Шахматные фигуры. Кость. XII—XIII вв. Киевская Русь
1 — ладьи:
а — ок. XII в. Киев,
б — XII в. Витебск,
в — XI—XIII вв. Вышгород;
2 — слоны:
а — ок. XII в. Николо-Ленивец,
б — XIII в. Полоцк

образцы, вряд ли интересовался происхождением разреза и по своему вкусу делал его то более, то менее глубоким. Нередко разрез доходил до основания фигурки, что, конечно, уменьшало ее прочность. Поэтому в полоцком слоне, где был сделан такой разрез, сохранилась лишь часть корпуса (высота этой фигуры — 3,1, диаметр основания — 2,1 см).

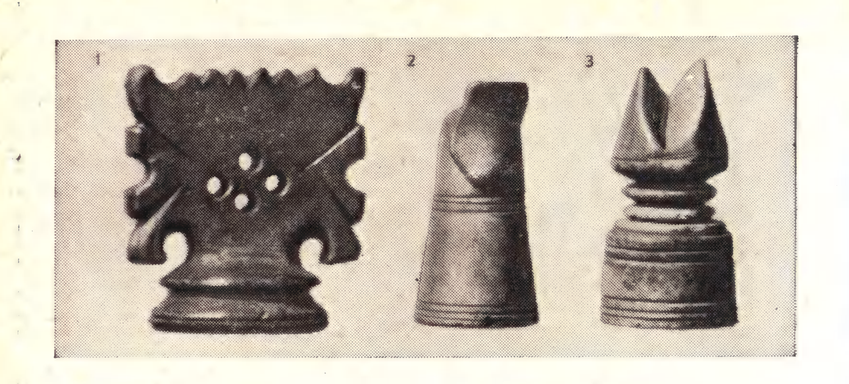
Классическим образцом слона нового абстрактного типа следует признать находку при раскопках городища у дер. Николо-Ленивец. По строгости формы и линий орнамента, характеру обработки кости и здесь отчетливо виден резец токарного станка.

В отличие от сравнительно простых косторезных приемов при изготовлении фигур восточного типа теперь требовалось гораздо более тонкое мастерство объемной резьбы. В фигурках нового типа отражается стремление сделать комплект более красивым, по-своему выражаются эстетические устремления того времени. Поэтому древнерусские шахматы, сделанные с применением токарного станка и сложной резьбы, справедливо будет отнести к произведениям прикладного искусства XI—XIII вв. Представляется полностью оправданным, например, включение витебской ладьи, наряду с изобразительными шахматами, в число тех памятников художественного ремесла, которые составляют ныне фонд древних сокровищ Белоруссии [15].

Следует заметить, что в странах Западной Европы использование токарного станка предопределило эволюцию

---

[15] «Старажытныя скарбы Беларусі» (сост. Г. В. Штыхау, П. Н. Захарэнка). Мінск, 1974, рис. 21, а также 20, 22, 23.

Скандинавские шахматные фигуры. Кость. Конец XII—начало XIII в. (Государственный исторический музей. Стокгольм)
1 — ладья, *2* — конь, *3* — слон

шахмат в том же направлении. Но отсутствие необходимости в массовом производстве шахмат замедлило этот процесс. Во всяком случае находки такого типа фигур на Западе, относящиеся к XII—XIII вв., крайне редки. К тому же они свидетельствуют, что фигуры новой абстракции были тогда слабо разработаны и довольно близко имитировали восточные образцы. Так, скандинавская фигура слона, получив характерное для токарной обработки круглое основание, в остальном очень просто выразила идею восточной символики: вместо двух небольших боковых отростков прямо на ножке были сделаны два крупных торчащих кверху выступа.

Сравнение находки у дер. Николо-Ленивец с этой фигурой, как и выявление особенностей других шахмат новой конфигурации, особенно ладьи, свидетельствуют об известной самостоятельности русских ремесленников в разработке нового типа абстрактных шахматных фигур. Более того, несмотря на неполноту комплекта шахматных фигур, представленного в археологических находках XII—XIII вв., те, которые имеются, столь характерны, что можно с полным основанием утверждать о появлении в эту эпоху древнерусского типа шахматной абстракции, явившегося важным этапом в развитии шахмат от средневековых восточных форм к современным. Новый тип фигур в последующие два-три века стал доминирующим на Руси, за исключением Новгорода.

На торжищах древнерусских городов, наряду с маленькими костяными шахматными фигурами восточной символики или более изящно и по-новому сделанными с помощью токарного станка, предлагались дорогие наборы изобразительных шахмат, фигуры которых соответствовали их русским названиям и были выполнены в реалистической манере. Над этими шахматами «с личиками», как издревле называли на Руси изобразительные фигуры, подолгу и с любовью трудились талантливые резчики; их произведения — высокохудожественные образцы прикладного ремесла.

Древнерусское прикладное искусство X—XIII вв., отмечает Б. А. Рыбаков, «выступает перед нами в двух разных категориях: во-первых, как искусство самих посадских горожан, творцов феодальной культуры, и, во-вторых, как созданное их руками искусство боярско-княжеских кругов. Между изделиями существуют различия в ценности материала, в тонкости отделки, в некоторых технических приемах, но стилистически и сюжетно обе категории городского прикладного искусства очень близки, что вполне естественно при единстве творческой среды»[16].

Это полностью относится и к таким произведениям прикладного искусства, как шахматы. Ясно, что изобразительные комплекты были очень дороги и предназначались для состоятельных слоев населения Киевской Руси. Но в изделия вкладывались мысли и талант простых ремесленников, в них отражалась эпоха с ее бытовыми реалиями — и в этом непреходящее значение этого вида археологических памятников. К тому же следует учитывать и роль находок для выяснения важных вопросов в истории шахматной культуры — времени проникновения шахмат на Русь и исследования специфики древнерусской шахматной терминологии.

Король. Так как шахматы воспринимались на Руси как игра военная, то логично было ожидать, что главная фигура шахматного войска — царь — изображалась в воинском облачении. На такую мысль может навести, в частности, знакомство с западными изобразительными шахматами. А первое подтверждение тому дала недавняя на-

[16] *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971, стр. 26—27.

ходка при раскопках Рязани — круглая костяная пластинка с изображением знатного воина. Ее диаметр — 2,8, толщина — 0,5 см. По предположению В. П. Даркевича и А. Л. Монгайта, костяной кружок «мог относиться к богатому набору шашек».

С таким мнением трудно согласиться. Прежде всего нет никаких данных о том, что в то время существовала шашечная игра в сегодняшнем ее понимании. Но если бы уже тогда она и бытовала на Руси, то стандартный тип этих фигурок не требовал дополнительного, да еще столь сложного изображения. Зато появление его становится вполне понятным и закономерным в богатом наборе походных шахмат князя или знатного воина. Тем более, что найденный кружок был не один (иначе не исключалось и другое его назначение), рядом с ним оказался такой же кружок, но без какого-либо рисунка. Скорее всего в предполагаемом комплекте именно пешки не имели изображений и были представлены чистыми кружками. Так, в изобразительных наборах шахмат викингов XII в. пешки оставались абстрактными.

Между прочим, если сравнить манеру обрисовки фигуры на рязанской пластинке с некоторыми особенностями стиля скульптурки волковыской пешки, также выполненной в рост и относящейся к тому же времени, то вероятность нашей гипотезы еще более возрастет. Вот как описывают изображение на кружке руководители экспедиции: «Фигурка воина, стоящего во весь рост, вырезана в высоком рельефе. Он одет в длинный подпоясанный кафтан с короткими рукавами и разрезом во всю длину. Полы кафтана обшиты каймой, орнаментированной мелкими кружками. Из-под основной одежды видна исподняя рубаха с длинными узкими рукавами. На голове — довольно высокая шапка с узкой опушкой. Ноги обуты в сапоги. Правой отведенной в сторону рукой дружинник сжимает рукоять меча, левая рука покоится на стоящем вертикально миндалевидном щите. По типу вооружения изображение датируется XII — первыми десятилетиями XIII в. Длинное верхнее платье, мягкая шапка с меховой опушкой, меч как символ власти позволяют признать в воине знатного дружинника или князя»[17].

---

[17] *В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт.* Рязанская экспедиция.— «Археологические открытия 1969 года», стр. 71.

Короли. Кость

1 — XII в. Рязань; *2* — XII—XIII вв. Берестье

Изобразительные шахматные фигуры, как уже отмечалось, выполнены в реалистической манере. Поэтому естественно ожидать, и это как раз подтверждает рязанская находка, что в виде царя шахматного войска будет изображен князь, держащий в руке меч или другой символ воинской доблести и власти.

Именно в такой манере изображена шахматная фигура короля, найденная в Берестье (Бресте). Высота ее — 4,6 см, ширина в основании — 2,5 см. Перед нами — знатный воин с мечом или другой регалией княжеской власти. Так характеризует и нашедший ее археолог П. Ф. Лысенко — «вырезанная из кости поясная фигурка шахматного короля со щитом на левой руке и жезлом (булавой? скипетром?) в правой». Из-под плоской шапочки свисают волосы. Кстати, то, что фигура оказалась покрытой многочисленными циркульными кружочками, служит лишним доказательством ее шахматного использования: по-видимому, фигура короля противника не имела такого орнамента. У основания фигурка была несколько расширена, что заменяло собой подставку.

Ферзь. Шахматная фигура найдена при раскопках Лукомля и относится к XII в. Она сделана из светлой кости, пожелтевшей от времени и лежания в земле, и изображает

сидящего человека. Ее высота — 4,7 см, основание — 2,5×
×2,2 см. Имеет характерную для шахмат овальную подставку, кстати, сильно потертую: по-видимому, фигурой часто пользовались. Она изображает сидящего человека со скрещенными руками. Причем положение рук отличалось от характерного для слуг на Востоке. К тому же на одной из рук изображено нечто вроде драгоценного браслета. На голове — шапочка, возможно условное изображение шлема, ибо явственно различаются идущие крестом заклепки.

Все это свидетельствовало о том, что русский ремесленник скорее всего хотел изобразить человека, облеченного властью. Интересно заметить, что по характеру резьбы и изображения лица фигурка напоминает ранее найденную волковыскую пешку: несколько грубоватые черты, отсутствие бороды и усов, выдвинутый вперед подбородок, немного приплюснутый нос, длинные волосы, выступающие из-под шапочки.

Первоначально Г. В. Штыхов и автор настоящей работы предположили, что перед ними главная шахматная фигура — король (царь). Основанием для этого служило восточное происхождение шахмат, о чем на Руси в XII в., по-видимому, хорошо знали. А здесь как раз был изображен повелитель, сидящий со скрещенными руками да еще с подложенными одна под другую ногами. Правда,

Ферзь (вид с трех сторон). Кость. XII в. Лукомль

последняя деталь могла вызвать сомнение в правильности оценки фигуры. Когда же была опубликована рязанская находка, а затем появился король из Берестья, стало совершенно очевидным, что лукомльская фигура служила в шахматах ферзем. Изображение же человека без воинских атрибутов объясняется тем, что ферзь хотя и осмысливался на Руси как знатное восточное лицо, приближенное к царю и имеющее власть, но функции его оставались неясными.

Надо сказать, что и лукомльскую фигуру ферзя, и царя из Берестья нетрудно представить себе в комплекте волковыских шахмат, от которого до нас дошли пешка и ладья.

Ладья представлена двумя археологическими находками XII в.: одна найдена в Гродно, другая — в Волковыске. Гродненская ладья — каменная, укреплена на ножке с прямоугольной подставкой длиной 5,5 и шириной 1,5 см. На бортах — круглые отверстия для весел. В ладье четыре воина: два у бортов и два у носа и кормы. Из них хорошо сохранились лишь последние две фигуры. С каждой стороны на бортах висят по три щита. Н. Н. Воронин, исследуя эту находку, подчеркнул, что шахматная фигура отразила тип реального судна середины XII в.

По своей форме шахматная миниатюра соответствует описанию в русских источниках XII—XIII вв. нового в

Ладьи. XII в.
1 — камень, Гродно; 2 — кость, Волковыск

то время типа ладей («насадов»), в них гребцы были закрыты от вражеских стрел палубой, на которой находились лишь четыре воина в доспехах. Впервые насады упомянуты в Лаврентьевской летописи под 6659 (1151) г. в связи с борьбой киевского князя Изяслава с владимиро-суздальским князем Юрием: «Бе бо исхитрил Изяслав лодье дивно: беша бо в них гребьци гребут невидимо, токмо весла видети, а человек бяше не видети, бяхут бо лодье покрыты досками, бяхут бо борци стояще горе во бронях и стреляюще, а кормника два беста, един на корме, а другый на носе...»

Замечательная гродненская находка не осталась одинокой. Такая же шахматная ладья, но костяная, была найдена в слоях XI—XII вв. при раскопках Волковыска. По мнению В. П. Даркевича, исследовавшего волковыскую ладью, ее мог изготовить тот же мастер, который делал каменную ладью: настолько совпадает она по деталям и манере исполнения с гродненской скульптурой. Но в волковыской ладье лучше сохранились воины, помещенные у щитов по бортам, и даже отчетливо видны черты лица и волосы, ниспадающие из-под плоских шапок. Эта ладья была одной из костяных фигур искусно вырезанного шахматного набора. Гродненская и волковыская шахматные находки говорят о том, что шахматный термин «ладья» прочно утвердился уже в XI—XII вв.

Кони. Кость
1 — XIII в. Новгород, 2 — конец XI в. Южная Италия

Пешка (вид с трех сторон). Кость. XII в. Волковыск

Слон. Как уже отмечалось, шахматная фигура, найденная в Белой Веже, датируется началом XI в. и является скульптурой восточного происхождения Однако сохранение термина (прямой перевод с восточных языков) и дошедшие до наших дней изображения слонов, сделанные древнерусскими живописцами, показывают, что это экзотическое животное было хорошо знакомо русским людям и, по всей вероятности, искусно копировалось ремесленниками с восточных образцов при изготовлении шахматных наборов.

Конь. Костяная скульптура шахматного коня XIII в., найденная при раскопках Новгорода, выполнена в реалистической манере. Четко выточены голова, грива, передние ноги, седло. Фигурка укреплена на продолговатой подставке (4,5×2,3 см) Высота коня — 3,4 см По своей ценности это произведение прикладного ремесла может быть поставлено в один ряд с другими изобразительными находками Кстати, оно еще раз свидетельствует о том, что в древнерусских шахматах фигурировал конь, а не всадник, как это было на Западе.

Пешка обнаружена при раскопках Волковыска вблизи ладьи (XII в.). Изображает барабанщика, подающего сигнал о начале сражения, он одет в рубаху, на голове — шапка, через плечо висят «бубны» (барабан), в правой руке

Скандинавские шахматы. Кость. Ок. 1200 г., остров Льюиса (Британский музей. Лондон)

В центре король, королева (ферзь), по обе стороны — епископы (слоны), далее — всадники (кони), пешие рыцари (ладьи): впереди — абстрактные фигуры пешек

«вощага» для ударов по ним. Барабанщик похож на воинов, вырезанных на ладье. Высота пешки — 2,5 см. Эта пока что единственная дошедшая до нас изобразительная пешка древнерусских шахмат показывает, что под термином «пешка» подразумевались вовсе не шашки, как предполагали некоторые исследователи, а пешие воины княжеских дружин.

О многом говорят сегодня эти шахматные фигуры историку, изучающему культуру и быт Древней Руси. Прежде всего, являясь реалистическими произведениями прикладного искусства, они расширяют наши представления о древней эпохе. Ведь изображенные на них тип судна, оружие, форма одежды, головной убор и даже прическа позволяют восстановить такие исторические реалии, которые трудно или невозможно проследить по другим археологическим памятникам.

Соответствуя древнерусской терминологии, находки еще раз доказывают, что шахматы пришли на Русь с Востока, а не с Запада, где значительно отличавшаяся от древнерусской шахматная терминология дала жизнь совсем другим изобразительным фигурам. Большой интерес для такого сравнения представляет, например, уникаль-

ная находка на одном из Гебридских островов (остров Льюиса, 1831 г.) 78 фигур изобразительных шахмат XII в. скандинавского происхождения (среди них только пешки были абстрактными). Король в этих наборах, как и в древнерусских шахматах, был изображен с оружием в руках. Зато другие фигуры не похожи на русские шахматы: вместо ферзя здесь королева, слона заменил епископ, а взамен рухов (ладей) действовали защищенные щитами пешие рыцари, которых викинги ставили во время сражений на флангах. Трудно перебросить мосты заимствования, взаимовлияния между этими и древнерусскими шахматами. И те и другие хорошо отражают национальное своеобразие, которое получили шахматы как на Руси, так и в Скандинавии.

В свое время шахматные фигурки терялись случайно. Зато сегодняшние их находки закономерны. Будучи раскопанными во многих древнерусских городах — Белой Веже, Рязани, Бресте, Гродно, Волковыске, Новгороде — они являются еще одним подтверждением распространения шахмат в Киевской Руси. Вместе с тем эти находки — результат все расширяющегося фронта советских археологических работ, все более глубокого познания истории Древней Руси. Еще немногим более четверти века назад мы не имели никакого представления об изобразительных шахматах Руси XI—XIII вв. Десять лет назад в нашем распоряжении было пять находок, которые давали возможность увидеть почти все ранги шахматного войска, за исключением короля и ферзя. Сегодня мы уже можем представить весь шахматный комплект «с личиками» — изобразительный тип древнерусских шахмат.

ЗАПРЕТАМ ВОПРЕКИ

ПО КАНОНАМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Шахматы были широко распространены на Руси уже в XI—XII вв. Это бесспорно доказано археологическими находками. Почему же в таком случае об игре ни слова не говорится ни в летописях, ни в других ранних литературных памятниках? Почему первое упоминание о ней встречается в литературе лишь в XIII столетии, да и оно носит негативный характер? Почему, наконец, с тех пор и до XVII в. шахматная жизнь нашла столь слабое отражение в дошедших до нас письменных источниках?

Объяснить это, по всей вероятности, можно следующим. Летописи составлялись, как правило, монахами. А они-то, живя затворниками в кельях монастырских, может быть, сами и поддавались шахматному «соблазну», но, конечно, не могли ни слова написать о распространении шахмат среди народа, так как против шахмат в то время на Руси рьяно выступала церковь. Шахматы были запрещены ею наравне с игрой в кости и другими «бесовскими наваждениями».

Чем же была вызвана такая немилость к шахматам со стороны церковников? Прежде всего влиянием Византии. Такой ответ может показаться странным, если учесть, что Византии Киевская Русь многим обязана в развитии культуры. Известно, что после принятия христианства при Владимире Святославиче (X в.) на Русь хлынул поток византийской литературы. Сюда устремились византийские церковники, а также зодчие, ремесленники, художники, певцы, музыканты. Иначе говоря, крещение Руси имело не только социальные и политические последствия, но и способствовало развитию письменности, образования, зодчества.

Все это справедливо. Но изучение русско-византийских связей привело к тому, что некоторые историки начали преувеличивать влияние греческой культуры на русскую.

Это коснулось и вопросов проникновения шахмат на Русь. Еще И. Е. Забелин высказал предположение о том, что шахматы были принесены восточным славянам византийскими христианами[1]. Такой же точки зрения придерживался историк шахмат С. А. Сорокин. Однако уже в начале нынешнего века И. Т. Савенков доказал ошибочность этого взгляда. Византийское духовенство не могло экспортировать то, против чего боролось (и довольно успешно) у себя на родине. Далее, сравнение византийской шахматной терминологии с русской также подтверждает, что не оттуда пришла игра на Русь. Шахматы, проникнув в Византию, напоминали цветок, который попал на неблагоприятную почву и вскоре завял, так и не успев расцвести.

По мнению современного исследователя быта и культуры византийцев профессора Афинского университета Ф. Кокулеса, они узнали игру от народов Востока — персов и арабов. От персидско-арабского шатранга (шатранджа) произошли все бытовавшие в то время у византийцев названия игры: затрикион, сантраз и затризан. Впервые упоминаются шахматы Ахметом в его «Истолкователе снов» (IX в.), а вскоре патриархом Германом в произведении под тем же названием. Но в том же столетии было выражено отрицательное отношение к шахматам в сборнике канонических правил Номоканоне, составленном патриархом Фотием. Патриарх приравнял шахматы к играм в метательные кости, которые были запрещены еще шестым Вселенским собором в Константинополе под страхом отлучения от церкви.

Постановление этого собора служило потом основным козырем в борьбе с шахматами не только у священнослужителей Византии. На него ссылалась и Римская церковь, также проявившая на первых порах нетерпимость к восточной игре. В древнейшем итальянском документе о шахматах — письме кардинала Дамиани (1061) содержатся ссылки на канонические запрещения игры в кости. Этот любопытный документ начинается словами: «Я останавливаю свое перо, ибо краснею от стыда, что должен упоминать о еще более презренных видах баловства, нежели охота и ловля птиц, а именно о страсти к играм в

---

[1] *И. Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. ч. II. М., 1915, стр. 241—247.

кости и шахматы...» И далее автор письма ссылается на шахматные увлечения почтенного епископа Флоренции. На упреки и доводы Дамиани тот отвечал: «Иное шахматы, а иное кости. Власть отвергает кости, о шахматах же умалчивает и тем самым их разрешает». «На это,— пишет кардинал,— я возразил: о шахматах в том послании (каноническом.— *И. Л.*) ничего не сказано, но оба вида игры подразумевает оно под именем костей. Итак, если игра в кости запрещается, а о шахматах не сказано прямо, то не подлежит сомнению, что оба вида игры охватываются одним и тем же словом и оба осуждены одним и тем же постановлением власти».

Такова была софистика средневековой церкви, яростно нападавшей на шахматы как на востоке, так и на западе Европы. Правда, в конце XIV столетия Регенсбургский католический собор официально снял запрещение на шахматы. Игра была признана необходимым элементом рыцарского воспитания.

Больше преуспело в своей антишахматной деятельности византийское духовенство. Оно опиралось при этом на комментарии к канонам восточной церкви монаха Зонары (ум. в 1118 г.), который еще в бытность свою начальником стражи императора Алексея I Комнина не мог смириться с его увлечением шахматами (кстати, о пристрастии императора к этой игре хорошо известно по «Алексиаде», принадлежащей перу его дочери, Анны Комнины). В полном соответствии с аскетическим толкованием Зонары шахматы были запрещены Вселенским собором в Вальсамоне (XII в.).

В конце того же века эти постановления и толкования стали известны на Руси. Они вошли в Кормчие книги, как стали называться переведенные на русский язык и подвергшиеся переработке Номоканоны. Ими на протяжении нескольких столетий руководствовалось русское духовенство. Игра была осуждена как для лиц духовного звания, так и для мирян. Вот как выглядело это запрещение в Кормчей 1262 г.: «Епископом и клириком всем утешение всех и добродетели быти подобает и первообразное и раздражение благодеянию; понеже и от сих есть неким уклонятися от доброго, или шахматы или зернию играть или упиватися, повелевает правило престати, или отлучатися таковым, или убо епископом и презвитором и диаконом и поддиаконом же и чтецем и певцем; и аще не престанут,

изверзатися; не убо и мирским человекам шахмати и пианстве упражняющеся, отлучатися»[2].

В дальнейшем во всех русских церковных произведениях, как и в византийских источниках, шахматы фигурируют рядом с игрой в кости. Характерен в этом плане также другой документ конца XIII в.— «Святительское поучение новопоставленному священнику», включенное в Новгородскую Кормчую и известное впоследствии по многим более поздним спискам. В нем, наряду с требованием не читать запрещенных книг, не пользоваться заговорами, чарами, приметами, не смотреть конских скачек, предписывается не иметь шахмат и игральных костей: «Ни почитай возбраненных книг, или доселе чему научился еси, неведомые словеса, чары и лечьбы, коби или игры, дивы творя баснии звягомых, леки и шахматы имети да ся останеши, ни коньнаго уристания не зри»[3].

За игру в шахматы устанавливалось для священнослужителей даже такое строгое наказание, как лишение сана. В Паисиевском сборнике (конец XIV — начало XV в.) прямо говорилось: «Аще кто от клирик или калугер, или епископ, или прозвитер, или диакон играеть шахматы или леки, да извержӗться сана. Аще дьяк или простець да примуть епитемью 2 лета 10 хлебе и 10 воде... а поклона на день 200, понеже игра та от беззаконных халдей, жрець бо идольскии тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельщенье сатанино»[4].

Враждебное отношение церкви к играм делает понятным, почему на протяжении XIII—XV вв. так редко в русской литературе упоминается о шахматах. Логическим завершением сопоставления шахмат и костей явилось превращение первых, по крайней мере в представлении церковников, в самую сильную по своему воздействию «игру в кости». Одна из старинных русских рукописей так и озаглавлена: «Еже кто не помышляше грех быти во играх шахмотных и протчих костарных играх».

Однако не следует преувеличивать роль всех этих запрещений, церковных назиданий и увещеваний. Кормчие

---

[2] *Г. А. Розенкампф.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. Изд. 2. СПб., 1839, стр. 44.

[3] «Памятники древнерусского канонического права».— «Русская историческая библиотека», т. VI, ч. 1. СПб., 1880, стр. 104—105.

[4] *С. Смирнов.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, № XXI, стр. 136

книги оказались не в силах убить в народе интерес и любовь к игре, которая уже много веков культивировалась в стране и успела завоевать стольких приверженцев, стать частью русской культуры.

Если негативная роль церкви в развитии шахматной культуры на Руси бесспорна, то менее отчетливо выражено значение другого исторического фактора в рассматриваемый период — татаро-монгольского нашествия. Во всяком случае малооправданны утверждения, что эти пришельцы сыграли прогрессивную роль в истории шахмат в нашей стране.

...Трудному испытанию подверглась Русь в XIII столетии. Разобщенные в результате феодальной раздробленности русские княжества не смогли противостоять монгольскому нашествию. Пали Старая Рязань, Владимир, Киев. В руины превратились многие города и села. Долгие годы иго завоевателей, по выражению К. Маркса, оскорбляло и иссушало самую душу народа.

В борьбе с захватчиками усилилось стремление народа к единству, к созданию объединенного централизованного государства. Появились новые хозяйственные и культурные центры — Москва и Тверь. Сохранили свое значение старые города — Новгород и Псков. В XIV и XV вв. наблюдается новый подъем в развитии градостроительства и ремесел, исторической и художественной литературы, былинного эпоса, пронизанного идеей борьбы с татарщиной. А. С. Пушкин, касаясь вопроса влияния татар на развитие русской культуры, писал, что решительно ничего нового они не принесли на Русь: «Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Напомним, что мавры, т. е. арабы, завоевавшие Испанию, «подарили» Западной Европе и шахматы.

Оказали ли татары какое-либо влияние на шахматную культуру Руси? На протяжении более ста лет в отечественной и западной литературе дискутировался вопрос: принесли ли шахматы на Русь татары или эта область культуры была известна здесь задолго до монгольского нашествия. В начале 40-х годов XIX в. К. А. Яниш высказал предположение, что, «будучи совершенно отрезанными от остальной Европы в течение нескольких столетий, со времени покорения монголами (и даже столетием раньше) до Петра Великого, русские могли научиться шахматам

только от своих победителей, которые сами научились игре от персов».

Правда, доводов в пользу такой гипотезы у ее автора было немного, ибо его филологические исследования русских терминов подтверждали скорее их индо-персидское происхождение. Поэтому для придания веса своему утверждению Яниш в примечании добавил: «Монголы, как и все восточные народы, усердно занимались шахматами. Известно, что знаменитый Тамерлан был очень искусным в этой игре».

Теми же соображениями руководствовался историк и археолог А. В. Терещенко. «...Должно думать,— писал он о шахматной игре,— что она перешла к нам от татар, кои, без сомнения, переняли ее от восточных жителей... При исследовании мною Сарая я находил шахматные шашки из пальмового дерева»[5]. Итак, довод опять тот же — татары играли в шахматы. Этот взгляд удержался в русской и западной шахматно-исторической литературе почти до конца прошлого века. С. А. Сорокин, И. Т. Савенков и Д. И. Саргин резко выступили против «татарской» теории проникновения шахмат в Россию, основываясь на русской терминологии, а также на общеисторических фактах и соображениях. Наконец, уже в 30-х годах советский историк М. С. Коган снова пытался оживить обветшалую татаро-монгольскую гипотезу. Его аргументы сводились к следующему: русские князья, общаясь с Золотой Ордой, могли познакомиться с шахматной игрой; татары в свою очередь имели возможность передать русским позаимствованную ими ирано-арабскую терминологию; наконец, первое письменное свидетельство о шахматах на Руси встречается в историческом памятнике второй половины XIII в. Отсюда им был сделан вывод, что «шахматная игра делается знакомой русским в промежуток времени с конца XII в. до второй половины XIII в., т. е. как раз в тот период времени, когда произошло монголо-татарское нашествие»[6].

Гипотеза о принесении шахмат на Русь татаро-монголами убедительнее всего опровергается сегодня археоло-

---

[5] *А. Терещенко.* Быт русского народа, ч. IV. СПб., 1848, стр. 78.
[6] *М. С. Коган.* Очерки по истории шахмат в СССР. М., 1938, стр. 11—13.

гическими открытиями. Не дает оснований для таких предположений и изучение истории шахмат у татаро-монголов. Судя по правилам и особенностям терминологии, игра проникла в Монголию на стадии шатранга. Отсюда, как уже отмечалось, близкое к нему название монгольских шахмат — шатар. Все остальные термины (кроме термина «конь») изменились в полном соответствии с особенностями кочевого быта монголов и сохранились с древних времен до сегодняшнего дня: король — ноен (господин), ферзь — бэрс (по звуковой ассоциации с возникновением нового значения термина — тигр), ладья — тэрэг (повозка), слон — заан, тэмээн (верблюд), конь — морь (лошадь), пешка — хуу (сын, дитя, щенок). И сейчас еще можно увидеть в московском Музее восточных культур шахматы монголов, где все фигуры изображены в соответствии с этими названиями.

После завоевания монголо-татарами в середине XIII в. Юго-Восточной Европы на огромной территории степей и Поволжья образовалось государство, называвшееся русскими Золотой Ордой. В жизни и культуре осевших татар (так в летописях именовались монгольские пришельцы) стало преобладать влияние тюркских элементов, и менее чем за столетие произошло отюречивание завоевателей. На развитие культуры и искусства Золотой Орды, особенно главных городов — Сарай Баты, Сарай Берке в Нижнем Поволжье,— большое влияние оказал Хорезм со столицей Ургенчем. Вот почему и в шахматах у татар возобладали новые традиции, к ним пришли новые термины — среднеазиатские. Произошло это не раньше конца XIII — начала XIV в., в то время как первое упоминание шахмат в русской литературе относится к середине XIII в. Так отпадает главный довод сторонников гипотезы о татаро-монгольском заимствовании.

Малосостоятелен аргумент и о первоначальном знакомстве русских с шахматами во время приезда князей в ставку Золотой Орды. Ведь это были не увеселительные путешествия, а унизительные поездки ради получения ярлыка на княжение. Если бы князья только здесь узнали о шахматах, то до выработки терминологии и распространения шахмат на Руси среди различных слоев населения могло пройти много десятилетий, а то и столетия. А это не вяжется даже с теми немногочисленными письменными свидетельствами, которые дошли до нас.

Но, может быть, приведенные выше аргументы правильны для доказательства более позднего влияния татар на шахматы в России? Ведь продолжал же Мэррей, уже после того как согласился с Савенковым о домонгольском проникновении шахмат в Россию, утверждать: «Но вполне вероятно, а я полагаю, что наверняка, шахматы этих народов (татаро-монголов.— *И Л.*) позднее наложили свой отпечаток на русскую игру» [7].

Однако ни в русской литературе XIII—XV вв., ни в раскопках мы не находим следов такого влияния. Можно лишь предположить, что было какое-то, пусть незначительное, влияние на шахматную игру в районах, находившихся вблизи Золотой Орды. Вряд ли в других русских землях, где, подобно лютой саранче, пронеслись, сея огонь и смерть, татарские полчища и где потом хозяйничали ненавистные народу сборщики дани — баскаки, происходили частые состязания с врагом за шахматной доской. «О, злее зла честь татарская!» — вот настроение народа, переданное в возгласе русского летописца.

Татаро-монгольское нашествие в XIII в., принеся с собой огромные разрушения и двухвековой гнет, не могло, таким образом, оказать благоприятного влияния на развитие какой-либо области культуры и, в частности, шахмат. В то же время под непосредственным византийским влиянием непримиримым врагом шахматной игры становится церковь. Однако проклятия и запреты религиозных поучений не смогли вытравить любовь к шахматам, успевшим уже пустить глубокие корни в народе. Об этом с несомненностью свидетельствуют многочисленные археологические находки шахмат.

ШАХМАТЫ ГОСПОДИНА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Археологические находки древнерусских шахмат, относящиеся к XIII—XV вв., интересны во многих отношениях. И тем, что они обнаружены в ряде древнерусских городов, и тем, что совершенствовалось мастерство ремесленников в их изготовлении, и тем, наконец, что на Руси бытовали разные виды абстрактных шахмат. Большая часть фигур носит самобытный характер, независимо

[7] *H. Murray.* A history of chess. Oxford, 1913, p. 379.

от того, сохранили они восточную символику или приобрели форму, в определенной мере близкую к современным шахматам.

Карта шахматных находок этой эпохи пока что не столь выразительна, как периода Киевской Руси. Но есть и свои примечательные особенности. Они касаются как территории раскопок, так и типологии шахмат. И самая важная из них — огромное число шахматных фигур, найденных в разных культурных слоях древнего Новгорода и относящихся преимущественно к XIII—XV вв.

Среди древнерусских городов Новгород занимает особое место. Он возник в X в. на реке Волхове и наряду с Киевом стал важнейшим центром Руси. В XIV—XV вв. это один из крупных европейских городов с 50-тысячным населением. Новгород был, пожалуй, единственным большим городом, который оставался фактически независимым в период тяжелого монголо-татарского ига. В отличие от других русских феодальных центров, здесь установилась аристократическая республика, управляемая боярами и купцами.

Главным занятием новгородцев были ремесла и торговля. Через Новгород проходили основные торговые пути Древней Руси. Его не могли миновать купцы, направляющиеся с севера на юг — «из варяг в греки». Отсюда шла прямая дорога на восток — в Среднюю Азию, Индию. Новгород торговал с городами Ганзейского союза, со Швецией, Англией, Францией и другими западноевропейскими государствами. По всему миру разнеслась слава Господина Великого Новгорода.

Раскопки древнего Новгорода начались еще до Отечественной войны под руководством А. В. Арциховского. В послевоенные годы работы возобновились. В 1947 г. на Ярославовом дворище удалось найти две костяные шахматные фигуры, датированные XIII—XIV вв.[8] Они обнаружены на вечевом дворе, в районе предполагаемой вечевой избы.

После того как раскопки на Славне и Ярославовом дворище были завершены, экспедиция Института археологии Академии наук СССР и МГУ обратила основное вни-

---

[8] *А. В. Арциховский.* Новгородская экспедиция.— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР», 1949, вып. XXVII, стр. 118, рис. 44а.

мание на район улиц Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской. Они были частью большого района города, называвшегося Неревским концом. За 12 лет — с 1951 по 1962 г. здесь было вскрыто в слоях X—XV вв. около 500 жилых домов. Обилие археологических находок позволило изучить хозяйство, быт, культуру и технику Великого Новгорода.

Успеху раскопок сопутствовало своеобразное «археологическое счастье»: в сырой почве Новгорода хорошо сохранились обычно бесследно исчезающие органические вещества — ткани, плоды, деревянные изделия. На Неревском раскопе только за 12 полевых сезонов собрано более 20 тысяч деревянных предметов, в том числе более 50 шахматных фигур. Следовательно, шахматы изготовлялись новгородцами большей частью из дерева, особенно когда они предназначались для местного употребления. Это выглядит вполне естественным, если учесть, что новгородская земля была богата лесом и техника обработки дерева достигла высокого уровня.

Здесь нельзя не упомянуть и о таких сенсационных археологических находках в Новгороде, как берестяные грамоты. Их найдено уже около 500 в слоях XI—XV вв. То были не официальные акты или документы, а живая переписка новгородцев в их повседневном быту. На свитках из березовой коры писали бояре и купцы, крестьяне и ремесленники, взрослые и дети. Тут и жалоба крестьян своему господину на их бедность и отсутствие коней («Цолобитье от Кощея и от половников. У кого коне, а те худе, а у иных нет. Как, осподине, жалуешь хрестьян? А рожь, осподине, велишь мне молотите, как укажешь»; грамота № 242, XV в.), и первые шаги по овладению грамотой мальчика Онфима («Поклон от Онфима к Даниле»; грамота № 199, XIV в.), и письма боярина Онцифора Лукинича (середина XIV в.), и многие другие берестяные тексты, пролившие свет на самые различные стороны жизни древних новгородцев. Сохранилось даже любовное письмо некоего Игната Моисеева Ульяне, которой он предлагает выйти за него замуж: «От Микити ко Улиааниц. Пойди за мьне. Яз тьбе хоцю, а ты мене. А на то послух Игнат Моисиев...» (грамота № 377, середина XIII в.)[9].

Но если берестяные грамоты, можно сказать, перевер-

---

[9] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 45.

нули представление ученых о грамотности древнерусского населения, то столь же неожиданной и ошеломляющей явилась многочисленность находок шахмат, подчеркнувшая еще один характерный штрих в жизни и культуре новгородцев. И число этих находок, как и берестяных грамот, возрастает из года в год. К концу полевого сезона 1962 г. насчитывалось уже 67 шахматных фигур XII—XV вв. от 41 комплекта. А после 1970 г. число шахматных находок на Неревском и Ильинском раскопах превысило 100 экземпляров[10]. Фигурки сделаны из дерева, кости и камня. Как правило, находились одна-две фигуры. Изредка попадалось по пять-шесть фигур. Самым значительным скоплением явился набор из 11 деревянных фигур (треть шахматного комплекта), найденный в доме XIV в.

В этой связи следует сказать еще об одной особенности археологических находок Новгорода: они отличаются необычайной точностью датировки. Дело в том, что новгородцы застилали улицы деревянными мостовыми, причем новые мостовые накладывались прямо поверх старых. Так, в месте раскопок Великой улицы вскрыли 32 настила мостовых, лежащих один над другим. Определение времени рубки того или иного дерева по годичным кольцам древесины позволяет установить время существования настилов, а известные по письменным источникам календарные хронологические даты смены мостовых помогли восстановить историю застройки данного района древнего Новгорода, определить время бытования огромного числа археологических находок, в частности шахматных фигур.

Шахматы встречаются во всех хронологических слоях начиная с XI в. Интересно «распределение» находок по векам. На Неревском раскопе с 1951 по 1960 г. оно выглядело следующим образом: XII в. датируются 2 фигуры — слон и конь; к XIII в. относятся 11 фигур (4 костяных и 7 деревянных) из 10 комплектов; с XIV в. сохранилось наибольшее число фигур — 29 из 14 комплектов, в том числе 3 костяные и 26 деревянных; от XV в. дошло 16 фигур из 10 комплектов, в их числе 5 костяных, 10 деревянных и 1 каменная.

---

[10] *Б. А. Колчин.* Новгородские древности. Резное дерево.— «Археология СССР. Свод археологических источников. EI-55». М., 1971, стр. 52.

Число находок шахматных фигур возрастает с каждым новым культурным слоем. Так, в слое 70—80-х годов XIII в. шахматы найдены на территории трех усадеб, столетие же спустя, в 50—70-х годах XIV в., они обнаружены уже в пяти домовладениях, а в начале XV в. — почти в каждой из 10 раскопанных усадеб

Широк круг лиц, игравших в шахматы. То были ремесленники, купцы, бояре, холопы и служители культа. Набор в 11 фигур, о котором упоминалось выше, был найден на территории усадьбы крупных землевладельцев — бояр. Во второй половине XIV — начале XV в. здесь жил посадник Юрий Онцифорович. Его отец был новгородским боярином (кстати, с этой посадничьей семьей связано 26 берестяных грамот, найденных при раскопках). Но сохранившиеся шахматы — деревянные, простой выделки. Поэтому можно предположить, что в них играл не сам боярин, а его дети или челядь.

В новгородской археологической коллекции представлены все типы шахматных фигур, встречающиеся при раскопках древнерусских городов XII—XV вв. При этом следует особо подчеркнуть, что здесь оказалась наиболее долговечной на Руси восточная традиция в изготовлении шахмат. Но она получила при этом своеобразное преломление в изделиях ремесленников, в трактовке различных элементов фигур новгородцами, нередко мастерившими их вручную.

Поэтому правильнее говорить в данном случае не об арабском типе, а о новгородской модификации восточной символики шахмат.

В новгородской археологической коллекции представлены все шахматные фигуры: короли, ферзи, ладьи, слоны, кони и пешки. Их легко отличить друг от друга, за исключением, может быть, королей и ферзей, у которых между собой много общего.

Король и **ферзь** выделяются среди других фигур формой и размерами. Естественно, самые крупные фигуры — короли. По сравнению с сегодняшними шахматами их размеры невелики. В комплекте современных турнирных шахмат (staунтоновского типа) высота короля 11—12 см, а в новгородских обычно не превышает 3,5 см. Фигура же в 5,1 см выглядит гигантом. По-видимому, этот грубо сделанный король — дело рук не мастера-ремесленника, а любителя.

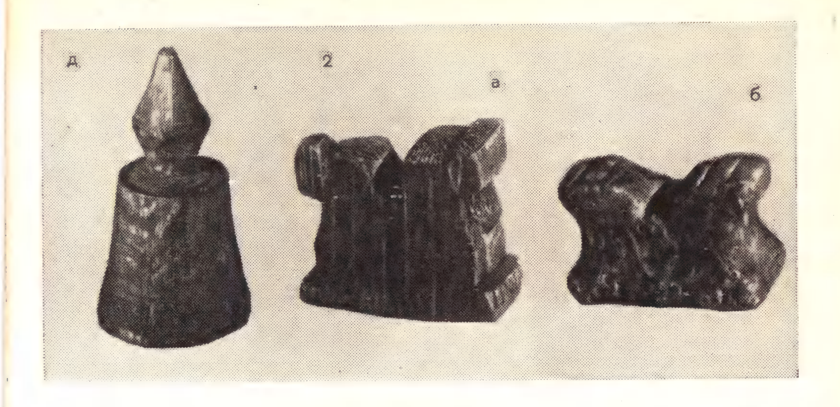
Шахматные фигуры. Новгород

1 — короли и ферзи; дерево: *а* — начало XIV в., *б* — 20—30-е годы XIV в., *в* — середина XIV в., *г* — конец XIV в., *д* — начало XV в.;
2 — ладьи: *а* — дерево, конец XIV в., *б* — камень, 20-е годы XV в.

Фигуры XIII в. имеют, как правило, цилиндрическую форму и закругленные головки, а фигуры позднейшего времени — вид усеченного конуса с головками наподобие шатра. Тем самым в типе этой фигуры можно усмотреть постепенный отход от классической восточной символики королей и ферзей с их характерными передними полусферическими выступами. Те же редкие новгородские экземпляры, которые в целом сохранили эту форму, своим художественным орнаментом и материалом (дерево) сразу указывают на то, что они местного производства.

Пока мы еще четко не можем указать на все признаки, отличающие королей и ферзей. Скорее всего, они имели разные размеры. Большей частью короли и ферзи изготовлялись с гладкой поверхностью по описанной выше схеме. Но встречаются экземпляры со сложным орнаментом.

Ладья Эталоном служила утвердившаяся в раннем средневековье восточная традиция этой фигуры с двумя характерными верхними выступами и прямоугольником в основании. Размер ладей невелик: высота — 2—3, длина в нижнем основании — 3,5, ширина — 1,7 см. В деревянном комплекте конца XIV в. ее высота — 3, длина в нижнем основании — 3,5, ширина — 1,7 см. Размеры каменной ладьи начала XV в.: высота — 2,3, длина — 3,5, ширина — 1,8 см.

И в трактовке этой фигуры новгородцы проявили немало разнообразия. Встречаются ладьи, основанием которых служат призма или цилиндр, а боковые выступы имеют различные стилизованные формы. Наконец, есть среди находок экземпляр, над изготовлением которого любитель шахмат недолго мудрствовал, зато, пожалуй, эта фигура наиболее отвечала своему названию: срез верхней части сделан так, что она напоминает обыкновенную лодку. Интересно, что новгородская находка по форме полностью совпадает с минской ладьей XII—XIII вв.

Следует также подчеркнуть, что в стилизованных и упрощенных схемах наблюдается отход от восточной традиции, вносятся новые, самобытные черты, что дает основание говорить о появлении новгородской символики шахматных фигур.

Слон. Наиболее часто (наряду с конями и пешками) встречается среди находок шахмат. Так, в числе первых 58 фигур было 13 слонов (столько же пешек и 11 коней), в том числе 4 костяных и 9 деревянных. Высота их в среднем 2,2—2,5 см. У слонов оба выступа имеют округленные или овальные формы и представляют собой как бы прикрепленные к туловищу две небольшие круглые палочки (с утолщением кверху). Некоторые различия между фигурами можно обнаружить лишь в их верхней части, в форме двойных выступов. У отдельных экземпляров они напоминают гривки. Одна из находок частично украшена резьбой. Высота ее — 4, диаметр — 2,4 см.

Конь. Размеры и формы фигур, как правило, совпадают со слонами, за исключением того, что вместо округленных

двух палочек здесь к туловищу крепится один выступ с прямыми очертаниями.

Сравнение слонов и коней с аналогичными восточными и европейскими фигурами, имеющимися в коллекциях музеев других стран, убеждает в том, что они не претерпели существенных изменений начиная с IX—X столетий и потому могут рассматриваться как типичные для средневековья. Однако в одной из них — фигуре коня — наметилась эволюция в сторону изобразительности. Впрочем, это происходило со всеми типами абстрактных шахмат XV—XVI вв. как на Руси, так и на Западе. Во всяком случае находка новгородского коня в слое начала XV в. с изображением морды на длинной шее с двумя торчащими ушами напоминает уже современную фигуру коня. Ее высота — 4,2, диаметр круглого основания — 1,8 см. Это — одна из первых в Европе находок такого образца, ибо в изобразительных наборах, как русских так и западноевропейских, фигура воспроизводила, как правило, целого коня (на Западе вместе с всадником).

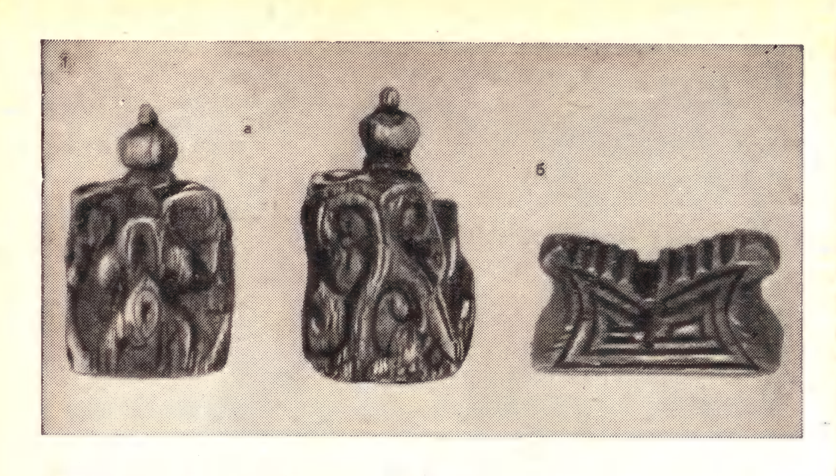
Пешка напоминает маленький усеченный конус. Высота в среднем — 1,6—2, диаметр нижнего основания — 1,2—1,5, верхнего основания — 0,8—0,11 см. В последние годы среди деревянных пешек были и находки другой конфигурации, с полусферическим верхом, цилиндрической формы с острым верхним краем, образуемым несколькими гранями-срезами, напоминающими очиненный карандаш, и другие.

На верхних плоскостях отдельных пешек, а также слонов и коней обращает на себя внимание очень своеобразный орнамент: по краям три маленьких кружка с точкой посредине. Такой рисунок встречается на многих, но далеко не на всех фигурах. Интересно, что по традиции подобный «условный знак» сохранился и на фигурах XVI—XVII вв., найденных на острове Фаддея, и даже в изобразительных фигурах того же периода, обнаруженных при раскопках в московском Зарядье.

Этот орнамент можно увидеть и на некоторых фигурах, хранящихся в музеях западных стран. Для чего нужны были такие кружки с точками? Этот вопрос остается до сих пор невыясненным. Некоторые исследователи полагают, что они символически изображали глаза или пасть животных. В дальнейшем кружки, конечно, потеряли свой смысл. Живучесть традиции объясняется, возможно,

Шахматные фигуры. Дерево, кость. XIII—XV вв. Новгород
1 — слоны, 2 — кони

Шахматные фигуры. Дерево. Новгород

1 — орнаментированные: *а* — король (вид с двух сторон), конец XIV в., *б* — ладья, середина XIV в.; *2* — стилизованные ладьи

другим: орнамент в виде кружочков с точками мог быть использован для того, чтобы отличить фигуры соперников, так как в то время шахматы еще не окрашивались в два цвета.

Вместе с тем в последние годы при археологических раскопках обнаружены фигуры, в которых отчетливо проступает своеобразие отдельных шахматных комплектов, изготовлявшихся в Новгороде. Как известно, древнерусские деревянные изделия нередко украшались разнообразным орнаментом, в частности в виде вьющихся растительных побегов. Поэтому следовало ожидать, что и в новгородских шахматах появится этот растительный орнамент наряду с типично славянскими геометрическими узорами в виде треугольников и ромбиков и с характерным линейным рисунком. Ныне археологи все чаще находят такие фигуры. Здесь следует особо отметить упоминавшуюся фигуру короля, с ветчатым орнаментом, выполненным в глубоком рельефе, а также другие фигуры — короля XIV в. с боковой поверхностью из резных треугольников и слона XIII в., украшенного художественной резьбой в виде ромбов и треугольников. В 1972 г. среди шести фигур, найденных в Новгороде на Кировском раскопе, оказались три ладьи с линейным орнаментом. Следует подчеркнуть,

что гладкая поверхность, которой было достаточно много у фигур восточной символики, открывала простор для творческой фантазии художника-ремесленника и на Руси использовалась совсем иначе, чем в западных странах, где изображались сцены современной жизни или из мифологии.

Дерево как материал для изготовления шахмат и его ручная обработка предопределили, на наш взгляд, необычайную устойчивость в Новгороде сравнительно простых форм шахматных фигур восточной символики, ее своеобразную интерпретацию. Изучение новгородских шахмат восточного типа представляет несомненный интерес для истории игры не только Руси, но и стран Запада и Востока, где археологические собрания средневековых фигур сравнительно малочисленны.

НА СТАНКЕ ТОЧЕНЫЕ

Издавна на Руси среди костяных шахматных фигур различали так называемые резные, т. е. сделанные от руки, и точеные на станке. В рассматриваемое время, наряду с новгородскими шахматами ручной выделки, оказывается широко представленной в результате раскопок древнерусских городов другая форма фигур, изготовлявшаяся с помощью наиболее совершенных в то время методов косторезного ремесла.

Костяные шахматы второй половины XIII в. и особенно XIV—XV вв., обработанные на токарном станке, имеют, как правило, новые очертания. Зарождение этого типа в Древней Руси, как уже отмечалось, падает на XII — начало XIII в.; в последующие два-три столетия он утвердился как основной тип шахмат. Иначе говоря, в костяных изделиях всюду, за исключением Новгорода, восточная символика при изготовлении шахмат была к XV в. в значительной мере утрачена. Возможно, она удержалась дольше при изготовлении деревянных шахмат, но этих изделий почти не сохранилось. Пока что можно лишь логически прийти к такому заключению на основании новгородских шахмат, где форма деревянных фигур оказала влияние и на сохранение традиции при изготовлении костяных шахмат. Что же касается ряда костяных фигур нового типа, обнаруженных, например, на Готском дворе, то, скорее всего, они являются привозными. Тем не менее они тоже были хорошо знакомы новгородцам, которые и сами стали изготавливать комплекты с многоярусными фигурами, привнося в них свои традиции токарной обработки кости.

Если в культурных слоях XII—XIII вв. археологам посчастливилось найти пока что пять фигур ладьи и слона, обработанных на токарном станке, то на конец XIII и XIV—XV вв. приходится уже более десятка находок новой конфигурации. Благодаря замечательным открытиям советских археологов, особенно на Готском раскопе Новгорода, а также в древнем Полоцке, Новогрудке и литовской крепости Тракай, в последнее время появились новые материалы, позволяющие уже вполне доказательно рассматривать характерные признаки фигур этого типа шахмат.

Смоленск. Один из древнейших русских городов, расположен на торговых путях и, подобно Новгороду и соседнему Полоцку, сыграл важную роль в истории Руси. Во время раскопок (1953—1956 гг., Д. А. Авдусин) на месте ремесленно-торговой части древнего посада оказалось много изделий косторезов, в том числе искусно выточенный на токарном станке шахматный король. Шахматы были найдены также при раскопках 1966 г. в строительных ярусах XII—XIV вв.

Торопец. Этот укрепленный город на острове, омываемый незамерзающей рекой Торопой, входил в Смоленское княжество. При раскопках Торопецкого городища (1958 г., Я. В. Станкевич) в слое XIII в. обнаружены две костяные шахматные фигурки. Одна из них сохранилась плохо, зато другая, аккуратно выточенная пешка, представляет интерес для изучения абстрактных шахмат древнерусского типа.

Полоцк. При раскопках Верхнего замка (1961—1963 гг., Г. В. Штыхов) извлечены две фигуры короля (конец XIII в.), входившие в комплекты абстрактных шахмат.

Новогрудок. Археологические исследования детинца (1970 г., Ф. Д. Гуревич) привели к находке в слое XIV в. костяной пешки, изготовленной с помощью токарного станка.

Друцк. В одном из раскопов на месте городской площади (1959 г., Л. В. Алексеев) извлечена точеная шахматная фигура короля, датируемая примерно XIII—XIV вв.

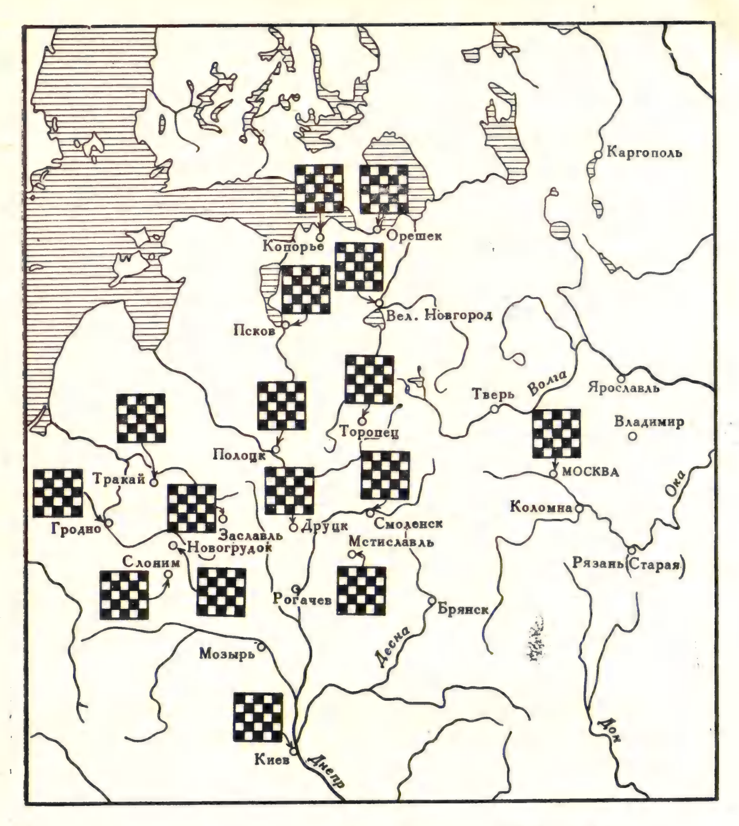
Заславль. При раскопках цитадели города, известного на Руси под названием Изяславль, вместе с другими бытовыми предметами найдена (1970 г., Г. В. Штыхов) шахматная фигурка XIII—XIV вв., которая, судя по форме и размерам, должна была служить в игре пешкой.

Гродно. Среди многочисленных бытовых предметов XIII—XIV вв., извлеченных при раскопках крепости, имеется и несколько абстрактных шахматных фигур. Правда, в публикации результатов исследования они определены иначе. Костяной слон, изображенный в виде желудя, оказался среди «мелких поделок, изготовленных на токарном станке», а деревянная шахматная ладья, сделанная в манере руха, ошибочно определена как «двухголовый «конек» [11].

Киев. Две шахматные фигуры, обнаруженные во время археологических работ 1932 и 1936 гг. на Старокиевской горе и горе Киселевке, являются абстрактными фигурами нового типа и могут быть, на наш взгляд, датированы XIII—XIV вв. В том же хронологическом диапазоне, ближе к XIV—XV вв., следует поместить еще одну находку на Киселевке в начале нашего столетия, опуб-

---

[11] *Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно. М., 1954, стр. 173—174, рис. 93,*5*; 94,*4*.

Карта археологических находок шахмат. XIII—XV вв.

ликованную в известном собрании Ханенко. Она также представляет собой трехъярусную фигуру короля.

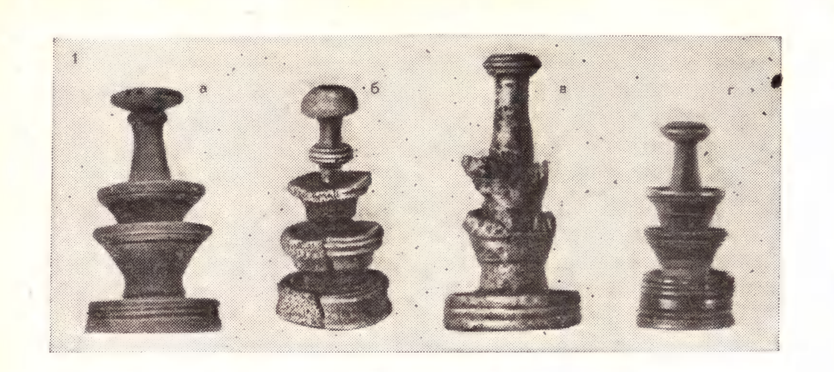
Тракай. Изучение археологической коллекции тракайских фигур имеет огромную ценность не только для познания истории шахмат Литвы, но и для исследования развития этой области культуры в Восточной Европе, в частности для раскрытия особенностей типологии древнерусских шахмат.

Тракай был древней столицей Литвы. После того как в 1323 г. Гедиминас перенес столицу в Вильнюс, Тракайские за́мки — и крепость на полуострове, и последний опорный пункт обороны на острове — продолжали сох-

ранять свое значение в борьбе против крестоносцев в XIV — начале XV в. Ныне дошедшие до нас постройки за́мка на острове превращены в музей. В нем широко представлены материалы археологической экспедиции Института истории Академии наук Литовской ССР, полученные во время раскопок крепостей острова и полуострова: боевые доспехи и оружие, строительные инструменты, керамическая посуда и многие другие предметы быта. Среди них 10 шахматных фигурок, найденных А. Таутавичусом, К. Мекасом и другими археологами в 1956—1967 гг. Для большинства находок (трех королей, ладей, трех слонов и пешки) имеются близкие аналогии в раскопках последних лет, произведенных в древнерусских городах. Таким образом, перед нами еще одно доказательство древних культурных связей и перекрестных культурных влияний Древней Руси и Литовской земли.

А теперь рассмотрим детальнее, как выглядели шахматные фигуры нового, древнерусского типа в памятниках XIII—XV вв., найденные при раскопках городов Руси и резиденции великих литовских князей — Тракая. В целом благодаря применению токарной обработки кости можно наблюдать усложнение форм шахматных фигур, и прежде всего короля.

Король. Представлен семью находками, в том числе двумя в Новгороде (XIII и XIV—XV вв.), одной в Друцке (около XIII—XIV вв.), двумя в Полоцке (конец XIII в.), по одной в Смоленске и Киеве (XIII—XV вв.). Четыре из них (новгородская, друцкая и две полоцкие фигуры) очень близки по размерам, и главное, по форме. Их высота — 3,2—3,3, диаметр цилиндрических оснований — 1,8—2—2,2 см. В центре невысокого основания — конусообразный остов, на котором выделяются два цилиндрических яруса чашевидной формы. В верхней части остова имеется кольцевидный перехват и последний ярус с небольшим коническим углублением в центре, куда, возможно, вставлялось что-то на клею. Лишь у одной находки — новгородского короля — между основанием и первым цилиндрическим ярусом находилось свободно вращающееся костяное кольцо, вдвое тоньше, чем основание, но такого же диаметра. Думается, что главное назначение этого кольца — подчеркнуть изящество работы мастера, его необычайное косторезное искусство. Следует отметить также, что все фигуры имеют характерный славянский орнамент —

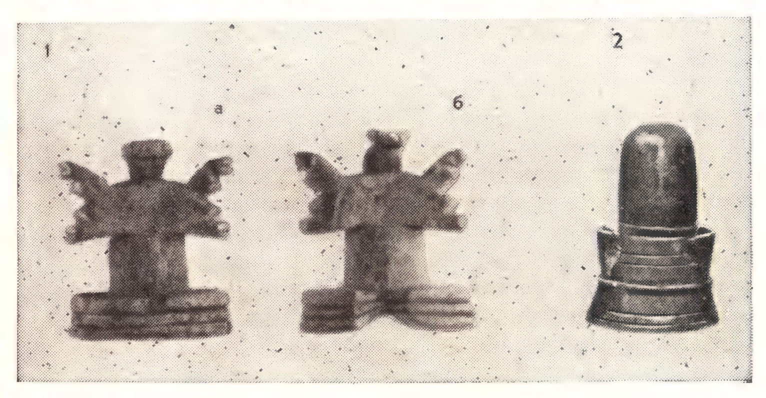

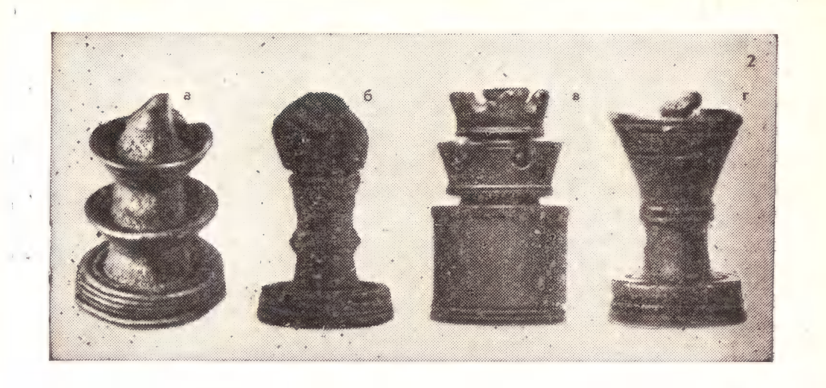
Шахматные фигуры. Кость

1 — короли: *а* — XIII—XIV вв. Друцк,
б — XIV—XV вв. Новгород, Ярославово дворище, *в* — конец XIII в. Полоцк,
г — XIV—XV вв. Новгород, Готский двор,
2 — короли: *а* — XIII—XIV вв. Киев, *б* — XIII—XV вв. Смоленск,
в — XIV—XV вв. Киев; 2*г* — ферзь, XIV—XV вв. Новгород, Готский двор

в виде прямых параллельных линий, которыми украшены основания и ярусы чаш. В том же духе выполнена одна из фигур тракайской коллекции.

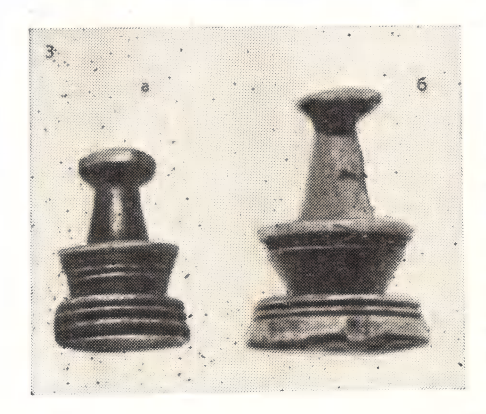
Близко к ним по трактовке примыкает найденная в Новгороде еще в 1947 г. фигура короля. В ней тоже имеются цилиндрическое основание, два яруса чаш, кольцевой перехват и верхушка с углублением в центре. Но в этой костяной миниатюре иная манера выточки всех частей, что дает основание предположить о принадлежности ее

к набору шахмат, изготовленному по известным образцам новгородским мастером.

К такому же типу шахмат относится одна из киевских находок. В этой скульптуре цилиндрической формы принципиально то же решение, что и в предыдущих находках, т. е. налицо основание, два яруса чаш и верхушка. Но размеры фигурки (высота — 6,5, диаметр основания — 3,5 см) и манера исполнения совсем другие. Фигурка массивна, ее основание почти в три раза выше, чем у только что рассмотренных находок, широкие чаши с прорезями напоминают бойницы в средневековых крепостях. Пропали легкость и изящество, характерные для нового типа символических шахматных фигур. Возможно, она из привозного комплекта, ибо такого же типа фигуры, но с одной чашей, найдены и в европейских странах.

Шахматные фигуры.
Кость

1 — XIV—XV вв. Новгород.
Готский двор:
а, *б* — ладьи,
2 — слон (?), XIV—XV вв.
Киев,
3 — пешки:
а — XIII в. Торопец,
б — XIV в. Новогрудок

Несколько особняком выглядит находка шахматного короля в Смоленске (высота — 3,5 см). Фигура, искусно выточенная на токарном станке, богато украшена линейным орнаментом. По форме и принципиальному решению основных частей она сильно отличается от друцкой, полоцких и новгородских находок, у них идентичны лишь основание да возвышающийся над ним могучий корпус. Но последний освобожден от всех ярусов чаш и опоясан лишь небольшим кольцевидным утолщением в центре. Зато верхняя часть фигуры увенчана массивной короной, к сожалению, почти не сохранившейся. Была ли то принципиально новая форма фигуры короля или освободившийся от ярусов ферзь — окончательно решить пока трудно. Для сравнения нужны еще фигуры, изготовленные в той же манере.

Археологические находки шахматных королей, относящихся к XIII—XV вв. и выточенных на токарном станке, говорят о том, что восточная символика в изображении главной в игре фигуры была на Руси, как и в других европейских странах, к этому времени в основном утрачена. И это вполне естественно, если учесть, что во всех странах фигура получила название высшего лица в иерархии феодального общества. Царь шахматного войска должен был резко выделяться среди других фигур как по своим очертаниям, так и по размерам. Находки фигур подтверждают эту тенденцию.

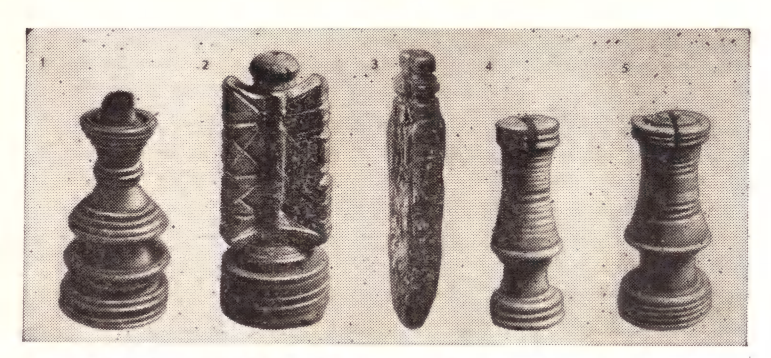
Ферзь. Найдены две фигуры в Новгороде (XIV—XV вв.) при раскопках на Готском дворе. Поставленные рядом с королями, они по высоте достигают лишь края чаши второго яруса. У ферзя такие же, как у короля, основание и остов, на котором за кольцевидным перехватом следует более глубокая чаша. Внутри нее помещен тонкий остов с полусферическим верхом. Одна из найденных фигур имела такое же свободно вращающееся вокруг остова основания кольцо, как и у новгородского короля. Скорее всего, ферзь, обнаруженный недалеко от этого короля, был из одного и того же комплекта шахмат. Ценность двух находок ферзей тем более велика, что такого вида фигур нет в тракайской археологической коллекции, и в «уравнении с двумя неизвестными», каким до последнего времени выглядел этот тип фигур (в находках отсутствовали ферзи и кони), теперь осталась лишь одна неизвестная величина — шахматный конь.

Ладья. Два экземпляра найдены при раскопках Готского двора (XIV—XV вв.). На цилиндрическом основании с массивным круглым остовом возвышается характерное удлиненное плоское туловище с двумя выступами и небольшим цилиндрическим выступом в середине. По принципу построения и размерам фигуры совпадают с более ранними находками ладей в Вышгороде и Витебске. Но в новгородских образцах есть и свои особенности: отсутствует кольцевой перехват в середине круглого остова, более массивны основания и сам остов. Боковые выступы напоминают паруса судна и в этом отношении в какой-то мере копируют боковые выступы киевской ладьи XII в. В целом же перед нами ладьи, типичные для данного вида абстракции, но претерпевшие со временем известную эволюцию (хотя и сохранилось решение основных компонентов фигуры). Отметим лишь, что два экземпляра фигур разнятся между собой тем, что у одного из них по бокам основания сделаны углубления, может быть, для отличия фигур соперников (пока еще нет никаких признаков того, чтобы шахматы противников имели разную окраску).

Ко всему этому добавим, что от них нетрудно проследить эволюцию к тракайской ладье. Эта крупная по тому времени шахматная фигура высотой 8,7 см имеет то же принципиальное решение, но боковые выступы еще более отчетливо символизируют паруса судна. Зато в другой интересной находке Тракайского за́мка — незаконченной резьбе шахматной ладьи — мы видим очертания, напоминающие более раннюю находку ладьи этого типа в Витебске. Уже сам факт того, что в шахматном наборе тракайских шахмат присутствует ладья, а не фигура, олицетворяющая крепость, является самым убедительным доказательством древнерусского, а не западного влияния на шахматы Литвы.

Благодаря всем этим находкам мы имеем достаточно ясное представление о ладье нового типа шахматных фигур, вызванного к жизни применением токарного станка.

Слон. Найдена фигура в Новгороде на Готском дворе (XIV—XV вв.). Она представляет собой полную аналогию с находками фигур слона в более ранних культурных слоях: XII в. у Николо-Ленивца и XIII в. в Полоцке. И здесь на круглом основании с массивным остовом в центре покоится цилиндр с двумя полукруглыми усечениями и вы-

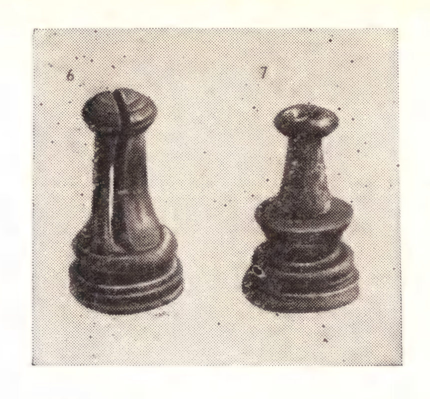

резом посредине. Только на этот раз разрез сделан еще глубже, доходя почти до основания цилиндра. Совершенно ясно, что фигура изготавливалась по одному образцу. Но как уже отмечалось, ремесленники не имели понятия о роли разреза и в зависимости от вкуса делали его бóльшим или меньшим. В тракайских находках, например, у двух слонов разрезы были совсем небольшими, а у одного — очень глубокими. Любопытно также отметить, что изготовлявшие их мастера решили для облегчения работы отказаться от полукруглых срезов в основной части туловища фигуры.

Конь. Единственный вид фигур этого типа шахмат, который археологам до сих пор еще не довелось обнаружить при раскопках древнерусских городов.

Пешка. Сделаны две находки: в Торопце (XIIIв.) и Новогрудке (XIV в.). Размеры их немного отличаются: высота первой — 1,7 и второй — 2,1 см. В остальном полностью идентичны. В отличие от пешек восточных наборов, здесь налицо усложнение формы и орнамента. Фигурки состоят из четырех частей: цилиндрического основания, яруса типа чаши, конусовидного остова и небольшого верхнего утолщения с углублением в центре. По стилю отделки, орнаментации, пропорциям частей они очень близки к фигурам шахматного короля, найденным в Друцке, Полоцке и Новгороде. Иными словами, поставленные вместе с этими и другими фигурами того же типа, они составят единые комплекты костяных шахмат, наиболее характерные для Руси XIII—XV вв.

В раскопках древнерусских городов в последние годы встретились и костяные пешки, выточенные на токарном станке по другой, более упрощенной схеме. Так, в Зас-

Тракайские шахматные фигуры. Кость. XIV—XV вв.
1 — король,
2 — ладья,
3 — незаконченная заготовка ладьи,
4—6 — слоны,
7 — пешка

лавле в слое XIV в. найдена пешка, имеющая форму немного усеченного конуса с небольшим, в виде горошины, выступом в центре верхнего основания. Вся боковая поверхность сделана в виде рельефных концентрических кругов. Размеры ее примерно такие же, как у пешек обычного, рассмотренного выше типа: высота — 2,1, диаметр нижнего основания — 1, верхнего — 0,8 см. Не исключено, что в данном случае и весь комплект был изготовлен ремесленником по несколько иной, более простой, схеме.

Какой же вывод можно сделать о развитии шахматной культуры на Руси в XIII—XV вв.?

Огромной важности исторические события и новые явления в жизни русского общества в той или иной степени, прямо или косвенно наложили отпечаток и на развитие шахматной культуры. Как татаро-монгольское нашествие, так и гонения со стороны церкви, происходившие первоначально под влиянием аскетических учений византийских монахов, послужили тормозом для развития шахматной культуры. Если в этих наблагоприятных условиях игра продолжала распространяться среди различных слоев народа, то это можно объяснить лишь тем, что она глубоко укоренилась на Руси еще в период существования Киевского государства, когда шахматы стали одним из элементов национальной культуры. И хотя от периода XIII—XV вв. дошло крайне мало письменных памятников, упоминающих о шахматах, с каждым годом увеличивается число археологических находок, убедительно свидетельствующих о дальнейшем развитии древнерусской шахматной культуры.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ БЫЛИН

Археологические находки и терминология шахмат, как бы интересны они ни были, не могут раскрыть все своеобразие шахматной культуры Древней Руси. Какими бытовыми особенностями отличалась шахматная игра? Играли ли в тот период в шахматы женщины? Насколько популярной была игра среди русских воинов?

Долгое время полагали, что на такие вопросы из-за отсутствия письменных источников о шахматах мы никогда не получим ответа, что все это навсегда останется тайной минувших столетий. Правда, еще в прошлом веке историки шахмат обратили внимание на былинное народное творчество, где неоднократно упоминались шахматы и местом игры называлась Киевская Русь. Тем не менее поздние записи народных сказаний, сделанные преимущественно в XIX столетии, а также заметные наслоения других эпох заставили исследователей усомниться в том, что сцены шахматной борьбы в былинах относятся по происхождению к тому времени, о котором в них говорится. Поэтому С. А. Сорокин, собрав и опубликовав в журнале «Шахматное обозрение» (1892, № 11) ряд высказываний о шахматах в былинах, не пытался даже определить, к какому периоду они могут относиться. Позднее историк М. С. Коган, изложив известные эпизоды в былинах и старинных песнях, писал, что на основании этого обзора можно получить представление о широком распространении шахматной игры в XVI—XVII вв.

Так ли это? Детальный анализ былин, сравнение вариантов одного и того же сюжета, сопоставление сведений, содержащихся в шахматных эпизодах героического эпоса, с фактами, известными из других источников, с филологическими и археологическими материалами, наконец, последние достижения советской фольклористики позволяют, на наш взгляд, использовать былины для ис-

следования истории шахматной игры гораздо более ранней эпохи. Былины в своеобразной художественной форме отразили жизнь, весьма далекую от нашего времени. Специалисты в области фольклора доказали, что, хотя большинство текстов было записано лишь в последние два века, русский эпос возник за тысячу с лишним лет до этих записей, еще во времена разложения родового строя. Создание же первых произведений героического эпоса — былин — относится ко времени расцвета Киевской Руси — к X—XII столетиям. Идеализация этого периода жизни народа оказалась настолько сильной, что и в последующее время, когда наиболее опасными врагами Руси были не печенеги и половцы, а татаро-монгольские завоеватели (XIII—XV вв.), действия в былинах вполне естественно продолжают связываться с Владимиром Красное Солнышко и развертываться в Киевском государстве. А богатыри Киевской Руси — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и их сподвижники выступают воинами-патриотами, защитниками Русской земли и в период татарского ига.

Происходившее при этом смещение времени, перенесение действия героев-богатырей из одной эпохи в другую приводили к тому, что новые варианты былин использовали прежние сюжетные линии и продолжали, как правило, отражать быт и обстановку домонгольской Руси. Однако установить эти историко-бытовые реалии, художественные образы, традиционные приемы изложения и т. д., которые составляли первооснову былин Киевской Руси,— задача исключительно сложная, возможная во многих случаях лишь с привлечением других исторических материалов. Благодаря сочетанию в былинах нового с традицией появляется возможность привлечения фольклора для изучения далекого прошлого в истории народа. В тех же случаях, когда нет других письменных свидетельств, обращение к фольклору как к источнику для разработки историко-этнографических проблем становится не только оправданным, но и необходимым.

Вопросы историзма русских былин разрабатывались в нашей стране еще в прошлом столетии. Но более глубокое обоснование и свое дальнейшее развитие они получили в трудах советских литературоведов и историков. Как справедливо подчеркивает Б. А. Рыбаков, былины X—XII вв. сложены в гуще народа и раскрывают отношение народ-

ных масс к важнейшим событиям жизни и деятелям Киевской Руси, они представляют собой исторический источник «не для восстановления канвы событий, а для изучения народных оценок тех или иных периодов, отдельных событий и лиц»[1].

Этот вывод важен, в частности, для исследования шахматной культуры Древней Руси. Насыщенность былинного эпоса шахматными эпизодами также позволяет, на наш взгляд, выявить отношение народа к игре в Киевской Руси и тем самым помочь в какой-то степени воссоздать обстановку бытования шахмат в тот период.

ИЗ ДАЛИ КИЕВСКИХ ВРЕМЕН

Шахматные эпизоды встречаются в разных по содержанию былинах, но главным образом в героических и социально-бытовых (новеллистических). Шахматы представлены в былинах на различных этапах их развития: первоначального сложения в период Киевской Руси, в вариантах, бытовавших в народе в эпоху феодальной раздробленности и создания русского централизованного государства.

Рассмотрим прежде всего те богатые шахматными эпизодами былины, которые почти все исследователи относят к ранней феодальной поре. Это «Михайло Потык», «Ставр Годинович», «Илья Муромец и Калин-царь». Они были сложены еще в Киевской Руси, и в них позднее нашли отражение чаяния народа в борьбе с татарским игом.

Большей частью шахматные поединки описываются в былинах во время пиров Владимира или по прибытии «посольства» в чужеземное государство. В состязании решается вопрос, кто кому из государей должен платить дань. Нередко по условию победитель распоряжается судьбой проигравшего, вплоть до обращения его в холопа[2].

Представление о манере художественного описания шахматной игры в древнем эпосе дает, например, одна из самых больших по размерам (в некоторых вариантах она занимает более тысячи стихов) и сложных по построению былин — «Михайло Потык». Сюжет ее развертывается во-

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М., 1963, стр. 347.
[2] *Р. С. Липец.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969, стр. 274.

круг женитьбы богатыря Потыка. Князь Владимир стольно-киевский направляет могучих богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича и Михайла Потыка, сына Ивановича, взимать дань в разные земли. Получив дань, Потык пошел стрелять белых лебедушек. Вдруг одна из них оборачивается красной девицей. Потык влюбляется в нее и женится, согласившись на ее условие: если один из них умрет, другой заживо будет с ним погребен. Однажды во хмельном пиру Потык расхвастался, что обыграл в шахматы поганого царя Вахрамея и спрятал доставшееся ему несметное богатство. Когда же Вахрамей потребовал с Киева дань за 12 лет, Владимир отправил Михайлу Потыка выручать землю русскую. И вот Потык в царстве Вахрамея. Встретив богатыря, царь спрашивает, что привело его сюда. Последовали ответ и за ним пространный эпизод — «шахматный матч» между Вахрамеем и Михайлой Потыком.

Состязание это весьма интересно и характерно для былинной традиции в изображении шахмат. Вот начало этого «матча»:

Зашол-то я сюда, заезжал к тебе,
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
А я слыхал — скажут, ты охвочь играть
Да в доски — ты шахматны,
А в до́роги тавлеи золоченыи,
А я-то ведь еще уж также бы.
Поиграем-ко во доски ты шахматны,
В до́роги тавлеи золоченыи.
Да ах же ты царь Вахрамей Вахрамеевич!
Насыпь-ко ты да бессчетной золотой казны
А сорок-то телег да ордынскиих.
Как ино тут Михайлушко спроговорит:
— Ах ты царь же Вахрамей Вахрамеевич!
А было я о головки молодецкии;
Как я тебе буду служить да слугою верною
А сорок-то годов тебе с годичком,
За сорок-то телег да ордынскиих.
Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был
Охвочь играть во доски — ты шахматны
А в до́роги тавлеи золоченыи,
Всякого-то ведь он да по́играл.
Как тут-то себе да ведь думает:

— А надо б мне молодца да повыиграть!
Как тут они наставили дощечку — ту шахматну,
Начали они по дощечке ходить — гулять.
А тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А другой как ступил, сам приза́ступил,
А третий как ступил, его по́играл,
А выиграл бессчетну золоту казну
А сорок-то телег-тых ордынскиих.

Этот «прием» игры повторяется несколько раз.

Перед нами заключительный эпизод драматического шахматного поединка, обрисованного в характерной для былин художественной манере

Остатный раз наставили дощечку ту шахматну.
А й тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А дру́гой-то ступил, сам приза́ступил,
А третий как ступил, его и по́играл,
Выиграл бессчетную золоту казну,
А дань платить во Киев град великую.
На ту пору было на то времечко,
А налетел тут голуб на окошечко,
Садился-то тут голуб со голубкою,
Начал по окошечку похаживать,
А начал он затым выговаривать
А тым а тым языком человеческим:
— Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Ты играешь, молодец, проклаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь.
Твоя-то есть ведь молода жена,
А тая-та ведь Марья лебедь белая, преставилась.
Скочил тут как Михайла на резвы ноги,
Хватил он эту доску ту шахматну.
Как бросил эту доску о кирпичной мост
А во полаты тут да во царскии,
А терема вси тут пошаталися,
Хрустальныи оконницы посыпались,
Да князи тут бояра все мертвы лежат,
А царь тот Вахрамей Вахрамеевич
А ходит то ведь он раскорякою,
Как сам он говорит таково слово:
— Ах молодой Михайло Потык сын Иванович!

Оставь ты мне бояр хоть на семена,
Не стукай-ко доской ты во кирпичной мост[3].

И поехал Потык к себе домой, и начались у него новые приключения, связанные с его женитьбой.

Теперь познакомимся еще с двумя сценами из других былин. Одна из них тоже на тему сватовства, но действие происходит не в Киеве, а в Новгороде. То знаменитая былина о Садко, единственная в русском эпосе, где герой, отправляясь из дома, попадает в совсем другой мир — морское царство. Этому предшествуют разные события в жизни Садко. Вот он, простой гусляр, играет на берегу озера Ильмень, за что водяной царь посылает золотую рыбку, приносящую ему богатство. Садко становится гостем (купцом). Затем отправляется он на 30 кораблях продавать товары новгородские, получать барыши великие. На обратном пути корабли настигает буря — то требует к себе Садко сам царь морской. Садко опускается на дно морское, захватив с собой дорогие шахматы и гусли звончаты.

И скоро Садко наряжается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахмотницу до́рогу
Со золоты тавлеями,
Со темя дороги, вольящеты.
И спущали сходню ведь серебрену
Под красным золотом.
Проходил Садко-купец, богатой гость,
Спущался он на сине море,
Садился на шахмотницу золоту[4].

Не во всех вариантах Садко сражается в шахматы с морским царем, но деталь быта новгородского купца — шахматы — очень важная, и мы на ней еще остановимся.

А теперь приведем отрывки из еще одной распространенной былины «Ставр Годинович». Сюжет ее прост и незатейлив. В Киеве на пиру «у ласкового князя» Владимира

[3] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I. Изд. 4. М., 1949, стр. 468—471.

[4] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М.—Л., 1958, стр. 231—232.

собрались сильные, могучие и разудалые богатыри. «Вполсыта тут все да наедалися, вполпьяна все тут да напивалися, напивались, наедались, порасхвастались» Похвастался и гость черниговский Ставр Годинович своей молодой женой, которой нет равной по красоте и уму. И делает она все лучше всех, и в шашки-шахматы играет «удивляет всех людей добрыих, русских могучих богатырей».

Рассердило Владимира это бахвальство, и приказал он посадить Ставра в погреб. Об этом от черного ворона узнает его жена Катерина Ивановна (в других вариантах Наталья Владимировна или Василиса дочь Микулична). Она не растерялась, не испугалась, узнав о беде, а собрала дружину в путь-дорогу к Киеву выручать мужа. Здесь отметим интересную деталь: в ее «дружинушку хоробрую» входили «тридцать молодцов да стрельцов», «тридцать молодцов да шахматчиков», «тридцать молодцов да гусельщиков».

Прибыв с дружиною в Киев, жена Ставра выдает себя за чужеземного посла. Тут начинаются его испытания. Обращается к послу князь Владимир:

Дорогой-то гость да грозен посол,
А сыграем-ка да в шашки-шахматы.
А пошел до князя Владимира,
Садилися к столу они дубовому,
Приносили им доску шахматну.
Как Владимир князь стольно-киевский,
Он ступень ступил, да недоступил,
Он другой ступил, да переступил,
А третий раз да он впросак попал.
А молодой гость да грозен посол,
Обыграл он князя Владимира[5].

Но лучше сохранился тот же рассказ о шахматном состязании, и потому сочнее оказывается он в тексте былины, приведенном у Кирши Данилова:

Плюнул Владимер-князь, сам прочь пошел.
Говорил себе таково слово:
— Разве сам Василья-посла проведаю.
Стал с ним в шахматы играть
Золотыми тавлеями:

[5] «Былины» («Библиотека поэта»). Л., 1954, стр. 237.

Первую заступь заступовали,
И ту посол поиграл;
Другую заступь заступовали,
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали,
Шах да и мат да и под доску.
И стал посол говорить таково слово:
— Гой еси, стольной Владимер-князь,
Отдай ты мне дани-выходы за двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи.
Говорил Владимер-князь:
— Изволь мене, посол, взять головой с женой[6].

Наконец, для сравнительного анализа представляет интерес еще один вариант шахматного соревнования жены Ставра с Владимиром, приведенный у Гильфердинга.

Спроговорит Владимир стольне-Киевской:
Ай же, дородний добрый молодец!
Не угодно-ль поиграть в шашки в шахматы заморскии?
А спроговорит дородний добрый молодец:
— У нас об эвтом деле не сведано;
Игроки у меня с дому не взяты.
Пожалуй, поиграем в шашки в шахматы заморскии.
Обыграли царя с царицею,
Всех игроков придворныих.
Говорит Владимир стольне-Киевской:
— Ай ты дородний добрый молодец!
Больше у меня некому с тобой играть
В шашки-шахматы заморскии.
А спроговорил добрый молодец:
— Никто в Расеи не мог меня обыграть,
Один-то меня и обыгрывал Ставер Годинович.
Когда я бывал во Чернигове,
Один-то он меня обыгрывал.
Сходил Владимир князь стольне-Киевской,
Выпустил Ставра из погребов глубокиих.
Сели со Ставром Годиновичем
Они играть в шашки-шахматы заморскии,
Спроговорил ему дородний добрый молодец:
— Помнишь ли молодой Ставер сын Годинович,

---

[6] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», стр. 95—96.

Как мы с тобой живали во Чернигове?
Я была чернильницей, а ты пером лебединым...[7]

Итак, прежде всего былины подтверждают то, что теперь доказано археологическими материалами,— сравнительно широкое распространение шахмат в Древней Руси. В шахматы играют воины — чудо-богатыри и гости-купцы, князь Владимир и женщины, не уступающие соперникам-мужчинам в искусстве ведения шахматного боя.

Естественным выглядит увлечение шахматами купца Садко. Узнав из раскопок последних лет о любви новгородцев к шахматам (фигуры найдены почти в каждой раскопанной усадьбе), мы могли бы только удивляться, если бы былина не отразила этого исторического факта.

Примечательно также, что в шахматы играют все главные герои эпических произведений и их удалые сподвижники. Мало того, и в самих шахматных состязаниях проявляются черты героизма. Богатыри не страшатся опасности, смело идут в бой с врагом и побеждают его. Не случайно, например, в эпизоде с Потыком сцены сражения за шахматами Потыка с Вахрамеем Вахрамеевичем — самые героические страницы биографии богатыря.

В приведенных извлечениях из различных былин участниками шахматных поединков являются Михайло Потык, Ставр Годинович и Садко. В других былинах приверженцами шахмат выступают Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. По-видимому, Добрыня Никитич, «крестовый брат» Ильи Муромца, был, пользуясь современной терминологией, наиболее талантливым шахматистом среди русских богатырей. Добрыня не только физически силен, но и разносторонне одарен: точнее всех попадает в цель при стрельбе из лука, очаровывает слушающих игрой на гуслях, побеждает в шахматы короля Ботияна Ботияновича, а в других вариантах — царя Батыя. Вот эпизод из былины «Добрыня и Василий Казимирович»:

Говорит ему царь Батый:
— Ах ты гой еси, Василий сын Казимирович!
— Есть ли у вас таковы умильны игроки:
— Поиграть бы во тавлеи во валья́щеты?

---

[7] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. II. Изд. 4. М.—Л., 1950, стр. 427—428.

— Ах ты гой еси, Батый царь!
Я не знал, право, охоты твоей царской,
Не знал охоты твоей боярской:
Не брал из города умильных игроков;
А надеюся на Спаса, на Пречистую,
На матушку на божию богородицу,
Надеюсь на братца на названного,
На молода Добрыню Никитича:
С измалёхонька Добрынюшка тешился,
С малыми ребятами игрывал[8].

И далее рассказывается о том, как Добрыня Никитич млад разбил за доской своего хитрого и коварного соперника. Победой в шахматы, как и в других видах состязаний, над «собакой» Батыем народ хотел показать превосходство Добрыни, свою веру в конечный разгром врага. На основании этого отрывка можно также предположить, что шахматы в Киевской Руси становятся уже средством воспитания. К ним с детства приучали будущих воинов.

Былины с несомненностью говорят нам о высокой народной оценке шахмат. Вероятно, шахматы с самого начала воспринимались как военная игра. В представлении народа они поднимаются на один уровень с состязаниями в стрельбе из лука и борьбе. К испытанию ловкости и силы прибавляется испытание ума. А чаще с последнего и начинается соревнование. Это одна из характерных черт народного эпоса. Встречаются ли на ратном поле Добрыня Никитич с Батыем или Ботияном Ботияновичем, едут ли богатыри на бой против царя Калина, олицетворяющего собой все ненавистное татаровье, борется ли с поганым царем Михайло Потык — всюду шахматы служат одним из способов испытания, показателем умственного превосходства богатырей над врагом.

И лишь изредка игра фигурирует как деталь быта, как средство отдыха воинов, их своеобразная тренировка в шахматном сражении перед встречей с врагами Руси.

На том раздольице чистом поле
Собиралось тридцать богатырей без одного,
Сидят молодцы в белом шатре;
В белом шатре белополотняном,

---

[8] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 2. М., 1861, стр. 85—86.

Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тыи велеи золоченья [9].

Об отношении эпоса к игре свидетельствуют к тому же постоянно сопровождающие ее эпитеты. Шахматы называются в былинах «славными», предметом высокой ценности — «дорогими тавлеями золочеными». Богатыри играют в «шахматницу дорогу, со золоты тавлеями с теми дороги, вольящеты» (т. е. резными фигурами). Здесь мы встречаемся, по-видимому, не только с желанием изображать вещи исключительной красоты и высокого качества, как это характерно для былин, но и с реалистическим описанием шахмат, изготовленных искусными резчиками Древней Руси и представлявших собой замечательные произведения прикладного искусства

ИГРА ТРЕХ ЗАСТУПЕЙ

Недоумение у исследователей вызывает обычно само описание шахматного боя, которое приняло традиционную форму и нелегко поддается расшифровке. Действительно, что имели в виду сказители, когда они пели в «Михайле Потыке»:

А тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А другой как ступил, сам приза́ступил,
А третий, что ступил, его по́играл.

В других былинах повторяются с вариациями по существу те же мотивы, те же «приемы» игры. Некоторые авторы пробовали искать в этом описании какие-то загадочные ходы и оказывались в затруднительном положении. Так, литературовед Е. Синегуб по поводу приведенного выше отрывка писал: «Михайло вновь применяет свой «трехступенчатый» метод игры, и эта неизвестная нам тактика, не укладывающаяся, по-видимому, в рамки современной теории, но дававшая ему несомненное преимущество, вновь увенчивается победой» [10].

---

[9] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. 1. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861, стр. 103.
[10] *Е. Синегуб*. Шахматы в богатырском эпосе.— «64», 10 мая 1939 г.

Аналогичным образом расшифровывается былинное описание в оригинальной статье о древнерусских шахматах С. Г. Струмилина. Здесь рассуждение касается отрывка, в котором рассказывалось о сражении Добрыни Никитича с Батыем.

Кликнули Добрыню Никитича,
Подёрнули столы белодубовые,
Раздёрнули тавлеи вольящеты.
Первую тавлеюшку царь ступил,
Другую тавлеюшку Добрыня Никитич млад,
Третью тавлеюшку царь ступил,
Четвертую Добрыня Никитич млад:
Больше царю ступить некуда,
Та игра была поиграна [11].

По поводу этих строк Струмилин заметил: «Сегодня расшифровать «дебют» Батыя можно было только так: 1) f2—f4 (f3) e7—e6; 2) g2—g4 Фd8—h4x. Но что имелось в виду в былине, сказать трудно...» И далее: «Как видим, народный эпос не свидетельствует о высоком уровне игры в шахматы царей»[12].

По мнению фольклористов, певцы не умели играть в шахматы, а потому что-то напутали в былинах. Так, известный исследователь былин В. Я. Пропп по поводу того же отрывка писал: «Хотя в изображении певцов Добрыня превосходно знает игру в шахматы, сами певцы, как это видно из описания хода игры, с ней совершенно не знакомы *ни в одном случае*. Добрыня выигрывает партию с третьего или четвертого хода» [13].

С этим трудно согласиться. Думаю, что певцы Киевской Руси были людьми наблюдательными, а нередко и много знавшими и не пели бессмыслицу, которая им в данном случае приписывается. Начнем с того, что в былине обычно нет описания переживаний действующих лиц, не раскрываются детали событий и жизненных явлений. Слушателям преподносятся бытовые факты и героические эпизоды не в их внутреннем развитии, а в виде обобщений и конечных итогов жизненных процессов. По-

---

[11] «Песни, собранные П. В. Киреевским», стр. 85—86.

[12] *С. Г. Струмилин*. Шах да и мат да и под доску.—«Наука и жизнь», 1962, № 1, стр. 100—101.

[13] *В. Я. Пропп*. Русский героический эпос. Изд. 2. М., 1958, стр. 363 (курсив мой.— *И. Л.*).

чему же для шахматной борьбы сказители должны были делать исключение? Ведь эти традиционные приемы вырабатывались веками и являлись художественными приемами народного эпоса.

А раз так, то, следовательно, нужно искать в излюбленных традиционных формулах не описание действительного хода шахматной борьбы, а совсем другой, более общий смысл. Представим себе реальное состязание двух шахматных бойцов в Киевской Руси. Могла ли решать спор о силе игры одна партия, как бы долго она ни длилась и какой бы результат она ни имела? Конечно, нет. Противники наверняка уславливались о том, что сыграют несколько партий. Недаром среди старинных русских пословиц бытовали и такие: «Одна игра не потеха», «Одна игра не выигрыш». Шахматное состязание тем более включало в себя несколько партий, так как игру начинали попеременно то одна сторона, то другая («белые» и «черные») и противник, открывший сражение, имел преимущество первого хода...

Что же в таком случае подразумевалось в былине под словом «заступь»? Буквально «первая заступь» означала первый ход, заход, начало игры; но в былинном обобщении или, что более вероятно, в терминологии шахматистов Древней Руси первой заступью, по видимому, считали первую партию, второй заступью — вторую партию и т. д. Принцип же троичности характерен для былин в описании многих состязаний и событий. Певцы, которые хотели показать испытание героя, давали ему возможность сыграть с соперником несколько партий, не говоря уже о том, что этот прием усиливал напряжение борьбы, делал более эмоциональным, драматически более острым конфликт.

Игра трех заступей — трех партий — и стала традиционной формулой былины. Но здесь было бы справедливо заметить, что многие позднейшие сказители действительно не играли в шахматы и поэтому, бессознательно повторяя эту формулу, допускали неточности и нередко применяли такие выражения, которые при буквальной расшифровке могли быть поняты как ходы («ступил тавлеюшкой» и т. д.). Сама же формула трех заступей, приводимая в былине несколько раз подряд (например, в «Михайле Потыке»), превращалась в символ одной партии. И только в тех случаях, когда сказитель знал шахматы,

он совершенно правильно понимал старинную заступь как партию, как целую «игру». Перед нами, например, отрывок из былины «Добрыня Никитич в отъезде»:

Проходили тут за столички дубовые,
За тее ли скамеечки окольные,
Начинают играть во шашки-шахматы,
Во тее ли во игры во немецкие.
Так тут король Ботиян Ботиянович
Залагал свою бесчётну золоту казну.
Молодой Добрынюшка Микитенец
Залагал он своево добра коня.
Тут сыграли они игру первую...[14]

За ней следовала «игра другая» и далее «игра третья».

Так вместо заступи появилось новое слово «игра». Но с подобным восприятием шахматной партии мы встречаемся не часто. И это хорошо (для истории шахмат по крайней мере), что сказители позднейшего времени не знали значения заступи и потому, пусть бессознательно, пусть иногда с ошибками, передавали из поколения в поколение и донесли до нас один из древнейших игровых шахматных терминов, а с ним и некоторые особенности состязания в Киевской Руси.

Интересны приведенные у Кирши Данилова строки былины о Ставре Годиновиче, характеризующие финал поединка: «Шах да и мат да и под доску». Некоторые исследователи (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов) объясняют это выражение как старинный обычай шахматистов лезть под стол после проигрыша [15], другие (Р. С. Липец) считают, что речь идет просто о сбрасывании фигур после окончания состязания, так как условия проигрыша в известных сюжетах былин носят иной характер [16].

Отдельные описания шахматной битвы в былинах замечательны своеобразием бытовых деталей, характером восприятия игры. Что стоит, например, такое выражение в былине «Михайло Потык»:

Как тут они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали они по дощечке ходить — гулять...

---

[14] «Былины Севера», т. II. М.—Л., 1951, № 134, стр. 208—209.
[15] «Былины». В двух томах, т. II. М., 1958, стр. 469.
[16] «Советская этнография», 1966, № 5, стр. 180.

Ходить — гулять по шахматной доске! Так ярко, образно мог выразиться только певец, наблюдавший игру, чувствовавший ее поэзию, певец, которому передавалось настроение играющих и который мог сам вызвать это чувство в слушателях. Шахматы — это не скучные деревяшки, а это жизнь, боевая, увлекательная, живая. Вот что хотел сказать и прекрасно сказал одной строкой народный певец.

«...В ШАШКИ-ШАХМАТЫ, ВО ТЫИ ВЕЛЕИ ЗОЛОЧЕНЫЯ»

О многом заставляет задуматься историка и шахматная терминология былин. Начать с того, что в народных песнях часто употребляется выражение «играть в шашки-шахматы». По всему ясно, что речь идет о шахматной игре. Но тогда при чем тут шашки? Эта загадка хотя и с одним неизвестным, но зато со многими возможными ответами. С одинаковым успехом можно предположить и то, что шашки предшествовали шахматам и потому былина лишь отражает развитие игр на 64-клеточной доске; и то, что певцы не знали хорошо ни той, ни другой игры, и как результат — путаница в терминах, обозначающих две различные игры.

Но скорее всего ни то, ни другое. Еще в конце XVIII — начале XIX в. шахматы назывались нередко в нашей стране шашечной игрой на основании того, что все фигуры в совокупности и каждая в отдельности, независимо от своего предназначения в игре, именовались просто шашками [17]. Не исключено, что это идет еще со времен Древней Руси. А раз все фигуры вместе назывались шашками, сама игра — шахматами, то «играть в шашки-шахматы» могло означать в прямом смысле «играть фигурами в шахматы». Но позднее термин «шашки» перешел в другую игру — и отсюда смешение понятий, особенно в представлении последующих поколений.

Так или иначе, несомненно древнее употребление того и другого термина, раз они упоминаются во многих бы-

[17] Интересно в связи с этим отметить, что первая в России шахматная книга, вышедшая в 1791 г. в Петербурге, была названа «Правила для шашечной игры». И даже А. Д. Петров в 1824 г. в своей книге «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок...», перечисляя фигуры, отмечал, «что у каждого игрока 16 шашек».

линах, относящихся по времени сложения к периоду Киевской Руси.

Еще более трудную задачу перед исследователями ставит другое выражение, встречающееся в былинах, хотя, правда, и редко: «Играть в пешки, шахматы». Так, в одной из записей былины о Ставре Годиновиче сказитель упорно следовал этой терминологии:

Говорит на то-де солнышко Владимер-князь:
— Я накину на тебя службу тяжелую:
— С моими с игроками поиграть сперва,
— Как во ти еще во пешецьки, во шахматы;
Как обыграешь ты моих-ле игроков еще,
Я отдам тогда тебе Ставра, отдам безденежно.
Говорит на то Василей-от Иванович:
— Я бы знал-ле ваши замысли княженецкия,
— Я бы брал с собой людей ноньце уценых,
— Как маленько с измалешка я, Васька, игрывал.
Принесли ноньци-де пешецки точёныя,
Принесли-де как дощецьку да позолочену,
Ой как стали они играть в пешки-ле, шахматы,
Говорят они игроки нонь княженецкия:
— Ты ходи же нонь юдалой доброй молодец,
— Ищэ ты-ле Василей сын Ивановиць.
— Как которой накликат, тот наперед ступат.
А как идут нонь игроки нонь княженецкия,
Как ступили они во пешецьки, во шахматы,
Как ступил ноньце Василей сын Ивановиць,
А другой-де раз ступил, да им ходу не дал,
А во третей раз ступил, дак их с доски сгонил [18].

То же выражение встречается в народной поэме о Садко, когда морской царь говорит ему:

— Юж ты здравствуешь, Садко, купец богатыя!
— Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
— Да во те-же, во пешки, нонь во шахматы [19].

Хотя из последней фразы и явствует, что игра вначале называлась пешками, а затем шахматами, подходить к такому толкованию названий надо очень осторожно. Это могла быть ошибка позднейшего восприятия. Характер-

---

[18] *Н. Е. Ончуков.* Печорские былины. СПб., 1904, стр. 119.
[19] Там же, стр. 303.

но, однако, что здесь фигурирует игра не в «пешки-шахматы» (подобно выражению «игра в шашки-шахматы»), а «во пешки, во шахматы». Отсюда можно сделать вывод: хотя игра и называлась шахматами, но так как половину «войска» на доске составляли пешки, точнее пешьцы, и все фигуры по своим размерам были миниатюрными, то в чисто художественном восприятии певцов, в их образной речи могли прозвучать мотивы игры «во пешки, во шахматы».

Наконец, обращает на себя внимание употребление слова «тавлеи», или, что то же самое, «велеи».

Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тыи велеи золоченыя.

В XVI—XVII вв. тавлеями на Руси называлась пришедшая с Востока игра в кости. Отсюда некоторые исследователи сделали опрометчивый вывод, что налицо путаница, в которой повинны певцы, не знавшие шахмат. Например, по мнению В. Я. Проппа, высказанному в его монографии о русском героическом эпосе, первоначально в былинах фигурировала особая игра в кости (тавлеи), требующая большой ловкости, которая «впоследствии была вытеснена шахматами, известными лишь понаслышке».

Так ли это на самом деле? Ведь тем самым лишаются всякого художественно-обобщающего и историко-бытового смысла десятки шахматных эпизодов, встречающихся в эпосе, вплоть до некоторых бытовых деталей («Шах да и мат да и под доску!») и древней шахматной терминологии. Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним кратко историю игры тавлей, до сих пор известной на Востоке и пользующейся популярностью, в частности, в Средней Азии и на Кавказе, где бытует под названием нардов. Возникла игра тоже на Востоке немногим более тысячи лет назад и некоторое время спустя получила распространение в странах Западной Европы, где стала называться трик-траком, и на Руси, где ее именовали тавлеями.

Когда же появились тавлеи на Руси? Не раньше XII—XIII вв., судя по игральным костям (которые отличаются от плоских костей, применявшихся для древних игр). Впервые такие кости были найдены при раскопках древ-

него Новгорода в слоях тех же веков[20]. Но тогда, судя по церковной литературе, запрещавшей игры в кости, последние назывались леками, зернью. А в XVI—XVII вв. эти названия исчезают и игра в кости фигурирует уже под именем тавлей. Так, в сборнике «Пчела», относящемся к XVI столетию и содержащем морально-религиозные наставления, с упреком обращаются к тем, кто увлекается играми: «Тавлеи и шахи у многих из вас обретаемы суть, книг же ни у кого, разве у малых»[21].

Возникает вопрос: что же в таком случае обозначал термин «тавлеи», появившийся на Руси гораздо раньше, чем одноименная игра. Само слово «тавлея»—древнеславянское и происходит от латинского tabula — «доска». По-видимому, в обобщенном смысле — игры с досками — термин и употреблялся в древнейшие времена у славян. Когда же певцы говорили: «во тыи тавлеи золоченыя», то имели в виду игру с шахматной доской, к тому же золоченой. Кстати, эпитет этот в описании доски употреблялся не для красного словца — тогда бы говорилось: «тавлеи золотыя». Но это была бы несуразица, ибо никто доски золотыми не делал. Золоченые же доски имели обыкновение делать на Руси с давних пор и примерно до XVIII в включительно.

Таким образом, былинное выражение, которое с точки зрения сегодняшнего языка выглядит бессмыслицей, имело в эпосе Киевской Руси совершенно конкретный смысл: играть фигурами (шашками) на досках (тавлеях, велеях) в игру, именуемую шахматами. А в поэтическом обрамлении народных сказаний мы читаем:

Играют в шашки-шахматы,
Во тыи велеи золоченыя.

Кстати, тавлеями (велеями) назывались игры не только с шахматными, но и с любыми игровыми досками. Естественно поэтому, что игра, в которой доска является главным и наиболее характерным атрибутом, а именно такой оказались нарды, стала называться тавлеями. И произошло это гораздо позже того, как появились и распространились шахматы.

---

[20] *А. В Арциховский.* Раскопки восточной части дворища в Новгороде.— «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 1 М.—Л., 1949, стр. 161, 171, рис. 11.

[21] *Ф. И. Буслаев.* Историческая хрестоматия. М., 1861, стр. 552.

Следовательно, певцы, слагавшие былины о подвигах богатырей, были большей частью хорошо осведомлены о шахматах. Если же иногда они сами не играли, то были достаточно наблюдательны, чтобы исторически реально, в бытовом плане правдиво передать и характер шахматных битв, и обычаи первых шахматистов, и терминологию шахматной игры. Все это нашло в эпических произведениях художественно обобщенное и предельно лаконичное отражение, что, как известно, вообще характерно для стиля былинного эпоса.

Сопоставление сцен шахматной игры со всей бытовой обстановкой пиров Владимира, запечатленной в былинах, а также с археологическими памятниками XI—XIII вв., с этимологическими и другими источниками позволяет сделать вывод, что героический русский эпос отражает историко-бытовые реалии шахмат периода Киевского государства. Именно в ту эпоху сложились традиционные выражения и обобщенные «формулы» описания шахматных состязаний, которые мы находим в фольклоре.

Пройдя сквозь века, былины не могли не иметь наслоений. Там, где сказители из поколения в поколение более точно передавали традиционные формулы, там до нас дошло все своеобразие шахмат Киевской Руси. Там же, где сказители, не имея достаточного представления о шахматах, вносили свои толкования заступей и тавлей, там мы встречаемся с незарубцевавшимися ранами... В частности, там ничего не стоило «заступовать» заступь, превратить шахматы в тавлеи или даже в шахматы играть «золотыми тавлеями». Поэтому предстоит еще много исследовательского труда, чтобы во всей широте показать, как выглядела шахматная жизнь и культура Киевской Руси в художественном отображении народного эпоса.

Но уже те картины шахматной жизни Древней Руси, которые открываются перед нашим взором сегодня благодаря народным былинам, интересны, разносторонни и выразительны. А в связи с археологическими открытиями последнего времени, приведшими к большому числу находок шахматных фигур во многих древнерусских городах, еще более возрастает историко-познавательное значение героического эпоса для изучения шахматной культуры на Руси.

ОТ МОСКВЫ ДО МАНГАЗЕИ

XVI и XVII вв. ознаменованы стремительным ростом Руси, ее экономическим и политическим подъемом. Образование Русского централизованного государства и расширение границ на востоке, реформы Ивана IV, борьба с польской, литовской и шведской интервенцией, крестьянская война под предводительством Степана Разина и другие события до основания потрясли Древнюю Русь и способствовали превращению ее в обширную Российскую империю.

Все это наложило отпечаток и на развитие культуры. Возводятся новые строения Московского Кремля, начинается книгопечатание, принимаются новые законы и церковные установления. В XVII в. растет грамотность населения, заметно ослабевает влияние церкви, расширяются политические и культурные связи с Западом, развиваются историческая и публицистическая литература, народное прикладное искусство и эпос.

Новые веяния в жизни и культуре нашли своеобразное отражение и в шахматном искусстве. Если еще в XVI в. шахматы должны были пробивать себе дорогу сквозь все препоны, которые ставили на пути их распространения церковь и государство, то уже в следующем столетии под влиянием новых идей, просвещения, крепнущих связей с Западом появляются возможности для дальнейшего прогресса шахмат в России. От этого времени до нас дошло уже гораздо больше свидетельств о шахматной игре. И главное, они становятся более разнообразными. К упоминаниям о шахматах в русских рукописных источниках и первых книгах прибавляются показания иностранцев, побывавших в России. По-прежнему сохраняют свое значение археологические находки, которые свидетельствуют о популярности игры и дальнейшей эволюции шахматных фигур на Руси.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «СТОЛБЦЫ» ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

В XVI столетии шахматы были еще в немилости у церкви. Во многих дошедших до нас церковных посланиях и поучениях эта игра осуждается наряду с пением, танцами, музыкой. «И биричьем играють, и шахы, и лекы, и тавлеи, и через огнь скачють»,— с возмущением констатирует «Слово св. Григория» падение нравов в обществе. Дело дошло до того, что в «Требнике» (вторая половина XVI в.) среди вопросов, которые должны были ставиться священником на исповеди, назывались и такие: «Не играл ли еси шахматы или лекы или в гусли играл?»

Даже священники были подвержены «грехопадению» и потому служили предметом особой заботы церкви. В «Правилах» о церковном устройстве (XV—XVI вв.) записано: «Аще поп звери ловить или птиц, или ястребы носить, или играеть лекы и шахы и на беседе сидит, аще же не останется, да извержется».

Особенно рьяно выступил против тех, кто играл в шахматы, митрополит Даниил (ум. в 1539 г.). В его проповедях шахматы ставились в один ряд не только с азартными играми в кости, но и с музыкой, плясками, пьянством и т. п. В послании Даниила духовенству, составленном в 1522 г., содержатся призывы воздерживаться от мирских соблазнов: «Ныне же суть неции от священных, яже суть сии пресвитеры и диаконы, и иподиаконы, и четцы, и певцы, глумяся, играют в гусли, в домры, в смыки, к сему жь и зернию, и шахматы, и тавлесьми, и в песнях бесовских, и в безмерном и премногом пьянстве и всякое плотское мудрование и наслаждение паче духовных любяще, и тако себе и иным великий вред бывающе...»[1]

В таком же духе высказался о шахматах и составленный в конце первой половины XVI в. «Домострой» протопопа Сильвестра (ум. в 1566 г.), пронизанный заботой о нравах состоятельных слоев общества. В «Домострое» давались советы о том, как хозяину и хозяйке экономно вести хозяйство в доме, как хранить платье, готовить блюда, как жить в полном соответствии с требованиями церкви. Всем тем, кто нарушал эти предписания, угрожали проклятием: «А кто не по бозе живет, не по христиан-

---

[1] «Памятники старинной русской литературы, изд. А. Пыпиным и Н. Костомаровым», т. IV. М., 1847, стр. 201—202.

скому житию, корчмит, всегда ест и пьет без воздержания, в объедение и пьянство, и праздников и поста не хранит... и всякое дьявольское угодие творит, и скоморохи и их дела, плясание и сопели, песни бесовские любя, и зернию и шахматы и тавлеи сам, государь, или государыня творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их. а они, государи, о том не возбраняют и не обороняют, и управы не дают: прямо все вкупе будут во аде, а зде прокляты»[2].

Не приходится удивляться, что созванный в Москве из крупных духовных лиц и бояр Стоглавый собор 1551 г. (назван так по сборнику решений, где было 100 глав) включил в число запрещенных игр шахматы. Интересна мотивировка 92-й главы: «Еще же мнози от неразумия простая чадь православных христиан во градех и в селах творят еллинское бесование, разные игры и плясания... Сего ради отрицают вся божественные писания и священные правила, всякое играние и зернь, и шахматы, и тавлеи, и гусли, и сопели, и всякое гудение, и глумление, и позорище (зрелище) и плясание...»[3]

Конечно, ссылка на священное писание была в те годы серьезным доводом. Однако шахматы уже столько времени бытовали в народе, что трудно было даже таким путем доказать их вред. К тому же не было секретом, что сам царь Иван IV, собравший Стоглавый собор, и после него проводил за шахматами многие часы. Сохранились воспоминания о том, что Иван Грозный умер во время игры в шахматы.

По примеру царя в шахматы продолжали играть многие бояре, от них не отставали дворяне и посадские люди. Так сама жизнь постепенно отменила постановление «Стоглава» о шахматах. В «Соборном уложении» 1649 г. о них не говорится ни слова.

В некоторых семьях крупных феодалов любовь к шахматам прививалась детям с раннего возраста. Во всяком случае «мастерам грамоты», как тогда называли преподавателей, уже не возбранялось учить игре в шахматы. В «Гражданстве обычаев детских», где в форме вопросов и ответов давались наставления, шахматы не входили в

---

[2] *А. Орлов.* Домострой по Коншинскому списку. М., 1908, стр. 10 (вторая нумерация).

[3] «Стоглав». Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 263.

Страница «Лицевого букваря» Кариона Истомина. Москва, 1694 г.

«игры заповедани суть», как, например, «всякое костырство, кости, карты, купание в воде» и т. д.

Одним из первых печатных изданий, где упоминались шахматы, был «Лицевой букварь» (1694, 1696 гг.) монаха московского Чудового монастыря Кариона Истомина. Здесь каждая буква проиллюстрирована рисунком и изображениями людей — «лицами» (отсюда и название букваря), а под ними несколько полезных сведений и советов. На странице, где иллюстрировалась буква «Ш», среди разных предметов была изображена и шахматная доска с надписью: «Шахматы». Тем самым автор как бы отдавал дань популярности игры.

Однако сам он не был поклонником шахмат, о чем свидетельствовала подпись, составленная в старой церковной традиции:

Яко шар везде в службе ти катайся
В игре шахматов не велми считайся
Без того мощно имети забаву
Токмо все твори на божию славу[4].

По букварю обучались грамоте и царские дети. Рукописные документы — столбцы московской Оружейной палаты свидетельствуют о том, что при царском дворе, вопреки наставлениям Истомина, немало времени посвящали шахматной «забаве». На эти рукописные материалы еще в прошлом веке обратил внимание историк И. Е. Забелин, автор многотомного исследования быта русских царей XVI и XVII вв. Однако, судя по приведенным отрывкам, в поле его зрения оказались далеко не все интересные письменные свидетельства о шахматах. Некоторые были обнаружены позднейшими исследователями, а некоторые впервые изучены автором настоящей работы в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Еще маленьким царевичам покупали и доставляли в хоромы комплекты шахматных фигур. По сохранившимся документам можно, например, узнать, что Алексею Михайловичу (ему шел тогда седьмой год) 4 января 1636 г. купили в Овощном ряду деревянные шахматы и доски за

[4] «Лицевой букварь Кариона Истомина». Изд. И. Тарабрина. М., 1916, стр. 43—44.

три алтына две деньги, а 13 января — три набора костяных шахмат за 24 алтына и 6 денег; что в 1676 г. для четырехлетнего царевича Петра Алексеевича живописец Ив. Салтанов расписывал красками, серебром и золотом маленькие шахматцы [5].

Интересно отметить, что за шахматами нередко проводили время и в женских хоромах царского двора. Вот характерное распоряжение. «194(1686) году генваря в 18 день по указу великих государей думной дворянин Михайло Тимофеевич Лихачев приказал купить в хоромы великие государыни благоверные царевны и великие княжны Марфа Алексеевна шахматные доски с шахматы рыбей или слоновой кости доброго мастерства.

Того же числа после пометы дьяка Кирила Тиханова куплено в Оружейную Полату доски шахматные писаны по золоту баканом и ярью виницейскими репьи шахматы слоновой кости точеные Овощного ряду у торгового человека у Аврама Астафьева, а по договору за те доски и шахматы довелось ему дать денег по цене за доски двадцать шесть алтын четыре деньги, за шахматы пятнадцать алтын, всего рубль восемь алтын две деньги.

Генваря в 20 день те доски шахматные из Оружейные Полаты в хоромы великие государыни и благоверные царевны и великие княжны Марфы Алексеевны поданы. Приняла боярыня Анна Андреевна Измайлова» [6].

С тех пор как московского князя стали величать царем, к шахматам, где главной фигурой был царь, относились как к игре царской. В какой-то мере, может быть, этим объясняется тот культ шахмат, который был создан при дворе еще во времена Ивана Грозного, но особенно ярко он проявился в период царствования Алексея Михайловича (1645—1676).

Под впечатлением виденного Яков Рейтенфельс, посол Рима в Москве в 1670—1673 гг., писал о системе воспитания царских детей: «...Танцы, кулачные бои и другие распространенные у нас благородные упражнения у русских не допускаются вовсе. В так называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему

---

[5] *И. Забелин.* Домашний быт русских царей, т. I, ч. II. М., 1915, стр. 88.

[6] Центральный Государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), ф. 396, ст. 24020.

поистине царскую, они играют ежедневно, развивая ею свой ум до удивительной степени»[7].

О том, что шахматы были любимым времяпрепровождением Алексея Михайловича, хорошо знали всюду — и на Руси, и за рубежом. Не случайно поэтому бранденбургский посол Иоахим Скультет во время своего вторичного путешествия в Москву, куда он прибыл 16 августа 1675 г., включил в подарки царю драгоценный набор шахмат. То были художественно отделанные шахматный столик и фигуры из серебра, которые несли четыре человека. Шахматы эти, до сих пор хорошо сохранившиеся,— образец тонкой ювелирной работы. Все фигуры изображены в динамике: офицер, бегущий с палицей, галопирующий всадник, слон с восседающим воином, король в кольчуге, королева и, наконец, солдаты с ружьями. Между прочим, в той же манере были изготовлены из серебра, по-видимому тем же мастером, 28 фигур, выставленных в музее Цюриха и датированных 1680 г.

В иной манере и из другого материала изготавливались драгоценные шахматы на Руси. Они делались как правило из кости — слоновой, моржовой («рыбьих зубов») и рогов. Различались шахматы резные (обычно изобразительные, в соответствии с русскими названиями фигур) и точеные. Те и другие можно было приобрести в городах на крупных торгах или заказать ремесленникам-косторезам.

В Москве костяные шахматы для царского двора приобретались обычно в Овощном ряду Торговые ряды, а их только в Китай-городе насчитывалось до 20, были разбросаны по всей столице. Торговля в них строго регламентировалась: каждый знал, где какой товар продавать, что в Холщевом, а что в Охотном, что в Самопальном, а что в Овощном ряду. Так уже повелось, что шахматы продавались в Овощном ряду. Известны даже имена торговых людей, которые во второй половине XVII в. выставляли здесь на продажу шахматные фигуры: Федор Дмитриев, Марк Леонтьев, Петр Алексеев, Корнила Андреев, Авраам Астафьев, Федор Константинов и др. Вот своеобразная купчая с подробным описанием двух комплектов шах-

---

[7] *Я. Рейтенфельс.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680. Перев. с лат.— М., 1905, стр. 149.

мат — точеных и изобразительных («с личиками»), которые были куплены в Москве 29 декабря 1685 г.

«193 г. декабря в 29 день.

По Указу великого государя и по приказу боярина оружейничего Петра Васильевича Большого Шереметьева куплено в Оружейную Полату Овошного ряду у торгового человека Дмитровские сотни у тяглеца у Петра Алексеева двои доски шахматные: одни писаны по серебру репьи, к ним шахматы слоновыя кости, резные, золоченые, с личиками; другие доски писаны золотом и краски по бакану и по яри виницейской репьи ж, к ним шахматы точеные слоновой кости. А по договору денег ему дать по цене: за первые доски с шахматы резными — рубль три алтына две деньги; за другие доски с шахматы точеными — двадцать один алтын четыре деньги; всего рубль двадцать пять алтын.

И того же числа боярин и оружейничей Петр Васильевич Большой Шереметьев доски шахмотные с шахмоты, которые даны рубль три алтына две деньги, подал в хоромы к благоверной государыне царевне и великой княгине Марфе Алексеевне, а другие доски с шахмоты ж по ево же приказу боярина и оружейничего Петра Васильевича оставлены в запас в Оружейной Полате для того, что досок писаных шахмотных в запасе нет»[8].

При Алексее Михайловиче были взяты на службу в Оружейную палату специальные мастера для изготовления шахмат и потому именовавшиеся шахматниками. По относящимся к XVII столетию «Приходным и расходным книгам олова, слоновой и рыбей кости, сусальному и волоченому, золоту и серебру, талку и проч.» видно, как много драгоценного материала отпускалось на изготовление шахмат. Здесь же упоминаются и мастера, которые делали костяные фигуры и золоченые доски, и даже иконописцы, разрисовывавшие доски разными красками. Некоторые из них были «иноземцами», т. е. выписывались из Белоруссии, Польши, северных областей Руси. Мастерами костяного и янтарного дела были Иван Дракула, Данило Григорьев, Самойло Богданов, Иван Никитин, Яган Ган, Федька Семенов, Кирила Толкачев и др. Вот один из столбцов — отчет о работе мастеров Кремля:

---

[8] ЦГАДА, ф. 396, ст. 22983.

«188(1680) г. апрель 8-й день по указу великого государя и по приказу боярина и дворецкого и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово да стольника Ивана Степановича Телепнева велено костяного дела токарю Самойлу Богданову зделать в запас двои шахматы из слоновой кости: одни с бердыши и с ружьем резные, другие — гладкие, точеные. А к тому делу ему Самойлу дать из Оружейные Полаты по его скаске слоновой кости восемнадцать фунтов шестьдесят семь золотников.

И мая в пятый день костяного дела токарь Самойло Богданов из той кости двои шахмат против указу великого государя зделаны принес. Обрезков от той кости ничего не принес. Сказал, что та кость к тому делу вся пошла.

И мая в 7-й день по указу великого государя те шахматы из Оружейной Полаты к нему великий государь в хоромы подал стольник Иван Степанович Телепнев»[9].

ШАХМАТЫ ДОБРОГО МАСТЕРСТВА

Для XVI—XVII вв. археологические находки продолжают сохранять свое значение. Они не только подтверждают справедливость тех или иных сообщений письменных источников, но представляют и самостоятельный интерес, раскрывая дальнейшую эволюцию древнерусских форм шахматных фигур. В последнее время благодаря раскопкам в Москве и на Севере (остров Фаддея и Мангазея) мы уже располагаем достаточным количеством археологического материала для исследования эволюции древнерусских шахматных фигур в XVI—XVII столетиях, для изучения районов наиболее широкого распространения шахмат на территории Русского централизованного государства. К сожалению, остается неясным, как развивались шахматы в рассматриваемый период в Новгороде, ибо начиная с конца XV в. верхний пласт состоит из сыпучей, сухой и в значительной степени перекопанной земли и потому не сохранил памятников культуры XVI—XVII вв. Зато раскопки в других городах привели к интереснейшим находкам, позволяющим сделать целый ряд важных выводов о развитии шахмат.

---

[9] Там же, ст. 19215.

Москва. По сравнению со многими другими городами Руси Москва до последнего времени была менее исследована археологически. Специальные раскопки здесь начались в 1946 г., а впервые шахматные фигуры были найдены в 1949—1951 гг. (совместная экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Музея истории и реконструкции г. Москвы).

Раскопки проводились в районе Зарядья, в Китай-городе. В древности на этом месте был Великий посад, населенный ремесленниками и купцами. В XV—XVI вв. в связи с присоединением к Москве удельных княжеств район застраивался крупными усадьбами — домами бояр и служилых людей. Тут оставались еще искусные мастера резьбы по дереву и кости, чьи изделия, в том числе шахматы, предназначались для состоятельного населения посада. В слоях XIV—XV вв. и главным образом в развалинах зданий XVI—XVII вв. были найдены вместе с множеством других бытовых предметов 11 шахматных фигур из нескольких комплектов.

При раскопках одной усадьбы XVI столетия обнаружены три деревянные фигуры, вырезанные без применения токарного станка Остальные находки были сделаны в разных местах и большей частью напоминают современные пешки. Три из них выточены из кости, четыре из дерева. Костяные фигурки украшены орнаментом из линий и кружочков [10]

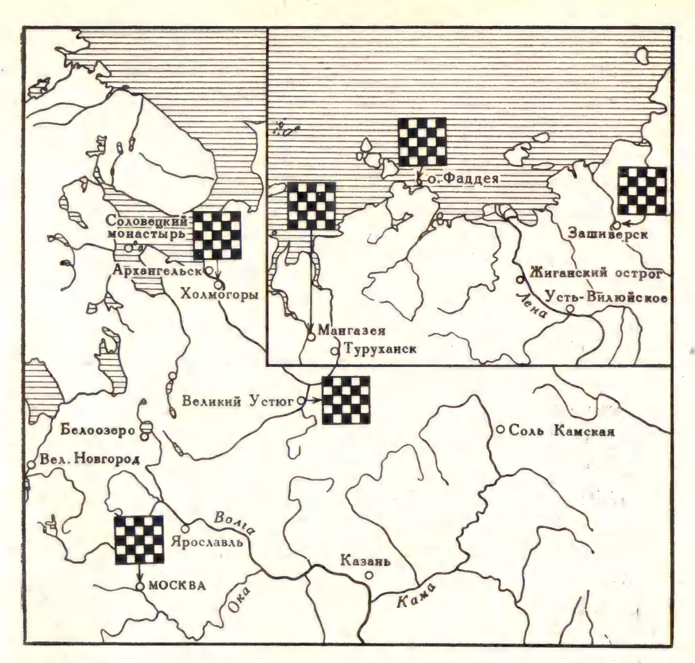
Эти находки дали возможность сделать вывод о распространении шахмат среди разных слоев населения древней Москвы. И уже совершенно определенно к такому заключению можно прийти в результате раскопок 50-х годов, проводившихся Московской экспедицией Института археологии АН СССР [11]. При этом найдено около двух десятков фигур XV—XVII вв.

В новой археологической коллекции шахмат древней Москвы необычайно большой процент (больший, чем в Новгороде) деревянных фигур: 15 из 18. Объясняется это не только тем, что Зарядье находилось у Москвы-реки, где, как и в Новгороде, влажная почва хорошо сохраняла

---

[10] *М. Г. Рабинович.* О древней Москве. М., 1964, стр. 302—303.

[11] См., например: *А. Ф. Дубынин.* Археологические исследования в Зарядье (Москва).— КСИИМК, 1956, вып. 65, стр. 122, рис. 41, *5*; 1959, вып. 77, стр. 95, рис. 41,*7*.

Карта археологических находок шахмат в России. XVI—XVII вв

деревянные предметы. По всей вероятности, дерево было уже тогда основным материалом, из которого московские ремесленники делали шахматы для местного сбыта. Многие экземпляры оказались искусно выточенными на станке, и лишь отдельные были сделаны любителями шахмат вручную. Другая особенность коллекции состоит в том, что все фигуры найдены порознь и представляют, следовательно, разные комплекты. Подобно тому как на Руси в XII—XV вв. отдельные косторезы-ремесленники специализировались на массовом производстве шахмат, в Москве появились токари-шахматники, изготовлявшие костяные фигуры преимущественно для состоятельных слоев общества.

Холмогоры. Особым искусством изготовления шахмат славились мастера из села Холмогоры, которое находилось на севере Руси, недалеко от Архангельска. Из слоновой и моржовой кости они вырезали изобразительные фигуры в соответствии с шахматной терминологией.

Холмогорцы работали в московской Оружейной палате еще в середине XVII в. С 1656 г. в Оружейном приказе числились два замечательных мастера, насильно вывезенные из Холмогор,— Прокопий и его племянник Евдоким Шешенины[12]. Особенным мастерством в резьбе по кости и дереву отличался Евдоким (ум. в 1667 г.). Столь же искусного резчика в Москве не удавалось найти; поэтому царь Алексей Михайлович в 1670 г. предложил на месте, в Холмогорах, изготовить 10 комплектов шахмат и такое же число гребней. Об этом заказе упоминал еще И. Забелин (правда, допустив неточность в датировке события). Нам представляется документ настолько интересным и живо отражающим нравы того времени, традиции холмогорцев в работе над костяными шахматами, что мы решаемся привести его лишь с незначительным сокращением:

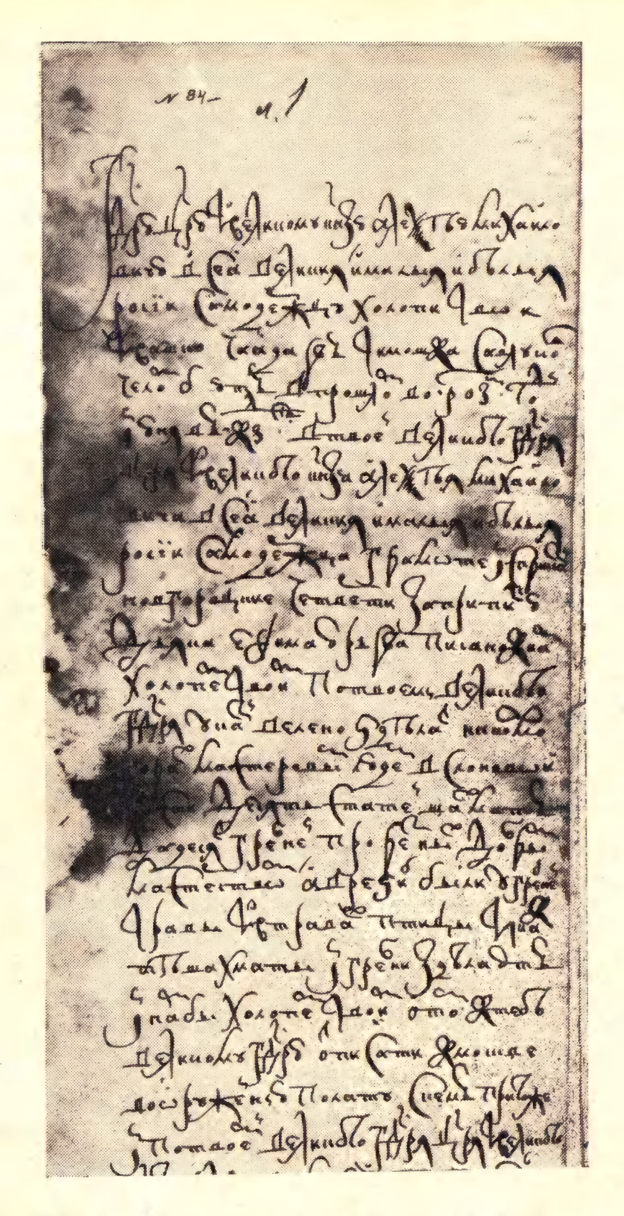
«Государю-царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу холопи твои Ивашко Чаадаев, Тимошка Савлуков челом бьют.

В прошлом 178 (1670) году июня в 27 день в твоей великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца грамоте по приказу Новгороцкие четверти за приписью дьяка Ефима Юрьева писано к нам холопем твоим, по твоему великого государя указу велено зделать на Колмогорах мастеровым людем слоновой кости десять статей шахмат да десять гребней прорезных добрым мастерством, а врези были у гребней травы, и в травах птицы. И как те шахматы и гребни зделают и нам бы холопем твоим о том к тебе великому государю отписать к Москве во Оружейную Полату, с кем пригожа

И по твоему великого государя-царя великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя России самодержца указу мы, холопи твои, у Архангельского города и на Колмогорах, собрав мастеровых людей — всех гребенщиков и которые шахматы делают — велели им зделать в слоновой кости десять статей шахмат, да десять гребней прорезных, добрым мастерством, с травами и с птицы. И колмогорцы посацки мастеровые люди гребен-

---

[12] *О. В. Овсянников.* Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971, стр. 73—75.

№ 84
л. 1

Фотокопия дела об изготовлении 10 комплектов шахмат холмогорцами по приказу царя Алексея Михайловича, 1670 г.

щики Дениско Зубков с товарыщи 22 человека в съезжей избе подал нам, холопем твоим, скаску за своими руками. А в скаске их написано, что у них гребенщиков про твой великого государя обиход десяти гребней прорезных в слоновой кости добрым мастерством, чтоб в рези были у гребней травы и в травах птицы, зделать некому... А шахматы де из них, гребенщиков, трое человек — Дениско Зубков, да Ивашко Катеринин, да Кирилко Саламатов делывали.

И мы, холопи твои, велели им, Дениске с товарыщи, зделать десять статей шахмат добрым мастерством розными статьями и на те, государь, шахматы, на десять статей, велели им купить кости слоновой у торговых людей. И те мастеровые люди, Дениско Зубков с товарыщи, зделав, принесли к нам, холопим твоим, в съезжую избу шахматов семь статей, а трех де статей шахмат, сказали нам, что им ныне делать не в чем. В пожарное де время в лавках у них кость вся сгорела, а купить де им после ярмонки было не у ково. А дано, государь, за те шахматы за семь статей, за кость и от мастерства шесть рублев девятнадцать алтын з деньгою. А те шахматы семь статей послали к тебе, великому государю-царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Руси самодержцу, к Москве мы, холопи твои, запечатав. Я, холоп твой Ивашко, своею печатью с двинскими целовальники с Ваською Малаховым, да с Ваською вторюю в отписку велели подать и шахматы объявить во Оружейной Полате твоему государеву боярину и оружейничему Богдану Матвеевичу Хитрову да дьяком»[13].

В конце XVII в. мастерские Оружейной палаты прекратили свою деятельность, и холмогорские косторезы вернулись домой, где продолжали работу. Большое место в их прикладном искусстве занимали и шахматы, которые пользовались спросом в Москве и Петербурге.

Шахматы холмогорских косторезов находят археологи как во время раскопок Москвы, так и в самих Холмогорах. Например, при археологических раскопках в Холмогорах на Подракурском посаде среди различных костяных изделий (по-видимому, здесь располагалась мастерская ремесленника-костореза) была найдена (1960 г.,

---

[13] ЦГАДА, ф. 396, ст. 12580, лл. 1—4 (приведен в сокращении).

О. В. Овсянников) шахматная фигура абстрактного типа, выточенная из слоновой кости.

Великий Устюг. Один из центров средневековой Руси. Начал заселяться новгородцами еще в XIII в. В следующем столетии русские на своих «кочах» бороздили Северное море и осваивали богатства Севера, способствуя одновременно сохранению и развитию культурных традиций Новгорода. В XVI—XVII вв. Великий Устюг был важным торговым пунктом Русского централизованного государства. Здесь среди вещей XVI—XVII вв. была найдена (1959—1960 гг., А. В. Никитин) костяная шахматная фигурка (по-видимому, короля), близкая по своим очертаниям к находкам Зарядья.

Мангазея. С расширением спроса на продукты беломорских промыслов возникли в XVII в. новые города в глубине «студеной тундры». В 1601 г. на тюменском Севере был основан город Мангазея, откуда пошло освоение зауральской территории. Эту торговую столицу Северной Сибири и все богатое пушниной мангазейское воеводство стали называть «златокипящей государевой вотчиной». Немногим более 70 лет просуществовал город, когда по приказу царя население перебралось на другое зимовье — Туруханское, где возникла Новая Мангазея[14]. В 1968—1969 гг. на городище древней Мангазеи проводила раскопки экспедиция Арктического и Антарктического научно-исследовательского института при участии Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР. В районе вечной мерзлоты хорошо сохранились остатки большого комплекса жилищно-хозяйственных построек воеводской усадьбы, мангазейского кремля и посада. Среди находок обращают на себя внимание многочисленные костяные и деревянные шахматы и впервые обнаруженные древнерусские шахматные доски. В 1968 г. было найдено 50 фигур (19 костяных и 31 деревянная), а в следующем году — 24 фигуры (7 костяных и 17 деревянных). Размеры их невелики: высота 1,7—2,2, диаметр основания 1,2—2 см. Они делались из кости разных сортов — моржовых клыков, ископаемых бивней мамонта, рогов оленя или лося. Бо́льшая часть выточена на токарном станке.

---

[14] *М. И. Белов, О. В. Овсянников.* Раскопки Мангазеи.— «Советская археология», 1972, № 1.

Находки в Мангазее составляют одну из ценнейших коллекций древнерусских шахмат и свидетельствуют о популярности этой игры в быту русских поморов XVI—XVII вв.

Остров Фаддея. Еще в 1940—1941 гг. на берегу залива Симса и на небольшом острове Фаддея экспедиция советских гидрографов, описывая очертания Таймырского полуострова, неожиданно натолкнулась на развалины избушки из плавня, где оказались различные вещи погибших здесь людей: серебряные монеты, солнечные часы, обломки лодки и судовых снастей, а также многочисленные шахматные фигуры. В 1945 г. вещи были описаны специально направленной сюда группой историков и археологов. Судя по всему, это были остатки экспедиции опытных русских мореходов-промышленников, направляющихся из Мангазеи на восток осваивать новые земли. Обнаруженные монеты позволяют датировать комплекс вещей и саму экспедицию началом XVII в. Подробное описание и исследование шахмат произвел ленинградский археолог С. Н. Замятнин, пришедший к выводу, что перед нами форма, типичная для Руси XVI—XVII вв. Найденные 28 целых и поломанных костяных фигурок высотой не более 3,6 см являются частью разрозненных (трех-четырех) комплектов. Из них от одного набора сохранилось 13 фигур, от другого — 12.

Зашиверск. Старинный русский городок возник в Сибири в начале XVII в. между Леной и Колымой, в связи с развитием пушного промысла и освоением территории Крайнего Севера. Во время раскопок Зашиверска в 1969 г. археологической экспедицией Института истории Сибирского отделения Академии наук СССР среди многочисленных отбросов косторезной мастерской была найдена украшенная тончайшей резьбой шахматная фигура.

Археологические открытия XVI—XVII вв. показывают, что игра была популярна не только в древних городах, но и всюду, где возникали новые русские поселения, особенно в северных землях Московского государства. Находки фигур в Москве, Мангазее и на острове Фаддея составляют ныне значительную археологическую коллекцию XVI—XVII столетий и позволяют выявить некоторые характерные особенности основных типов древнерусских шахмат той эпохи.

ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ШАХМАТ
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

(СВОДНАЯ ТАБЛИЦА)

	Восточные (арабские) шахматы VIII–IX вв.	XI – XIII вв			XIII – XV в	
		Абстрактные		Изобразительные шахматы	Абстрактны	
		Восточная символика	Новая символика		Древнерусская абстракция	Новгородск восточной символики
КОРОЛЬ						
ФЕРЗЬ						
ЛАДЬЯ						
СЛОН						
КОНЬ						
ПЕШКА						

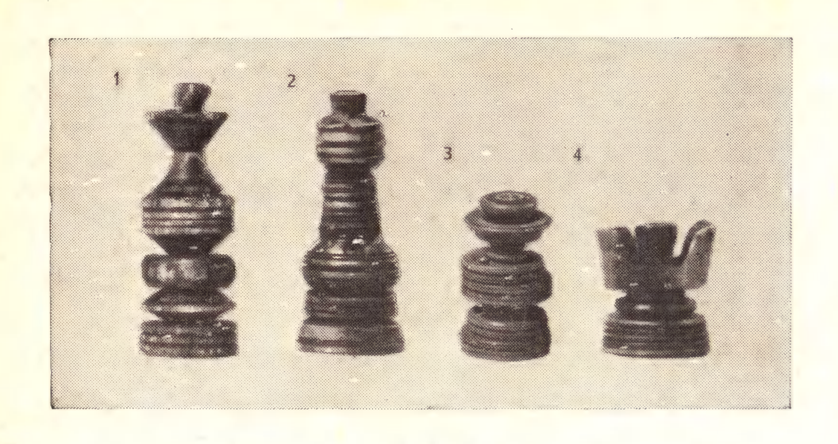
XIII - XV вв			XVI - XVII вв			Современные шахматы
Абстрактные			Абстрактные		Изобразительные шахматы	
Новгородская модификация						
восточной символики	древнерусской абстракции		Традиционная символика	Московская модификация		

Как бы ни были устойчивы формы и типы шахматных фигур, каждая эпоха накладывает на них свой отпечаток. Это связано с техникой обработки дерева и кости, особенностями в развитии ремесла, с общекультурными влияниями зарубежных стран и народов, а также с факторами, которые не всегда еще удается учесть достаточно полно. Остается, например, загадкой, как происходила трансформация новгородской символики в формы фигур, характерные для древнерусских шахмат XVI—XVII вв. Новгородские шахматные традиции, по-видимому, были особенно устойчивы у северных поморцев. Достаточно сказать, что в Мангазее встречаются еще, хотя и редко, фигуры с восточной символикой.

Наиболее типичной формой в XVI—XVII вв., непосредственно развившейся из новой абстракции древнерусских шахмат XIII—XV вв., явились шахматы двух модификаций: многоярусные фигуры традиционного древнерусского типа и фигуры с новыми особенностями, характерными для времени Московского государства. Между ними нет принципиальной разницы. В той и другой модификации есть много общих черт. В конце концов обе они в XVIII—XIX вв. трансформировались в единый современный тип шахматных фигур.

В разработке компонентов многоярусных шахматных фигур замечаются определенные изменения в сравнении с фигурами абстрактного типа XIII—XV вв. Исчезают ярусы в виде чашевидных углублений при выточке королей и ферзей, не встречаются столь четко выраженные особенности в слонах, явно проскальзывает стремление к изобразительности в изготовлении коня. И лишь одна фигура — ладья — оказывается довольно устойчивой, по-видимому, потому, что она носила и раньше в достаточной мере изобразительный характер.

Король и ферзь. На сегодняшний день мы еще не имеем достаточно материала для четкого разграничения этих фигур. Скорее всего они различались в основном размерами. Наиболее существенный признак — сложная профилировка. Многие такие фигуры найдены в Москве, на острове Фаддея и в Мангазее. Фигура короля состоит из нескольких, порой до шести-семи, ярусов, выполненных в форме небольших цилиндриков, конусов, кольцевых перехватов, декорированных тонкими параллельными линиями. В выточке фигур чувствуется мастерство токаря-

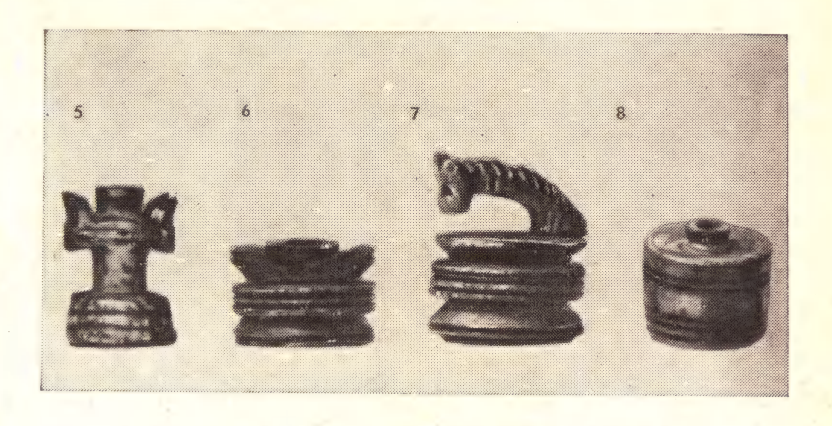
Многоярусные фигуры традиционного типа. XVII в. Мангазея

1 — король, дерево; *2* — ферзь (?), кость; *3* — слон (?), кость; *4—6* — ладьи, кость; 7 — конь, кость; *8* — пешка, дерево

шахматника. От древнерусских абстрактных фигур XIII—XV вв. мастер-ремесленник воспринял идею включения в число компонентов фигуры свободно вращающихся вокруг оси колец. Как уже отмечалось, в двух новгородских находках имеется по одному такому кольцу, как бы вдетому между основанием и первым чашевидным ярусом. В одной из мангазейских фигур их два: одно, как и в прежних образцах,— над основанием, второе — над следующим цилиндрическим ярусом. Сделать это было тем труднее, что размеры короля сравнительно невелики: высота — 3,5, диаметр основания — 2,2 см. Такой сложный технический прием получил распространение в северных районах Руси и в резьбе по дереву. Но в небольших деревянных шахматных фигурах выточка их была бы крайне затруднительна, и мы пока что не встречаемся с вращающимися кольцами.

В XVI—XVII вв. появляются уже отдельные экземпляры деревянных фигур, выточенные на токарном станке. В то же время упрощается сама конфигурация шахмат. Унифицируется форма большинства фигур — короля, ферзя, слона и пешки, которые теперь различаются главным образом размерами.

Ладья. Наиболее устойчивая форма фигуры, не изменившей своих очертаний на протяжении XII—XVII вв. При раскопках в Москве, Мангазее и на острове Фаддея найдено в общей сложности 20 экземпляров ладьи: в

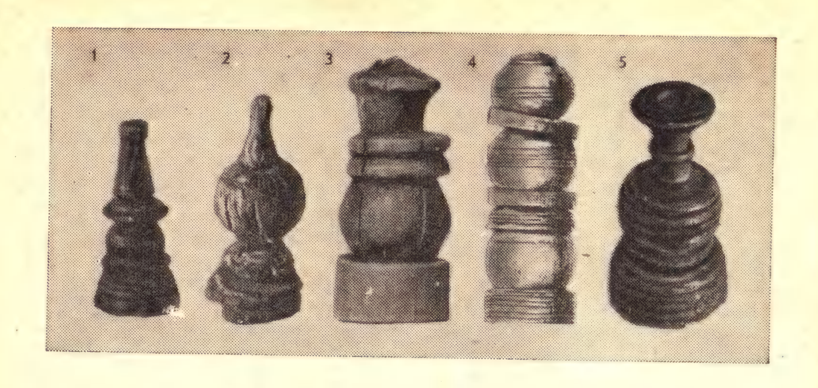

Москве — четыре деревянные, на острове Фаддея — шесть костяных и в Мангазее — пять костяных и пять деревянных.

Конь. Как уже отмечалось, в абстрактных фигурах XII—XV вв. древнерусского типа пока не найдено ни одной фигуры коня. Судя же по одной из изобразительных фигур новгородского коня, близкой к современной (т. е. изображающей лишь голову коня), можно предположить, что именно в таком направлении изменилась восточная символика на русской почве, как, впрочем, позднее и на Западе. Подтверждением этой точки зрения служат две костяные находки в Мангазее в 1968 г.: они реалистически воспроизводят очертания головы и шеи коня. У одного из них штрихами отмечена гривка.

От рассмотренной абстракции фигур несколько отличается модификация, названная нами московской. Дело в том, что для находок в московском Зарядье, а также ряда фигур Мангазеи и особенно на острове Фаддея был характерен один компонент в очертании фигур, который придает им своеобразие. Мы имеем в виду шаровидное туловище, составляющее как бы основу, над которой уже воздвигаются небольшие надстройки в виде шпилей, цилиндрических поясов, кольцевых перехватов и т. п. Само туловище покоится, как правило, на прочном цилиндрическом основании.

Король, ферзь, слон, пешка. Наиболее отчетливо своеобразие шахмат древней Москвы передает точеная костяная фигурка, найденная в слое XVI в. и напоминающая

Шахматные фигуры

1 — 2 короли, дерево, XVI—XVII вв. Москва; *3* — король, дерево, XVII в. Мангазея; *4* — король, кость, XVII в. Холмогоры (рис. О. В. Овсянникова); *5* — ферзь, кость, XVI в. Москва; *6—7* — слон и пешка, кость, XVII в. Мангазея; *8* — ладьи, дерево: *а* — XVI в. Москва, *б* — XVII в. Мангазея

по форме ферзей и королей современных шахмат. Она состоит из высокого круглого основания, шаровидного туловища, длинной шейки, перехваченной кольцевидным утолщением и увенчанной «шапкой» с неглубоким отверстием в центре. Последнее служило, по-видимому, для вставки атрибута, который мог бы превратить фигуру в короля или ферзя. Характерен орнамент — несколько утолщенных параллельных линий, выточенных как на основании, так и на туловище. Это придает шахматам нарядность и вместе с тем заменяет нагромождения разнообразных утолщений и кольцевых перехватов, встречающиеся в некоторых костяных и деревянных фигурах московского Зарядья и Мангазеи.

Интересны также находки деревянных фигур с шаровидным туловищем в Москве и Мангазее. В мангазейском короле над шаровидным туловищем еще возвышается цепь ярусов из мощных кольцевых перехватов и перевернутого конуса. Их высота невелика — от 2 до 4,3 см.

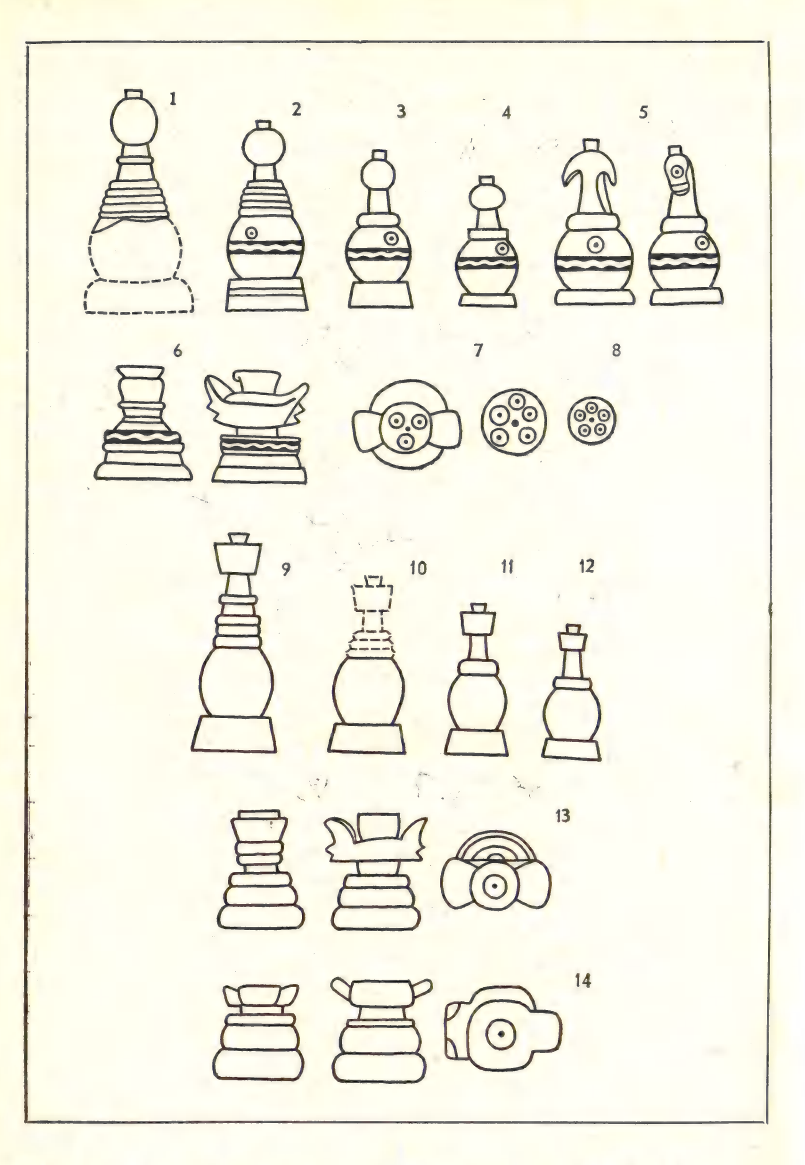
Но в целом для XVI—XVII вв. характерно стремление унифицировать фигуры королей, ферзей, слонов и пешек. Это особенно отчетливо можно проследить на примере находок фигур на острове Фаддея. В них мы видим своеобразное сочетание двух модификаций шахматных фигур. Основу составляет шаровидное туловище, покоящееся на цилиндрическом основании; зато верхняя часть изделия —

облегченная профилировка первой модификации: несколько тонких колец над туловищем и миниатюрный конусовидный ярус увенчивают изделие и придают ему изящество. Фигуры, по-видимому, не окрашивались, а размеры их строго повторялись, уменьшаясь с рангом: король — 3,6, ферзь — 3,2, слон — 2,8, пешки — 2,4 см.

В фаддеевской коллекции встречаются и экземпляры другого комплекта шахмат, в котором вместо небольших опрокинутых конусов в верхней части фигур имелись миниатюрные шарообразные утолщения. По-видимому, у некоторых мастеров — это зависело от вкуса — появлялось желание усилить характерный элемент — шарообразные очертания. Это также отчетливо видно на примере находки в Холмогорах. Ее основу составляют три сферических утолщения, разделенные кольцевыми перехватами, причем два из них свободно вращаются вокруг остова фигурки. Высота — 4,5, диаметр основания — 1,5 см. У фигурки недостает лишь верхней части, которая ввинчивалась в гнездо с нарезкой.

Ладья. Костяные ладьи, найденные на острове Фаддея, и деревянные ладьи, обнаруженные при раскопках Зарядья в Москве и Мангазеи, относятся к одному типу абстрактных фигур. В фаддеевских находках высота ладьи не превышает 1,8—2 см. В раскопках Зарядья найдены и деревянные фигуры, датируемые XVI — началом XVII в. Размеры их строго выдержаны и высота не превышает 2,7 см. Основания у ладей такие же, как и у королей и ферзей,— цилиндрические, большей частью высокие. Аналогичные фигуры ладей (семь экземпляров), но порой еще более приземистые, обнаружены в Мангазее.

Шахматные фигуры. Кость. XVII в. Остров Фаддея (рис. С. Н. Замятнина)

1 — король; *2* — ферзь; *3* — слон; *4* — пешка; *5* — конь; *6*, *7*, *8* — ладьи; *9* — король; *10* — ферзь; *11* — слон; *12* — пешка; *13—14* — ладьи

Следует подчеркнуть, что в этих фигурах чувствуются ассоциации с реальными ладьями и потому, как правило, боковые выступы отличаются от тех, которые были у шахмат восточного типа. Иначе говоря, найденные экземпляры по своей конфигурации находились еще одной ногой в Древней Руси, а другой уверенно шагнули в новое время. Интересно также отметить, что закономерности развития фигур, в частности их унификация, были в целом примерно такими же, что и на Западе. Большую самобытность можно наблюдать в трактовке ладьи, которая лишь в конце XVII—XVIII в. под влиянием Запада сменяется «башней» (при сохранении русского термина).

Конь. В находке коня на острове Фаддея голова и шея покоятся на шаровидном туловище. Отсюда можно заключить, что отход от восточной символики в изображении этой шахматной фигуры обозначился в XVI—XVII вв. еще более явственно. Однако это не исключало того, что в ряде комплектов, как о том свидетельствуют находки в Мангазее, еще применялась фигура коня с символическим передним выступом.

В целом же восточная символика в шахматах этого времени почти не прослеживается. В московской археологической коллекции и в фаддеевских комплектах нет ни одной фигуры восточной абстракции, а в мангазейских находках из 70 фигур лишь три могут быть признаны модификацией восточной символики. Это — ладья, конь и, возможно, король. Скорее всего они попали сюда вместе с новгородскими выходцами, которые, как уже говорилось, активно участвовали в освоении русского Севера. Во всяком случае если составить из находок абстрактных древнерусских шахмат XVI—XVII вв., выточенных на токарном станке, костяные или деревянные комплекты, то эти фигуры никак в них не «вписываются».

Почти третью часть археологических находок шахмат Москвы и Мангазеи составляют шахматы простой выделки, сделанные любителями из дерева от руки без применения токарного станка. Свидетельствуя, по-видимому, о социальной принадлежности владельцев — неимущих слоев населения, фигуры-самоделки вместе с тем характеризуют их знакомство с традициями древнерусской абстракции шахмат, а также народную интерпретацию этой символики. Но если мастерство ремесленника в значительной мере проявлялось в рамках традиций, сложившихся

на Руси, то фантазия любителя шахмат была гораздо меньше скована этими требованиями и критериями, и потому простые формы шахматных фигур имели довольно разнообразные очертания.

Возвращаясь к основным типам древнерусских фигур XVI—XVII вв., мы не можем пройти мимо изобразительных шахмат, которые получили распространение, правда, среди довольно узкого круга лиц, но интересны как произведения прикладного искусства, иллюстрирующие художественное мастерство косторезов.

Если русские шахматные термины на протяжении многих веков оставались неизменными, то комплекты изобразительных шахмат, изготовлявшихся в соответствии с этими названиями фигур, были в разное время различными, отражая жизнь и быт эпохи, а порой и иноземные веяния. Так как наборы эти очень ценились, то утеря фигур бывала, естественно, крайне редкой. На сегодняшний день мы располагаем великолепной, хотя и небольшой еще, коллекцией изобразительных шахмат XI—XIII вв. и имеем благодаря дошедшим музейным комплектам холмогорских шахмат представление о традиции их изготовления в конце XVI—XVII в. Период же XIV—XV вв. остается в этом отношении «белым пятном».

В материалах раскопок XVI—XVII вв. изобразительные фигуры встречаются пока что только в Зарядье. Одна из них обнаружена рядом с домом приказного XVII в. и представляет собой искусно вырезанную из кости фигуру, по-видимому, из дорогого иностранного комплекта.

Такое предположение сделано в связи с тем, что пешка изображала человека, одетого в камзол и круглую шляпу с полями, какие носили в то время в Западной Европе [15].

Но особенно интересна найденная (1957 г., А. Ф. Дубынин) в слое начала XVII в. костяная шахматная фигурка, изображающая всадника с саблей в руке. Размеры скульптурки (высота—5, длина — 3,6 см), форма основания и вся сохранившаяся часть фигуры не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами утерянный конь из холмогорского набора «с личиками».

---

[15] *Г. П. Латышева, М. Г. Рабинович.* Москва в далеком прошлом. М., 1966, стр. 236—237.

Шахматные фигуры-самоделки. Дерево. XVII в. Мангазея

Уже тот факт, что ремесленник в данном случае изобразил всадника, а не просто коня — в соответствии с русским термином, — свидетельствует о влиянии зарубежных шахмат. Являя собой образцы косторезного искусства XVII в., холмогорские комплекты вместе с самобытными чертами (изображения ладей и слонов) отразили и веяния с Запада — модные в то время восточные и античные мотивы в трактовке шахматных фигур.

Массивность холмогорских шахмат (их высота от 3 до 8 см), изобразительный характер фигур, наконец, сам ма-

териал — слоновая или моржовая кость — все это придавало комплекту своеобразную величавость, богатство. Подобные наборы могли позволить себе заказать, конечно, лишь цари, бояре да богатые купцы.

На реалистическую манеру в изображении шахматных ладей и слонов обратил внимание еще И. Т. Савенков. В дальнейшем при изучении истории шахматных фигур многие зарубежные авторы приводили обычно холмогорские произведения как образцы древнейших русских шахмат. И только теперь благодаря археологическим находкам стало ясно, что холмогорские произведения представляли лишь один из позднейших этапов в истории шахматных фигур Древней Руси.

Во время раскопок Мангазеи археологами впервые были найдены древнерусские деревянные шахматные доски XVII в., или, как их тогда называли, шахматницы. В 1968 и 1969 гг. обнаружили четыре доски. Некоторые из них плохо сохранились или были грубо обработанными экземплярами. Лишь половина одной доски дошла до нас в хорошей сохранности и дает представление о ее размере (80,8×41 см). На доске прорезаны ножом клетки, раскрашенные светлой и темной краской. С обратной стороны вырезаны четыре буквы: «ШХ.ШХ». В 1973 г. была обнаружена еще одна резная шахматная доска с надписью «Фока». Она найдена в большой двустворчатой усадьбе, принадлежавшей промышленнику [16].

В этой связи следует также указать на находку, сделанную десятью годами ранее во время археологических раскопок двора Теремов Московского Кремля (на месте строившегося Дворца съездов). Во время работ обнажились белокаменная кладка и кирпичная вымостка засыпанного при сломе палат нижнего яруса здания дворца Натальи Кирилловны. Здесь найден обломок гладкого белого камня с чертежом — семь почти равных по размерам прямоугольников, часть из которых пересечена диагоналями. По всей вероятности, то был обломок шахматной доски. «Вполне возможно,— пишет руководитель раскопок палат,— что именно каменщики, строившие палаты, процарапав гладкую плиту известняка, играли на ней наспех

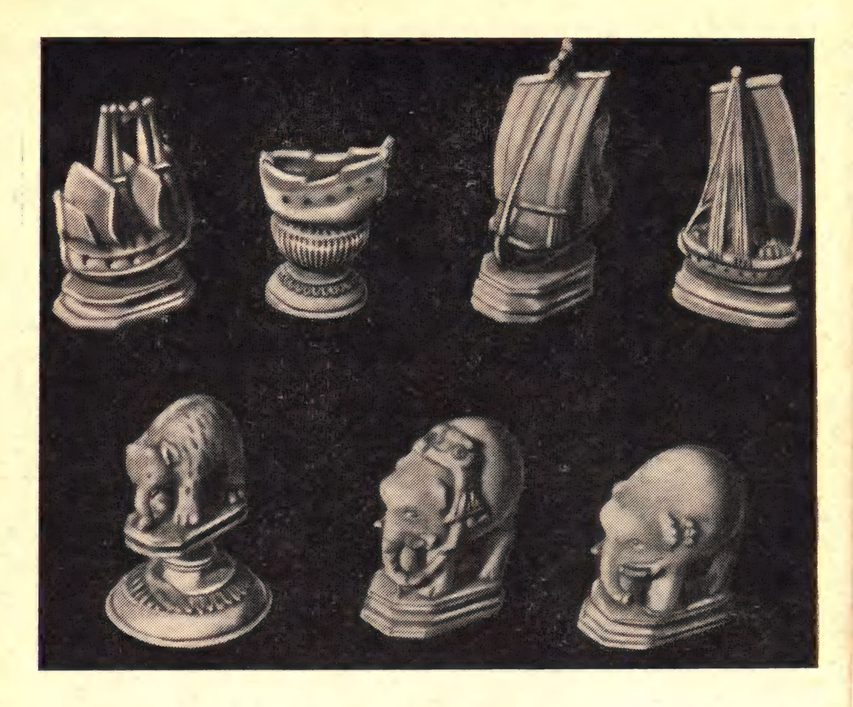
---

[16] *М. И. Белов, В. Ф. Старков.* Раскопки Мангазеи.— «Археологические открытия 1973 года». М., 1974, стр. 184.

Шахматные фигуры

Вверху — находки археологической экспедиции: пешка, кость, XVII в. Москва; конь, кость, начало XVII в. Москва; Внизу — холмогорские шахматы XVII—XVIII вв. (Государственный исторический музей. Москва)

Ладьи и слоны. Кость. XVII—XVIII вв. Холмогоры (Государственный исторический музей, Москва)

сделанными фигурами, а затем импровизированную доску пустили в кладку»[17].

Отсюда можно заключить, что поля шахматной доски в XVII в. раскрашивались уже в два цвета; порой же чередование разных клеток достигалось простым орнаментом в виде пересекающихся диагоналей. Кстати, о существовании такого приема для разметки шахматной доски свидетельствует и находка символической фигуры ладьи в Тракае (XIV—XV вв.), «паруса» которой украшены аналогичными клетками.

Для более широкого представления о том, какими были древнерусские шахматные доски, требуются еще находки

[17] *А. Г. Векслер.* Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле.— В кн. «Древности Московского Кремля». М., 1971, стр. 211.

Шахматная доска. Дерево. XVII в. Мангазея

более ранней эпохи. Они, в частности, позволят ответить на вопрос, когда одноцветные клетки шахматных досок (такими они были при заимствовании игры с Востока) стали раскрашиваться в два цвета или разделяться чередованием клеток диагонального орнамента.

Но уже сейчас можно утверждать, что в отличие от надолго укоренившейся восточной традиции изготовлять шахматные фигуры соперников одного цвета (ее археологи отмечают даже в находках древнерусских абстрактных фигур XVII в.) в шахматных досках гораздо раньше появились клетки двух цветов. По-видимому, это произошло под влиянием Запада, где клетки досок раскрашивались в два цвета уже в средние века.

Найденные в Мангазее шахматные доски — простой выделки. Но, как свидетельствуют столбцы Оружейной палаты, для дорогих наборов костяных шахмат доски не-

редко украшались позолотой. Следует ожидать и находок таких досок, притом не только XVI—XVII вв., но и относящихся к периоду Киевской Руси. Ибо не случайно русские былины упоминают, что в шахматной игре пользовались «велеями золочеными». По всей вероятности, такие драгоценные доски делались издревле на Руси. Впрочем, и в странах Запада в песнях менестрелей нередко говорится о досках, украшенных золотом и серебром.

Таким образом, вопросы об эволюции шахматных досок на Руси и об атрибутах, с помощью которых различались в игре фигуры соперников, остаются еще наименее изученными.

ФЕРЗЬ ВСЯЧЕСКАЯ

Письменные источники, археологические находки и свидетельства иностранных путешественников не оставляют сомнений в том, что шахматы имели широкое распространение на Руси в XVI—XVII вв. Но при всем том до нас дошло ничтожно мало сведений о характере игры, правилах борьбы и другой специфике шахматного творчества. Что же касается практической силы русских шахматистов, то она была, по-видимому, немалой. Об этом говорят показания иностранных очевидцев. Англичанин Турбервиль, побывавший в Москве вместе с послом Рандольфом в 1568 г. и написавший в Лондон ряд писем в стихах, которые были объединены позднее в книге «Сказание о России», утверждал: «Очень распространена игра в шахматы, чуть ли не каждый сумеет дать вам шах и добавить мат; их искусство проистекает из большой практики».

Не изменились и впечатления зарубежных путешественников, посетивших Русь век спустя. «Умелыми игроками» назвал русских Адам Олеарий, трижды посетивший Москву в 30-х годах XVII в.

Особенно интересны два сообщения иностранцев о шахматных увлечениях русских, приезжавших в составе посольства в Италию и Францию. А. Серристори доносит правительству республики Венеции, что приехавшие в 1656 г. из Москвы посол и сопровождавшие его лица в праздничные дни к обедне не ездят, а остаются дома и играют в шахматы, «что и составляет лучшую их доблесть; и действительно, они играют в эту игру, как слыш-

но, в совершенстве»[18]. Это сообщение тем более интересно, что у итальянцев в эпоху Возрождения было немало сильных шахматистов и они считались тогда лучшими в Европе.

В таком же духе высказалась французская хроника о времяпрепровождении членов московского посольства, прибывшего в Париж к Людовику XIV в 1685 г.: «...Маршал Гюмьер, забрав в Сен-Дени московских посланников, привез их сегодня на аудиенцию в придворных каретах; их два, а свита состоит человек из пятидесяти. Его величество принял их в полдень, сидя на троне; они не видели принцев. Эти русские превосходно играют в шахматы; наши лучшие игроки перед ними школьники»[19].

Эта протокольная запись событий может скрывать за собой какое-то состязание членов русского посольства с парижскими шахматистами или свидетельствовать о хорошем знании шахмат хроникером, наблюдавшим игру русских. Во всяком случае автором этих строк был француз, и нет никаких оснований обвинять его в пристрастии к московскому посольству.

Ясно, что не могут ошибаться в своих описаниях иностранцы, если они одновременно «трубят в одну трубу». На это уже указывали исследователи (Саргин и др.), вынужденные опровергать истолкования некоторых западных историков, сомневавшихся в истинности сообщений иностранных путешественников.

Сейчас, после того как археологами найдено множество шахматных фигур при раскопках в Москве, Мангазее и других городах Руси XVI—XVII вв., приведенные высказывания перестают быть голословными и приобретают еще бóльшую весомость и документальность.

Интересно и другое. Ни в одном из отзывов не сообщается о каких-либо существенных различиях между правилами игры русских шахматистов и принятыми тогда правилами во Франции, Италии и других западноевропейских странах. Если бы были резкие отличия, то это, наверное, произвело бы впечатление и получило бы отзвук даже в хроникальных отчетах. Значит, на Руси к тому

---

[18] «Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России» М., 1871, стр. 12—13, 187.

[19] «Летописи круглого окна (хроника частных апартаментов двора и гостиных Парижа) Тушара Лафосса», т. II. СПб., 1873, стр. 125

времени были уже хорошо известны нововведения западноевропейских шахмат. По всей вероятности, эти правила были в ходу наряду с местными. Ибо, судя даже по более поздним источникам, тогда в игре применялись на Руси некоторые специфические ходы, явившиеся результатом многовекового самобытного развития шатранга.

В шатранге борьба развертывалась крайне медленно. Поэтому европейские шахматисты, стремясь сделать игру более живой, придали дополнительную силу фигурам, позволив им двигаться на большом пространстве доски. Особенно важным было превращение в дальнобойную фигуру ферзя (XV в.). Соединив силу двух фигур — ладьи и слона, ферзь внес в игру вихрь комбинаций и новых идей. Недаром итальянцы стали называть после этого шахматы «бурной игрой».

Прошло, однако, немало времени, прежде чем эти нововведения распространились и получили признание в Италии и Франции, а затем в Германии, Польше, России и других странах. Мэррей отмечает, что еще на рубеже XVI и XVII столетий наблюдается неустойчивость в европейских правилах. В частности, здесь под влиянием русских начали применять в этот период одновременные (без очереди) ходы двумя пешками в дебюте, стали объявлять шах ферзю, засчитывать противнику вечный шах как выигрыш.

Отсюда можно заключить, что на рубеже XVI и XVII столетий, когда началось более тесное соприкосновение шахматной культуры Руси и стран Центральной Европы, влияние было не односторонним, а взаимным.

Одновременное движение двух пешек в начале партии представляло собой одну из первых на Руси попыток вырваться из тисков медленного шатранга. В отличие от восточных табий, представлявших собой готовые дебютные построения, русские начинали игру с обычной расстановки фигур, за которой следовало решительное (хотя и значительно более короткое, чем в табии) начало. Правило это надолго задержалось в России: оно рассматривалось в Петербурге даже при составлении первого шахматного устава в 50-х годах прошлого века.

Убедительным свидетельством оригинального развития шатранга на Руси явилось правило движения ферзя. Если на Западе ферзю было открыто свободное движение по диагоналям, вертикалям и горизонталям, то русские

шахматисты наделили его еще возможностью двигаться ходом коня. Тем самым он стал в шахматах еще более могучей фигурой, соединив силу ладьи, слона и коня. Когда появился такой ход? Пока нет материалов, которые помогли бы раскрыть истоки возникновения «ферзи всяческой», как стали называть на Руси сильнейшую фигуру после введения нового правила. В литературе она впервые упоминается в академическом словаре: «В шашечной большой игре (т. е. в шахматах.— *И. Л.*) шашка по царе первенствующая, имеющая право ходить всеми образами других шашек и в сем случае называется ферзь всяческая» [20].

Ход этот долго еще удерживался в практике русских шахматистов. Ибо даже в 20-х годах о нем упоминали Бутримов и Петров. Но, развивая теорию игры применительно к международным правилам, оба шахматиста, естественно, не придерживались его.

Эти примеры говорят о том, что на Руси, как и в Италии, во Франции и других западноевропейских странах, примерно в то же время наблюдался процесс изменения правил, превращения шахмат в более стремительную игру. Первоначально развитие это протекало самобытным путем. На рубеже XVI—XVII вв. становится заметным перекрестное влияние западных и русских шахмат.

Между прочим, прогресс шахматной игры в ту эпоху нашел своеобразное отражение в народном эпосе. Во времена Киевской Руси, да и в XIII—XIV вв., когда игра еще носила на себе печать медленной стратегии шатранга, важно было скорее приступить к сражению и редко удавалось довести дело до мата. Теперь же, когда игра велась более быстро, мат стал той манящей далью битвы, которая пленяла своей идеей и красотой любителей шахмат. Вот почему народные певцы, изображая шахматный поединок, стали теперь делать упор не на начало игры — заступь, получившей в древности терминологическое значение шахматной партии, а на конец борьбы, заключительный финал — мат. Появление этого элемента в народном творчестве может тем самым помочь фольклористам в определении времени создания эпического произведения, того или иного включения в древний сюжет.

---

[20] «Словарь Академии Российской», ч. VI. СПб., 1794, стр. 483.

В связи с этим представляют особый интерес известные эпические поэмы о Чуриле Пленковиче. Одни исследователи сравнивали их с народными балладами, а на основании некоторых бытовых деталей относят к позднейшим творениям эпоса (XVI—XVII вв.). Другие находят сходство с отдельными былинами Киевской Руси и путем сопоставления с летописями ищут соответствующие упоминания главных действующих лиц. По мнению Б. А. Рыбакова, произведения эти возникли еще в период Киевского государства как боярские новеллы и главным действующим лицом в них был прототип Чурилы — сын Олега Тмутараканского, князь черниговский Кирилл-Всеволод Ольгович, упоминаемый в летописи в начале XII в. [21]

Вполне возможно, что и в данном случае историческая первооснова была такой же далекой, как и в других былинах. Однако в XVI—XVII вв. сюжет эпического произведения оказался, вероятно, столь близким в бытовом плане к жизни феодальной знати, что от конкретной реальности киевских времен, кроме имени героя да общей сюжетной линии, мало что осталось. На такую мысль наводит, в частности, рассказ о шахматной игре. Здесь сохранились традиционные приемы описания шахматного поединка, но многое в содержании, прежде всего упор на матовый финал, было результатом веяний нового времени.

Да брала Катерина та доску хрустальнюю,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а с им во шахматы,
Говорила Катерина та Микулична:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да я тя поиграю — тебя бог простит,
А ты меня поиграешь — тебе сто рублей».
Да первой раз играл Чурило, ею мат давал,
Да взял с Катерины денег сто рублей;
Да другой-де раз играл, да ей другой-де мат давал,
Да взял с Катерины денег двести рублей;
Да третий-де раз играл, да ей третий-де мат давал,
Да взял с Катерины денег триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальнюю,
Да шахматы бросила-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за белые.

---

[21] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М., 1963, стр. 135—138, 354—356.

Да сама говорила таково слово:
«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да я не знаю,— играть с тобою во шахматы,
Да я не знаю,— глядеть на твою красоту,
Да на твои ты на кудри желтые,
Да на твои ты на перстни злаченые.
Да помешался у меня разум во буйной голове,
Да помутились у меня-де очи ясные,
Смотрячись-де, Чурило, на твою на красоту»[22].

Дальнейшие события известны: Чурило сходится с женой купца Бермяты Катериной Микуличной, Бермята узнает об измене жены, и наступает трагическая для Чурилы развязка. Но в данном случае нас интересует не столько сюжет, сколько характер изображения шахматной битвы. Кроме игры на мат, следует отметить и другую новизну. На этот раз исчезают героические моменты шахматного сражения, и игра предстает как чисто бытовой элемент, как азартное состязание на деньги. Этого мы не встречаем в более ранних произведениях народного эпоса Древней Руси, здесь налицо дыхание новой эпохи.

Заметим также, что вместо механически повторяющихся сказителями «заступей» появляются (при сохранении традиционного принципа троичности) всем понятные игровые термины — «первый раз», «второй раз», «третий раз». И даже в том случае, когда певцы оказывались незнакомы с игрой и начинали дополнять рассказ своей терминологией и пояснениями, возникали нелепости, характерные уже для XVI—XVII вв. Тут мы встречаем, в частности, смешение шахматных терминов с карточными (играть в шахматы «на кон» и т. д.).

Для народного эпоса XVI—XVII вв. характерны развитие песенного жанра, индивидуализация образов. Действующими лицами в песнях были не богатыри, а простые люди. Значительно короче стали сюжеты. И конечно, лишь популярностью шахмат можно объяснить, что даже в коротких песнях певцы упоминали о шахматной игре. Здесь тоже складывались свои традиционные приемы. Так, характерна для песен была игра «красной девицы» с «доб-

[22] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», т. III. Изд. 4. М.—Л., 1951, стр. 181.

рым молодцем», причем победу одерживала обычно «красна девица».

Вот начало одной из них, интересной еще тем, что она была сложена в Архангельской губернии, где работали холмогорские умельцы.

Под славным крепким городом Архангельском,
На Васильевском славном острове,
На прибегище на Лодейном,
Что на пристани корабельной,
Тут построена изба новая,
Изба новая, караульная.
Что во той избе новой
Восемьсот удалых молодцов сидит;
Меж ими-то красна девица;
Она гораздна была играть в шахматы,
Обыграла удалого добра молодца [23].

В песнях того времени шахматы появляются как элемент быта для характеристики качеств героя или героини. В этом отношении показательна песня «Худа жена, жена умная». В ней рассказывается о том, как добрый молодец женился да уехал вскоре из деревни искать счастье по белу свету, пробыл 12 лет в Литве, а затем вернулся. И встретив «худую жену, жену умную», вспоминает о ней:

А ведь жили мы с тобой да близко поблизку,
Вместе грамоте с тобой училися,
А играли мы с тобою в шашки-шахматы,
Да во тее ли во илеи во немецкие [24].

Здесь уже веяние XVII в., когда под влиянием некоторых западных областей Руси изменяются представления об игре: вместо «заморской» она становится немецкой, польской, литовской и т. д.

К этому времени, а возможно и более раннему, относятся возникновение и бытование в народе нескольких характерных пословиц, связанных с шахматной игрой: «Шахнет, да махнет, ан и вся игра», «Шахнул ему — с поля долой», «Шаханья много, да мат один», «В шахматы играть — своих оберегать». Нужно, однако, иметь

---

23 «Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским», т. I. СПб., 1895, стр. 413—414.

24 «Былины Севера», т. II. М.—Л., 1951, стр. 256—257.

в виду, что этот «малый» жанр фольклора благодаря широте обобщений имеет тенденцию жить очень долго, по форме почти не изменяясь; потому он еще меньше поддается историческому приурочению к определенной эпохе, чем народно-поэтические тексты [25]. Лишь некоторые пословицы и поговорки можно с достаточной уверенностью «датировать» рассматриваемой эпохой. К ним относятся, например, следующие две, обыгрывающие термин «мат» и полные социального смысла: «Дожили до ма́ту, что ни вина, ни таба́ку», «Дожили до ма́ту: ни хлеба про голод, ни дров про хату».

Проникновение шахматных мотивов в усиленно развивающийся жанр народных песен, в пословицы — еще одно яркое свидетельство популярности шахмат на Руси в XVI—XVII столетиях.

---

[25] *В. П. Аникин.* Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок.— «Советская этнография», 1960, № 4, стр. 44.

ШАХМАТЫ В XVIII ВЕКЕ

XVIII и начало XIX столетия принесли много нового в развитие шахматной культуры России. Перестает открыто выступать против шахмат церковь. Вместе с тем все более заметным становится прогресс самой игры, правила которой претерпевают изменения по сравнению со средневековым восточным шатранджем. Развиваются связи русских шахматистов с западноевропейскими. А главное — начинают выходить в свет шахматные сочинения на русском языке и выдвигается плеяда первых мастеров, деятельность которых получает международное признание и закладывает фундамент для зарождения отечественной шахматной школы.

Менее ясен вопрос о социальной среде, в которой культивировались шахматы. Ибо литературные источники — столбцы Оружейной палаты, воспоминания современников, отрывочные сообщения в других документах — преимущественно дают представление о бытовании шахмат в XVIII столетии среди дворянства. О распространении же игры в народе сообщают, как правило, иностранцы.

В этот период мы, по-видимому, сталкиваемся с началом превращения шахмат из традиционной народной игры в область профессиональной культуры, для которой становятся характерными серьезные соревнования, развитие шахматной теории, появление шахматной литературы и клубов. Естественно, что носителями этой культуры в социальных условиях того времени становятся преимущественно представители дворянской интеллигенции.

Как известно, уже петровские преобразования поставили Россию вровень с крупнейшими государствами мира. Многое способствовало этому возвышению: реформы государственного аппарата и системы просвещения, стимулирование роста торговли и промышленности, создание регулярной армии и дальновидная внешняя политика. Но

успехи эти имели и оборотную сторону: укрепление помещичьего класса, развитие феодально-крепостнических отношений, усиление царской тирании. Неимоверно тяжелой стала жизнь народных масс в результате гнета крепостного права. Последнее делает понятным, почему в конце XVIII столетия не наблюдается столь же широкого распространения шахмат в народной среде, как в предшествующие века.

Определенное сужение социальной среды, в которой культивировалась игра, и постепенное превращение шахмат из традиционной народной культуры в профессиональную явилось, таким образом, закономерным следствием и перемен в общественной жизни, и прогресса самой шахматной игры в России.

НА ПЕТРОВСКИХ АССАМБЛЕЯХ

С юношеских лет пристрастился к шахматам Петр I. Сохранилось несколько документов тех лет, свидетельствующих об интересе Петра к шахматам. Вот один из них.

«191 (1683) г. апреля в 11 день по указу великих государей боярин и оружейничей Петр Васильевич Большой Шереметьев с товарыщи приказали купить в Оружейную Полату к подносным шахматным доскам шахматы точеные, рыбей кости, с шадрою, самые добрые, которые доски писаны в поднос перед святыя пасхи нынешнего 191 года.

По наряду из Оружейные Полаты великому государю-царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа великия и малыя белыя России самодержцу для того, что к тем шахматным доскам готовых шахмат в казне великих государей нет и зделать было не из чего, купить тотчас.

И того же числа по сей помете куплены шахматы точеные, рыбей кости, с шадрою и местами позолочены, Овошного ряду у торгового человека у Федора Дмитриева, а по договору за те за шахматы довелось ему дати денег по цене рублю пять алтын с распискою. Запись в расход»[1].

Игра в шахматы в течение всей жизни Петра I была его любимым занятием в часы досуга. Не забывал он о шахматах даже во время военных походов: у него были специаль-

---

[1] ЦГАДА, ф. 396, ст. 21334.

ные мягкие кожаные шахматницы. Одна из них сохранилась и выставлена сейчас вместе с другими вещами Петра I в ленинградском Эрмитаже.

Известны и партнеры Петра I по шахматам — придворный священник Иван Хрисанфович (поп Битка) да Степан Вытащи. Оба нередко упоминаются в походном журнале Петра I. Особенно много времени он проводил за шахматами в ненастные дни или когда ему нездоровилось. Так, 21 ноября 1716 г. Петр записал: «Играл в шахматы с Биткой весь день», 29 октября 1720 г.— «играл в шахматы весь вечер» и т. д. Бывало, он с удовольствием мастерил для себя шахматные фигуры. Запись от 16 ноября 1714 г. гласит: «Кушал в токарне, и был в ней, зачал точить шахматы». Любопытно также замечание зарубежного очевидца А. Боди, который в своем подробном описании жизни русского царя на водолечении за границей не преминул заметить, что Петр «не предавался любимейшему из времяпрепровождений наших вод карточной игре. В свободное время он играл только в шахматы»[2].

Петр не только играл сам, но и обучал игре сына, считая шахматы непременным элементом детского воспитания. По его приказу 28 октября 1697 г. семилетнему сыну Алексею были расписаны золотом шахматные доски «в аршин шириною по размеру, добрым мастерством».

Содействовал Петр I и распространению шахмат в придворных кругах. На зимних ассамблеях — дворянских собраниях, устраиваемых поочередно у вельмож, шахматы заняли прочные позиции. Живший в то время в Петербурге голштинский дворянин Ф. В. Берхгольц писал в своем дневнике: «Его величество император, когда мы приехали, сидел с одним старым русским за шахматами, в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож»[3]. Среди этих сановников, которые устраивали ассамблеи и где Петр играл в шахматы, были А. Д. Меншиков, адмирал Ф. М. Апраксин, юстиц-президент сенатор А. А. Матвеев, Б. И. Куракин и другие.

Сохранилось также любопытное сообщение об одной из ассамблей в Москве, устраивавшейся бывшим вице-президентом Синода и новгородским архиепископом Ф. Янов-

---

[2] *Альбен Боди.* Петр Великий на водах в Спа в 1717 году.— «Древняя и Новая Россия», 1880, т. XVI, стр. 589.

[3] «Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, 1721—1725», ч. II. М., 1902, стр. 109. Перев. с нем.

ским. О ней с возмущением писал в 1731 г. казанский митрополит Сильвестр Холмский: «Он же, Францышка, будучи в Москве, оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, уставил у себя самблеи с музыкою и тешится в карты, шахматы, и в том ненасытно забавлялся, якобы вместо всенощного пения себе вменял и других к тому принуждал... Да он же, Францышка, на московском подворье велел послужнику своему Тарасу с колокольни старинные колокола продать, чтобы не мешали ему во всю ночь в шахматы играть, потом довольно спать» [4].

После смерти Петра I шахматы на ассамблеях нередко вытеснялись азартной карточной игрой. Во всяком случае в середине XVIII в. и позднее шахматы становятся на них уже не столь популярными. Тем не менее в придворных кругах и тогда были отдельные страстные почитатели шахмат, в их числе князь А. Д. Меншиков, граф К. Г. Разумовский и др. Но не они определяли уровень шахматной культуры. Были в России шахматисты, которые, не имея громких титулов и крупных чинов, проявляли глубокий интерес к игре и играли сильно. Встречались и такие энтузиасты, как В. Н. Татищев, известный русский историк и государственный деятель, ряд лет управлявший казенными заводами на Урале. Исторические источники сообщают, что, приехав в 1734 г. проверять Егошихинский медеплавильный завод (позднее здесь возник город Пермь), он стал обучать служащих шахматной игре.

Немного сведений сохранилось о том, насколько распространены были тогда шахматы. Иностранцы продолжают еще отмечать широкое бытование игры в народе. Например, Ф. Х. Вебер из Брауншвейга в записках, относящихся к 1714—1719 гг., отмечал, что в шахматной игре «отличаются самые простые русские» [5]. И полвека спустя то же самое продолжает утверждать английский путешественник и историк У. Кокс: «Шахматы настолько распространены в России, что во время нашего пребывания в Москве мне почти не приходилось бывать в обществе, где бы гости не были заняты этим развлечением. И даже проходя по улицам, я часто наблюдал торговцев и простых людей за этой игрой перед дверями их лавок и домов» [6].

---

[4] «Шахматное обозрение», 1892, № 7, стр. 4.
[5] «Русский архив», 1872, стр. 1423.
[6] *William Coxe.* Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark, part I, 5 ed. London, 1802, p. 384.

У нас нет оснований подвергать сомнению приведенные слова Кокса, как это сделал Д. И. Саргин, заявив, что на самом деле «конечно, он наблюдал шашки»[7]. Даже если бы английский путешественник не знал шахматной игры, то и тогда такое предположение едва ли было бы правомерно: не так уж трудно отличить шахматы от шашек. Но как раз дальнейшая характеристика Коксом шахматной жизни России свидетельствует о хорошем знакомстве автора с предметом. Взять, к примеру, приводимое в записках исторически достоверное описание специфического русского правила игры ферзем (ферзь всяческая) и оспаривание мнения о нем известного французского шахматиста XVIII в. А. Филидора. Это правило не только не «губит игру» (так утверждал Филидор), а, напротив, по словам Кокса, «несомненно делает ее более сложной и трудной, а следовательно, и более интересной».

Ясно, что свидетельства современников-иностранцев и в целом и в частностях вполне правдиво передали факт бытования шахмат в России. Как и в предыдущие века, игра в ту пору имела распространение, по-видимому, среди разных кругов русского общества. И если на рубеже XVIII—XIX вв. наблюдалось определенное снижение популярности шахмат, то это в какой-то мере могло объясняться изменением положения городских ремесленников и мелких торговых людей, ощущавших на себе гнет нарождавшихся капиталистических отношений. В то же время праздные помещики стали предпочитать шахматам карты. Отсюда становится понятным, почему в 1824 г. первый мастер России А. Д. Петров с горечью писал, что «игра сия у нас не в большом еще употреблении», и считал своим долгом всячески содействовать ее распространению.

СКАЗ ОБ УМЕЛЬЦАХ ТУЛЫ И ПЕТЕРБУРГА

О XVIII в., естественно, не могут рассказать такие бесспорные свидетели, как археологические находки. Шахматные фигуры и комплекты, которые до нас дошли от того времени, представляют большей частью прекрасно выполненные русскими ремесленниками дорогие наборы, изготовленные для людей состоятельных.

---

[7] *Д. И. Саргин.* Древность игр в шашки и шахматы. М., 1915, стр. 163.

Продолжала греметь по России слава косторезов Архангельской губернии, делавших тончайшей работы изобразительные шахматы. Насколько высоко ценились их произведения, свидетельствуют, например, записки воспитателя Павла I Семена Порошина, купившего в 1764 г. для царских хором за сто рублей резные шахматы у «архангелогородца Дудина».

Нововведением в производстве шахмат явились комплекты из фарфора. Их начал изготовлять в середине XVIII в. казенный фарфоровый завод в Петербурге, основанный известным ученым Д. И. Виноградовым. Шахматы, сохранившиеся в ряде музеев — Эрмитаже и Русском музее в Ленинграде, Музее керамики и усадьбе Кусково XVIII в. и др., — представляют интерес не только для исследования прикладного искусства, но и для изучения истории шахмат. Фигуры выполнены совсем в другой манере, чем у холмогорцев. Шахматы потеряли свой «воинственный дух», они изображают людей в восточных костюмах, но полностью соответствуют русской шахматной терминологии. Слон изображен с проводником, восседающим на спине животного, а конь (без всадника) вот-вот готов сорваться с основания и умчаться в далекие степи... Характерно также изображение ладьи: в лодке без весел в свободной позе сидят мужчина и женщина. В реалистически-бытовой манере изображены и пешки, и центральные персонажи — король и ферзь. Интересно, что ферзь — не мужчина, не главнокомандующий, как принято в восточных шахматах, а женщина, ибо, как уже отмечалось, слово «ферзь» употреблялось в то время в женском роде.

Свободное композиционное построение, непосредственность поз придают фарфоровым шахматам еще большее изящество и легкость, характерные для произведений народного искусства. Неодинаковый размер пьедесталов, а также индивидуальная роспись шахматных фигур показывают, что каждая из них изготавливалась мастером отдельно. Поэтому изделия эти были трудоемкими и дорогими. Миниатюрные размеры скульптурок и формы устойчивых оснований свидетельствуют о том, что фигурки служили не для украшения, а были игровыми.

Неповторимым по художественному мастерству и отделке является набор шахматных фигур, изготовленный в 80-х годах XVIII в. тульскими оружейниками.

Еще в XV в. были известны «самопальные» мастера из Тулы, а два века спустя они уже селились в государевой слободе, где поставка оружия стала для них обязательной. В 1705—1712 гг. был построен оружейный завод, мастерам которого Петр I вменил в обязанность «делать ружей в год драгунских и солдатских по 15 000 фузей с ножами...» Туляки имели ряд привилегий. Они могли по казенной цене покупать железо, а продавать изделия беспошлинно. Поэтому сверх казенного жалованья они делали художественное оружие, которое затем отвозили на ярмарки. Могли они делать и другие художественные изделия. Об этом говорят шахматы из стали, украшенные воронением, золоченой бронзой и серебром. Инкрустация деталей этими металлами путем насечки на готовом предмете (с вколачиванием украшений) — характерный прием туляков. При изготовлении шахмат серебром отделывались черные фигу-

Шахматные фигуры. Фарфор. 60-е годы XVIII в. Петербургский завод (Государственный Эрмитаж. Ленинград)

ры, золотом — белые. В то время штамповку еще не знали, поэтому все фигурки сделаны вручную из нескольких (до десяти) кованых деталей, искусно насаженных на штырь.

Тульские шахматы интересны и в чисто историческом отношении: в комплекте имелись символические и изобразительные фигуры. Король, ферзь, слоны и пешки были похожи на башни, укрепленные на прочных основаниях и увенчанные сверху своеобразным шпилем. Здесь ясно видны классические удлиненные пропорции, характерные для европейских символических шахматных фигур XVIII в. И только два вида металлических скульптур носят изобразительный характер. Это ладьи, имеющие вид лодок, и кони, сделанные в форме античных гиппокампов (так назывались мифологические кони с рыбьими хвостами).

Перед нами — изумительное произведение прикладного искусства XVIII в. Невольно вспоминается сказ Лескова о косом Левше и стальной блохе. Кто же был мастером, изготовившим эти шахматы? Ведь по манере отделки и здесь чувствуется рука одного человека. Эти фигуры сделаны тульским мастером и художником Адреяном Сухановым.

Наконец, возникает еще один вопрос: для кого были сделаны эти фигуры? Ведь работали над ними долго и стоили они очень дорого. Сделаны они были, оказывается, в подарок императрице Екатерине II. В 1779—1782 гг. специальная комиссия разработала план строительства ансамбля сооружений нового Тульского оружейного завода. Екатерина подписала проект, но денег не отпустила. Тогда-то в 1782 г. и получила она в подарок от тульских оружейников стальную шкатулку, декорированную золоченой бронзой. На ней — рельефное изображение неосуществленного проекта. Но чтобы намек на несдержанное слово императрицы был не очень явным, в шкатулку были вложены любимые ею шахматы: два с половиной комплекта. Четыре года спустя, в 1786 г., шкатулка с шахматными фигурами попала в комнату редких вещей Эрмитажа и была занесена в опись как «коробочка четыреугольная стальная с крышкою, местами золоченая... Внутри оной оклеено бархатом малинового цвету и сделаны места для вороненных шашек, коих числом восемьдесят штук»[8].

---

[8] Архив Государственного Эрмитажа, оп. 6, лит. К, № 1, стр. 411.

Екатерина II действительно играла в шахматы. По ее указанию в Царском Селе и подмосковном Покровском дворце были установлены столики с шахматами. В эту игру она вносила элементы парадности. Это хорошо знали придворные вельможи. В 1796 г. граф А. С. Строганов устроил для прибывших в его загородный дворец Екатерины II и шведского короля Густава IV партию живых шахмат. На лугу, где зеленым и желтым дерном выложили «шахматную доску», слуги, переодетые в средневековую одежду, передвигались в соответствии с ходами шахматной партии.

Стремясь прослыть покровительницей шахмат, Екатерина II не прочь была купить у венского изобретателя Кемпелена шахматный автомат, секрет которого в то время еще не был разгадан. В 1787 г. Кемпелен гастролировал с машиной в России. Лишь много позже узнал мир, что внут-

Шахматные фигуры. Сталь 1782 г. Тульский оружейный завод (Государственный Эрмитаж. Ленинград)

ри механического игрока, сделанного в виде огромного турка, был искусно спрятан сильный шахматист. А пока газеты всех стран были полны сообщений о чуде века, о «магнетической силе, приводящей в движение машину», и т. д.

Сохранились также сведения об увлечении игрой и екатерининского фаворита Г. А. Потемкина. В то время получило известность четверостишие, содержавшее насмешку над его военными «доблестями» и сочиненное, как полагают некоторые исследователи, великим русским полководцем А. В. Суворовым:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенски берега.

К сожалению, отрывочны сведения о шахматных увлечениях самого Суворова и ряда других известных деятелей той эпохи — президента Академии художеств И. И. Бецкого, художницы Н. В. Головиной, флотоводца И. Ф. Крузенштерна. Один из современников А. В. Суворова рассказывает такой эпизод в подтверждение необыкновенного самообладания полководца. Это было при взятии Очакова летом 1788 г. Во время штурма крепости Суворова ранило. К нему вызвали хирурга француза Массо. Вбежав в палатку, врач нашел его в крови, но играющим в шахматы со своим адъютантом. И только после настойчивых уговоров полководец позволил перевязать себе рану.

БОЛЬШИЕ ИСКУСНИКИ В ШАХМАТАХ

Уже в XVIII столетии далеко за пределами России распространилась молва о мастерстве русских шахматистов. Упоминавшийся английский историк У. Кокс писал в 1772 г.: «Русские слывут большими искусниками в шахматах». Эти слова сказаны в то время, когда в ряде стран Европы были уже известные шахматисты, когда в Италии и Франции вышли в свет теоретические трактаты, обратившие на себя внимание во многих странах Европейского континента. Тем более интересно было бы обнаружить документы, раскрывающие мастерство русских шахматистов, их пар-

тии, композиции и теоретические изыскания. Они позволили бы пролить свет на многие особенности в развитии шахматного искусства России на рубеже XVIII и XIX вв.

И хотя дошедшие до нас сведения о русских шахматистах конца XVIII столетия и начала следующего века крайне скудны, все же они дают некоторое представление если не об уровне игры, то по крайней мере о характере их творческих устремлений, а также об особенностях шахматной жизни той эпохи. В воспоминаниях А. Д. Петрова фигурируют имена сильнейших шахматистов столицы — его деда чиновника-юриста И. А. Соколова, писателя и чиновника Н. П. Брусилова, поэта и сенатора Д. О. Баранова, писателя-драматурга А. Д. Копьева. Так, об А. Д. Копьеве, с кем Петров играл первый отмеченный в анналах отечественной шахматной истории матч, мы узнаем, что он, «начиная, играл всегда гамбитом». Представляет интерес любимое изречение Соколова, которое Петрову еще в детские годы не раз доводилось от него слышать и которое содержало как бы теоретическое кредо петербургского шахматиста: «Играй, да смотри в оба! Пешки в центр утверждай, выводи офицеров, шаха и ферзя не ставь на росшах» (т. е. под вилку коня). Эти слова говорят о том, что уже в XVIII в. русские шахматисты, по-видимому, обращали внимание на положение пешек в центре и на быстрейшее развитие фигур.

В домах этих шахматистов собирались многие любители. Они изучали игру серьезно, имели свои взгляды на различные проблемы шахмат, были не только сильными игроками, но и знатоками теории игры. У них имелись свои мнения о достоинствах того или иного направления в шахматном искусстве. В то время в Европе особенно большим влиянием пользовались два направления, или, точнее, две шахматные школы: комбинационная и позиционная. Родоначальник позиционной школы А. Филидор в своем руководстве (1749, изд. 2-е —1777) утверждал решающее влияние на весь ход шахматной игры пешечной цепи и пешечного центра. Это учение о пешках имело важное значение для прогресса шахмат и стало в дальнейшем одной из основ позиционного учения. Однако Филидор, утверждая, что «пешки — душа шахмат», пренебрежительно относился к фигурной игре. Это обедняло шахматное искусство, сковывало творческие возможности шахматиста, его вдохновение и фантазию.

В противовес Филидору в защиту комбинации выступили в 50—60-х годах XVIII в. его современники — итальянские шахматисты из Модены дель Рио, Лолли и Понциани. Книги этих авторов, в их числе «Ни с чем не сравнимая игра в шахматы» (1769) Понциани, продолжая романтические традиции итальянских мастеров эпохи Возрождения — Полерио, Сальвио, Греко и др., творчески обосновали принципы фигурной игры и основной из них — быстрое развитие фигур. Пешки, утверждали они, мешают фигурной игре, выигрывает тот, кто лучше комбинирует. В защите творческих, комбинационных возможностей шахматной игры и состояла заслуга итальянской школы. Однако, отрицая позиционные основы игры, итальянские шахматисты впали в другую крайность, в другую односторонность.

В конце XVIII и начале XIX в. шахматисты европейских стран обычно объявляли себя сторонниками той или иной школы. Русские шахматисты в лице своего первого мастера А. Д. Петрова, выпустившего в свет в 1824 г. труд о шахматах, высказали самостоятельное мнение о достоинствах и недостатках этих школ и предложили много нового в трактовке творческих путей шахматного творчества.

Следует, однако, отметить, что работа Петрова не была первым сочинением о шахматах на русском языке. Еще в конце XVIII в. русские шахматисты, пропагандируя серьезное отношение к игре, издали в Петербурге (1791) небольшое сочинение американского писателя, просветителя и общественного деятеля В. Франклина «Нравственность игры в шахматы». (Оно было напечатано по-русски под названием «Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином».) Шахматную игру, отмечал автор, «не должно почитать бесполезным препровождением праздного времени; в ней можно почерпнуть многие душевные качества, которые, будучи полезными в течение жизни человеческой, почтение заслуживают»

В 1821 г. в Петербурге увидела свет книга, принадлежавшая перу активного участника шахматных собраний начала XIX в., сподвижника А. Д. Петрова И. Г. Бутримова (1782—1851). Она называлась скромно: «О шахматной игре». Это был учебник объемом в 246 страниц. Интересно, чем обосновывает автор свое решение написать книгу: «Не распространяясь в похвалах сей игре, превозне-

сенной многими прозою и стихами, я ограничусь только указанием, во-первых, на то, что она есть одна из немногих игр, в которых счастье ни мало не участвует, но все зависит от рассуждения и предусмотрительности, а потому играть в нее и без денег очень занимательно, и, во-вторых, что шахматы издавна составляют любимую забаву славнейших людей: военных, видящих в сей игре науку войны, и мудрецов, находящих ее достойною ума своего». Бутримов подчеркивал, что для успеха в шахматном искусстве необходимо, с одной стороны, изучать книги, в которых любители шахмат найдут «надежное руководство проникнуть во все, так сказать, таинства сей глубокомысленной игры, или паче приятного и полезного искусства», а с другой — сочетать изучение теории с практикой встреч с искусными игроками, «от которых они, приобретя навык к победе и защите, сами уже будут в состоянии измерять собственные силы с другими. *Опыт есть лучший учитель*». Этот вывод был набран курсивом и дважды повторен в книге.

Для прогресса шахматного искусства в нашей стране имело значение и то обстоятельство, что Бутримов отказался от сохранившегося в ряде стран еще со времен средневековья довольно сложного описательного метода записи игры и принял простой и легко усвояемый способ «описывать оныя (партии.— *И. Л.*) числами с буквами и знаками», иначе говоря, шахматную нотацию, которой мы пользуемся до сегодняшнего дня

Три года спустя в Петербурге появилось новое руководство — уже упоминавшаяся книга А. Д. Петрова под пространным названием «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оныя». Эта книга в пяти частях объемом около 500 страниц была написана на основе глубокого изучения и творческой переработки всего лучшего, что было в шахматной литературе. В отличие от большинства теоретиков и мастеров начала XIX в., которые были приверженцами какой-либо из названных выше школ, отношение Петрова к ним было куда более сложным.

Близкий по манере игры к итальянским мастерам (о чем свидетельствуют его партии, отличавшиеся смелыми пожертвованиями, яркими комбинационными замыслами), он в то же время критически относился к учению ведущих представителей итальянской школы и увидел «рациональ-

ное зерно» в пешечной теории. В третьей части его книги были приведены партии Филидора. Они сопровождались примечаниями Петрова, которые составили значительную часть текста и, что еще более важно, наряду с признанием большой роли пешечного центра в партии оспаривали ряд положений в учении французского шахматиста (его утверждение, что начинающий должен при правильной игре победить; отрицательную оценку хода коня после открытия игры королевской пешкой; негативное отношение Филидора к гамбитной игре и т. д.). Отвергая эти и некоторые другие догмы, петербургский мастер требовал конкретного, аналитического исследования шахматной теории и практики и сам показал в своей книге образцы такого подхода. Следствием этого явилось плодотворное изучение в России вопросов дебютной теории, успешное изыскание в ряде начал игры А. Д. Петровым и его учеником К. А. Янишем активной защиты, ставящей своей задачей перехватить инициативу, а также прогрессивное развитие некоторых других вопросов теории и практики шахмат.

Книга Петрова имела также важное значение для пропаганды самой шахматной игры, которая, как писал мастер, «по великим соображениям и расчетам, которых она требует, может по всей справедливости назваться ученою, глубокомысленною и отменно привлекательною». По широте поднятых вопросов, серьезности и доступности изложения книга была в то время одним из лучших шахматных руководств. Она получила высокую оценку у современников и стала настольной для нескольких поколений русских шахматистов. Сохранились, в частности, документальные свидетельства об интересе к книге многих выдающихся деятелей русской культуры: Пушкина, Тургенева, Чернышевского и др.

Деятельность первого русского мастера А. Д. Петрова, его учеников и современников в развитии шахматных клубов, литературы, теории и практики игры была очень благотворной и положила начало новому периоду в развитии шахмат в России, способствовала созданию передовой отечественной шахматной школы.

Сегодня можно также считать бесспорным тот факт, что высокий уровень отечественной шахматной культуры в XIX столетии, замечательные достижения первых русских мастеров явились во многих отношениях закономерным следствием тысячелетнего развития шахмат на Руси

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой и сложный путь развития прошла шахматная культура на Руси. Проникнув с Востока около тысячи лет назад, шахматы получили затем распространение на огромных пространствах Киевского государства. К этому выводу можно прийти уже сейчас, исследуя археологические находки и древнерусскую шахматную терминологию. По всей вероятности, первоначально русские наименования фигур и игры были такими: цьсарь, ферзь, ладья, слон, конь, пешьци и шахматы. Все они возникли благодаря непосредственному соприкосновению с народами восточных стран и образовались не позже X в., так как уже в слоях начала XI—XII вв. археологами найдены изобразительные фигуры, соответствовавшие русским названиям.

О конкретных путях проникновения шахмат на Русь накопилось еще сравнительно немного материалов. Но если учесть, что в период между VIII и X вв. на пути восточных славян в страны Средней Азии, Ирана и арабского Востока лежал Хазарский каганат, что первые находки фрагментарных шахмат и изобразительной фигуры шахматного слона относятся к X—XI вв. и что они были обнаружены при раскопках хазарской крепости Саркел и возникшего на ее месте русского поселения Белая Вежа, то гипотеза историков шахмат М. К. Гоняева и И. Т. Савенкова о роли хазар в «транзитной передаче» шахматной игры предстанет ныне в новом освещении. При этом, конечно, следует предположить длительность и сложность процесса заимствования игры, в котором нельзя недооценивать и непосредственные контакты славян со многими другими народами Востока.

Изучение археологических находок древнерусских шахматных фигур XI—XIII вв. позволяет сделать вывод, что

шахматная культура достигла на Руси значительного по тому времени развития. Фигуры найдены в двух десятках городов, представляющих почти все земли древнерусского государства. Число находок с каждым годом возрастает и дает возможность уже сегодня представить типологию шахмат Киевской Руси.

Первоначальная форма фигур, получивших распространение в древнерусских городах, связана с проникновением игры из стран Востока и определяется арабской символикой. В XI—XII вв. этот тип шахмат, можно сказать, был доминирующим как на Руси, так и в странах Западной Европы. Влияние этих стран, в частности Скандинавии, на шахматную игру восточных славян в терминологии и археологических материалах не прослеживается. Более вероятно другое: через Русь шахматы могли проникать в страны Восточной и, возможно, Северной Европы. На это указывает, в частности, как предполагают польские археологи, находка сандомирских шахмат арабского типа, датируемая началом XII столетия.

В XII—XIII вв. возникает на Руси еще один тип абстрактных шахматных фигур, вызванный к жизни прежде всего усовершенствованием техники обработки кости (применение токарного станка) и широким спросом на эти шахматы. Новые шахматные фигуры отличались изяществом формы и приобрели признаки новой символики. В эпоху Киевской Руси этот тип шахмат, по-видимому, еще только стал приобретать «права гражданства». На последующие века (XIII—XV) приходятся окончательное формирование новой шахматной абстракции и ее преобладание на Руси (за исключением Новгорода).

В XII—XIII вв. со всей яркостью проявилась еще одна древнерусская форма шахмат — изобразительная. Ее отличия от аналогичной формы шахмат на Западе объясняются не только своеобразием жизни и быта восточных славян, их художественной культуры, но и спецификой древнерусской шахматной терминологии. В ней были такие термины, как «ферзь», «ладья», «конь», «слон», которых не оказалось в западноевропейском шахматном лексиконе. Изобразительные шахматы Древней Руси, дошедшие до нас,— это высокохудожественные произведения прикладного искусства XI—XII вв.

Многочисленные археологические находки шахмат заставляют по-новому рассмотреть и постоянно встречающи-

еся в героическом народном эпосе упоминания о шахматной игре. В былинах нашла отражение высокая народная оценка шахмат, данная еще в эпоху Киевской Руси. Не случайно народные певцы, создавая героические былины, включали шахматы в число традиционных средств испытаний силы и ума любимых героев-богатырей.

В полной мере учитывая художественные особенности эпических произведений, символический характер обобщений, мы все же можем использовать былины и как исторический источник. В них нашли отражение некоторые особенности быта Киевской Руси, в частности в области шахматной игры. Благодаря былинам мы узнаем и о популярности шахмат среди русских воинов (ею увлечены все главные герои эпоса: богатыри Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Михайло Потык и др.), купцов (Садко), женщин (Катерина Микулична и др.), и о древнейших русских терминах («заступь», «шахматы», «шашки», «тавлеи», «пешьци»). Все это показывает, что в какой-то мере изучению истории шахмат далекого прошлого может помочь и критический анализ шахматных эпизодов и мотивов в народном эпосе.

Так, благодаря комплексному исследованию становится очевидным, что уже в Киевской Руси XI—XIII вв. шахматы стали неотъемлемой частью культуры и приобрели много черт самобытности. Это нашло отражение и в своеобразии русской шахматной терминологии, и в мастерстве косторезов, и, наконец, в былинном эпосе, поставившем шахматы на высокий пьедестал народной культуры.

В XIII в. огромной важности исторические события и новые явления в жизни русского общества в той или иной степени, прямо или косвенно наложили отпечаток и на развитие шахмат. Если в неблагоприятных условиях татаро-монгольского нашествия, гонений со стороны церкви, происходивших первоначально под влиянием аскетических учений византийских монахов, шахматная игра продолжала распространяться среди различных слоев народа, то это можно объяснить лишь тем, что она глубоко укоренилась на Руси еще в период существования Киевского государства, когда шахматы стали одним из элементов национальной культуры. От периода XIII—XV вв. дошло крайне мало письменных памятников, упоминающих о шахматах, но с каждым годом увеличивается число археологических находок, убедительно свидетельствую-

щих о дальнейшем развитии древнерусской шахматной культуры.

Археологические раскопки древнерусских городов необычайно расширяют наше представление о роли шахмат в культурной жизни Руси. Исследование крупнейшей в мире археологической коллекции фигур, добытой в последние десятилетия Новгородской экспедицией Института археологии АН СССР и МГУ, дает основание утверждать, что в средние века и в эпоху Возрождения Новгород был поистине классическим городом шахмат.

Обращает на себя внимание долговечность шахмат восточной символики в Новгороде. Объясняется это, по-видимому, целым рядом причин: широким употреблением дерева в ремесле, легкостью изготовления фигур простой геометрической формы, распространением игры среди различных слоев населения, что требовало массового производства шахмат. Хотя в новгородских фигурах немало своеобразия, сравнение их с комплектом XII в. из Сандомира, с отдельными фигурами той же эпохи, которые хранятся в музеях Парижа, Лондона, Берлина и других европейских городов, позволяет убедиться, что уже тогда шахматы по своему внешнему виду имели гораздо больше общего, чем различий. Последние были обусловлены главным образом материалом, из которого делались шахматы, и, естественно, национальной манерой художественной резьбы и орнамента.

Наряду с новгородскими шахматами ручной выделки, представляющими собой модификацию восточной символики, перед нами раскрывается в результате раскопок древнерусский тип абстрактных фигур, вытачиваемых на токарном станке. О самобытности этой формы свидетельствует, в частности, трактовка фигуры ладей, которые изготавливались в соответствии с русской терминологией и представляли собой сочетание восточной символики с изображением натуральной ладьи. Имеющиеся в настоящее время собрания средневековых шахматных фигур западных стран не позволяют пока проследить пути взаимовлияния того или другого типа шахмат на эволюцию фигур. В настоящее время благодаря тракайским раскопкам можно со всей доказательностью говорить лишь о влиянии шахмат Древней Руси на развитие их в Литве.

Открытия советских археологов последних лет дают, таким образом, представление об эволюции на Руси сред-

невековых фигур к современным в несравнимо большей степени, чем находки в западноевропейских странах. Не случайно известные исследователи шахматных фигур Г. и З. Вихман для того, чтобы хотя бы примерно представить эволюцию европейских шахмат от средневековья к новому времени, прибегли в своем труде к схематической таблице фигур, составленной по литературным источникам. Достижения советской археологии позволяют сегодня решать эту задачу уже с помощью находок самих фигур.

В XVI—XVII вв. наступает новый расцвет шахматной культуры. Проникнув во все слои населения, игра становится особенно популярной в среде ремесленников, торговых и служилых людей, у бояр и московских самодержцев. Появляются даже профессиональные мастера по выделке фигур, так называемые шахматники.

Увлечение шахматами в Русском государстве обратило на себя внимание иностранных путешественников, неизменно отмечавших это в своих записках и письмах. В то же время наблюдаются соприкосновение и взаимовлияние русской и западноевропейской шахматной культуры. Воздействие шахмат ряда других стран Европы выразилось в усвоении новых правил игры и шахматной терминологии, которые начинают бытовать параллельно с русскими правилами и терминами, а позднее — в знакомстве с иностранными шахматными сочинениями.

Распространение шахмат в XVI—XVII вв. среди широких слоев городского населения полностью подтверждается археологическими открытиями советских ученых. Три уникальные по своему характеру и значению археологические коллекции шахмат XVI—XVII вв.— московского Зарядья, Мангазеи и острова Фаддея — дают возможность составить типологию шахмат нового времени. При этом для абстрактных шахмат характерными оказываются две модификации. Одна из них являет собой прямое развитие типа древнерусских фигур XIII—XV вв., другая — московскую модификацию с характерным сферическим туловищем и менее усложненной в целом конфигурацией. Для обеих разновидностей абстрактных фигур характерна унификация, благодаря чему король, ферзь, слон и пешка различаются в основном размерами. Другая характерная черта — постепенная эволюция символических фигур ладьи и коня, принимавших все более реалистические очертания. Обе эти тенденции наблюдаются

одновременно и в развитии шахматных фигур на Западе. Следует подчеркнуть мировое значение археологических коллекций шахмат Москвы, Мангазеи, острова Фаддея. Из-за сравнительной малочисленности находок фигур этого времени в странах Западной Европы древнерусские шахматы служат своего рода эталоном века, характерным звеном в эволюции фигур от средневековых форм к современным.

Исследование археологических находок в городах Древней Руси XI—XVII вв. позволяет, таким образом, наметить основные типы шахматных фигур, характерные для трех периодов: XI—XIII, XIII—XV, XVI—XVII вв. Развиваясь первоначально под восточным влиянием, шахматы сравнительно скоро приобрели самобытные черты. Однако при всем своеобразии эволюции древнерусских шахмат можно наблюдать и ряд общих тенденций с развитием шахматных фигур Западной Европы, что привело в конце концов к созданию их общепринятого типа.

Окидывая единым взглядом картину развития шахмат в России в XVIII в., можно заметить новые явления, вызванные целым рядом причин, прежде всего огромными переменами в жизни русского общества и прогрессом самой шахматной игры, которая из области традиционной народной культуры начала превращаться в область профессиональной культуры. Ремесленники специализируются на изготовлении дорогих шахматных наборов из кости, фарфора и т.д., которые были предназначены для состоятельных слоев общества. Специальная шахматная литература на русском языке стала появляться в конце XVIII— начале XIX в. По глубине осмысления игры шахматисты России находились на уровне века, а по практической силе, судя по отзывам иностранных современников, считались одними из лучших в Европе. Только тем, что уже в конце XVIII в. шахматная культура в России достигла нового прогресса, можно объяснить выдвижение в следующем столетии плеяды русских мастеров, деятельность которых получила мировое признание и способствовала зарождению отечественной шахматной школы.

Изучение тысячелетней истории шахмат на Руси, следовательно, показывает, как древняя восточная игра в процессе многовекового развития превратилась в один из элементов национальной культуры, тесно связанный с другими областями духовной жизни народа.

ЛИТЕРАТУРА

I. Общие работы по истории шахмат

Гоняев М. К. Шахматы в России. (Приложение к книге А. Гебелера «Правила шахматной игры», Елисаветград.) 1875.

Гоняев М. К. Из истории шахматной игры.— «Шахматное обозрение», 1893, № 26—29.

Зноско-Боровский Е. А. Шахматы в России.— В кн.: «IV Всероссийский шахматный турнир». СПб., 1907.

Смирнов А. А. Очерк развития шахматного искусства в России (СССР).— В кн.: *Л. Бахман.* Шахматная игра в ее историческом развитии. Л., 1925.

Бахман Л. Шахматная игра в ее историческом развитии. Л., 1925. Перев. с нем.

Коган М. С. История шахматной игры в России. Л., 1927.

Нейштадт В. И. Женщины в шахматной истории.— «Шахматный листок», 1930, № 1.

Коган М. С. Краткий очерк истории шахмат. М.—Л., 1931.

Греков Н. И. История шахматных состязаний. М., 1935; изд. 2. М., 1937.

Коган М. С. Очерки по истории шахмат в СССР. М.—Л., 1938.

Мэррей Г. Насколько стара шахматная игра. Перев. с англ.— «Шахматы в СССР», 1936, № 12.

Романовский П. А. Итальянская шахматная школа.— «Шахматы за 1954 г.». М., 1955.

Линдер И. М. Наука о шахматах.— «Наука и жизнь», 1955, № 9.

Гижицкий Е. С шахматами через века и страны. Варшава, 1958; изд. 5. 1970.

Майзелис И. Л. Развитие шахматного стиля. Краткий исторический очерк.— В кн.: «Шахматы». М., 1960.

Нейштадт Я. И. Шахматы до Стейница. М., 1961.

Линдер И. М. У истоков шахматной культуры. М., 1967.

Hyde Th. Mandragorias seu Historia Shahiludii.—«De ludis orientalibus libri duo», Oxonii, 1694, vol. 1.

Jones W. On the Indian game of chess. London, 1799.

Forbes D. The history of chess. London, 1860.

Linde A. Geschichte und Literatur des Schachspiels. Berlin, 1874.

Lasa H. Zur Geschichte und Literatur des Schachspiels. Leipzig, 1897.

Kohtz J. Das Schachspiel im Mittelalter.— «Handbuch des Schachspiels», 8 Aufgabe. Leipzig, 1912.

Murray H. J. R. A history of chess. Oxford, 1913.

Liddel D. M. Chessmen. New York, 1937.

Davidson H. A. A short history of chess. New York, 1949.

Wichmann H. und S. Schach. Ursprung und Wandlung der Spielfigur im zwölf Jahrhunderten. München, 1960.

Needham J. The magnet, divination and chess.— «Science and Civilization in China», vol. 4, part 1. Cambridge, 1962, p. 314—333.

Thieme P. Chess and Backgammon (Tric-Trac) in Sanskrit Literature.— «Indological stadies in Honor of W. Norman Brown». New Haven, Connecticut, 1962, p. 204—216.

Murray H. J. R. A short history of chess. Oxford, 1963.

Chicco A. Gli scacchi nell'antica Cina.— «L'Italia Scacchistica», 1967, N 746.

Wilkinson Ch. K. Chess: East and West, Past and Present. A selection from the Gustavus A. Pfeiffer collection. New York, 1968.

Graham F. L. Chess Sets. London, 1968.

Schuyer E. H. Het Schaakspel in de Kunst en cultuurhistorie. Amsterdam, 1969.

Bidev P. Šah simbol kosmosa. Geneza šaha od kineske astrologije do indijske mistike. Skopje, 1972.

II. Книги, статьи, материалы по истории шахмат Древней Руси и сопредельных стран

Леонтьев А. К. Описание китайской шахматной игры. СПб. 1775.

Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином. СПб., 1791.

Бутримов И. Г. О шахматной игре. СПб., 1821.

Петров А. Д. Шахматная игра, приведенная в систематический порядок с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оныя. СПб., 1824.

Яниш К. А. Русская шахматная терминология.— «Шахматное обозрение», М., 1892, № 13—14 (перев. с франц.: Linguistique de l'echiquier russe. — «Le Palamède», 1842, II, p. 163—165).

Терещенко А. В. Шахматы.— В кн.: «Быт русского народа», ч. IV. СПб., 1848, стр. 78—79.

Чарин И. История шахматной игры в связи с историей цивилизации народов.— «Шахматный листок», 1876, № 4; 1887, № 2—3.

Грачевский А. Н. Очерки из истории шахматной игры.— «Шахматный листок», 1879, № 11—12.

Сорокин С. А. Об игре «тавлей».— «Радуга», М., 1884, № 8.

Сорокин С. А. Исторические справки о шахматах в России.— «Шахматное обозрение», 1892, № 13—15.

Сорокин С. А. Шахматы в русской народной словесности.— «Шахматное обозрение», 1892, № 16.

Гоняев М. К. Письмо Д. И. Саргину (о времени и путях проникновения шахмат в Древнюю Русь).— «Шахматное обозрение», 1892, № 10.

Савенков И. Т К вопросу об эволюции шахматной игры. М., 1905.

Саргин Д. И. Древность игр в шашки и шахматы. М., 1915.

Саргин Д. И. Немцы о шахматах в России.— «Шахматный вестник», 1916, № 2, 3.

Нейштадт В. Сказание иностранцев о шахматах в России. – «Шахматный листок», 1930, № 13, 14.

Кондратьев С. Шахматы у китайцев.— «Шахматы в СССР», 1931, № 11.

Кондратьев С. Шахматная игра у монголов.— «Шахматы в СССР», 1931, № 13, 14.

Орбели И. и **Тревер К.** Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936.

Синегуб Е. Шахматы в богатырском эпосе.— «64», 10 мая 1939 г.

Рохлин Я. О древности русских шахмат.— Бюлл. «Международный шахматный турнир памяти Чигорина», 1947, № 8.

Рождественский П. К истории шахмат в России.— «Шахматы в СССР», 1949, № 12.

Замятнин С. Н. О старинных русских шахматах.— В сб.: «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса». М.— Л., 1951.

Кришнамачариар Т. Шахматы в Индии.—«Шахматы в СССР», 1951, № 6.

Ходжаев З., Дюммель Ф. Новые данные по истории шахмат.— «Шахматы в СССР», 1951, № 10, 11.

Майзелис И. К вопросу о происхождении и развитии шахмат.— «Шахматы в СССР», 1952, № 10, 12.

Рохлин Я. К вопросу о древности русских шахмат.— «Советский спорт», 28 февраля 1952 г.

Ходжаев З., Дюммель Ф. Еще о древности и самобытности отечественных шахмат.— «Шахматы в СССР», 1952, № 5.

Дюммель Ф., Ходжаев З. К итогам изучения рукописи Абульфатха.— «Шахматы в СССР», 1955, № 10.

Матвеев М. К истории шахмат на Урале.— «Шахматы в СССР», 1955, № 6.

Рабинович М. К истории шахмат в России.— «Шахматы в СССР», 1955, № 11.

Гиоргадзе Т. Из истории шахмат в Грузии (1. Зарождение шахмат. 2. Шахматы в народе).— Бюлл. «Полуфинал XXIV чемпионата СССР». Тбилиси, 1956, № 3.

Вадбольский М. Шахматы как элемент астрологических культов в древности.— Бюлл. «Полуфинал XXIV чемпионата СССР». Тбилиси, 1956, № 4.

Майзелис И. К истории шахмат на Руси.— В сб.: «Шахматы за 1957 г.». М., 1959.

Гулямова Э. Шахматные фигуры с городища Хульбук.— «Изд. отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», 1960, вып. 1.

Колчин Б., Линдер И. Шахматы в древнем Новгороде.— «Шахматы в СССР», 1961, № 8.

Колчин Б., Линдер И. В такие шахматы играл Садко.— «Наука и жизнь», 1961, № 8.

Абрам Т. Первые сведения о шахматах в Прибалтике и старейшая шахматная книга Стефана.— «Шахс», Рига, 1961, № 21.

Струмилин С. Г. Шах да и мат да и под доску.— «Наука и жизнь», 1962, № 1.

Даркевич В. П. Древнерусские шахматы.— «Наука и жизнь», 1962, № 8.

Линдер И. Шахматы Древней Руси (новые археологические находки).— «Шахматы в СССР», 1963, № 4, 5.

Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси.— «Советская археология», 1963, № 4.

Линдер И. Шахматы древней Москвы.— «Шахматная Москва», 25 января 1964 г.

Линдер И. Шахматы в героическом эпосе.— «Шахматы в СССР», 1964, № 10.

Линдер И. Шахматы на Руси. М., 1964.

Овсянников О. В. Находка в Холмогорах.— «Шахматы в СССР», 1965, № 10.

Шовкопляс Г. М. Найдавнiшi шашки i шахи з Києва.— «Археологiя», т. XIX, Київ, 1965.

Линдер И. е2—е4.— «Наука и религия», 1965, № 5.

Авербах Ю. Гроссмейстеры средневековья.— «Знание — сила», 1966, № 5.

Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Партия в шахматы.—В кн. «Москва в далеком прошлом». М., 1966.

Авербах Ю., Линдер И. Биография фигур.— «Знание — сила», 1968, № 12.

Сахаров Н. И. Шахматная литература СССР. Библиография. 1775—1966. М., 1968.

Линдер И. Царь из Лукомля.— «Шахматы в СССР», 1968, № 10.

Наркевич А. Державин или Суворов? — «64», № 1 (27), 3—9 января 1969.

Липец Р. С. Шахматы и другие игры.— В кн.: «Эпос и Древняя Русь». М., 1969.

Рудин Н. М. От магического квадрата к шахматам. М., 1969.

Белов М., Овсянников О. В древней Мангазее.— «Шахматы в СССР», 1969, № 6.

Овсянников О. В. Мангазейские шахматы.— «Шахматы в СССР», 1970, № 4.

Колчин Б. А. Шахматы.— В кн.: «Новгородские древности. Резное дерево». М., 1971.

Гуревич Ф. Находка в Копыси.— «Шахматы в СССР», 1971, № 7.

Кочешков Н.В. Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв.— «Советская этнография», 1972, № 1.

Линдер И. Самые древние шахматы.— «64», 1—11 января 1973 г., № 1.

Тургунов Б. Фигурки из Дальверзин-Тепе.— «Шахматы в СССР», 1973, № 5.

Линдер И. Уникальная коллекция.— «Шахматы в СССР», 1973, № 8.

Авербах Ю. Этика шахмат.— «Наука и жизнь», 1973, № 10.

Тургунов Б. А. Новые данные к истории шахмат в Средней Азии.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1973, № 11.

Кажич Б. Шахматы и «Кормчая книга». «Шахматы в СССР», 1975, № 2.

Линдер И. М. У порога открытия. «Советская этнография», 1975, № 2.

Загоровский В. Эти русские... «Шахматы в СССР», 1975, № 2.

Murray H. J. R. On the history of chess in Russian Empire.— «British chess Magazine». London, 1907.

Koukoulès Ph. To zatrikion.— «Vie et civilisation Bysantines», vol. 1. Athènes, 1948.

Porreca G. Cli scacchi nell'antica Novgorod. — «L'Italia scacchistica», Milano, 1962, N 4.

Giżycki J. Najstarsza szachy polskie. Rewelacyine odkrycie archeologiczne w Sandomierzu.—«Szachy», Warszawa, 1963, N 5.

Яновски Б. Р. Към ранната история на шахмата у нас.— «Исторически преглед», кн. 5. София, 1964.

Яновски Б. По въпроса за началото на шахмата в България.— «Шахматна мисъл». София, 1964, № 7.

Gąssowska E. Wczesnośredniowieczne szachy z Sandomierza. — «Archeologia Polski», t. IX, z. I. Wrocław—Warszawa — Kraków, 1964.

Linderis I. Trakų Šachmatai.— «Mokslas ir gyvenimas», Vilnius, 1968, N 3.

Meissenburg E. Schachfiguren und — bretter. Eine Bibliographie, Teil I.— «Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel», Frankfurter Ausgabe, N 44, 3. Juni 1969; Teil II.— Ibid., N 15, 20. Februar 1970; Teil III — «Schachwissenschaftliche Forschungen», Winsen/Luhe, Januar 1974, N 3.

Chicco A. Contributi dell'Archeologia alla più antica storia degli Scacchi.— «Tutto Scacchi», Roma, Aprile 1974, N 4.

Arłamowski E. Początki szachów w Polske. «Szachy». 1974 N, 11.

Linder I. Schach und Archäologie. «Schachwissenschaftliche Forschungen», Januar 1975, N 5.

СОДЕРЖАНИЕ

Исаак Максович Линдер

Шахматы на Руси

Издание 2-е, дополненное и переработанное

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Л. В. Лукашевич. Художественный редактор В. А. Чернецов. Художник В. К. Бесенгалиев. Технический редактор Т. В. Полякова. Корректоры Е. Н. Белоусова, Л. Э. Харазова

Сдано в набор 15/II 1975 г. Подп. к печати 4/VI 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл.-печ. л. 11.13. Уч.-изд л. 11,3. Тираж 150 000
Т-10514. Тип. зак. 2496. Цена 69 коп.
Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
Набрано в ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва М-54, Валовая, 28.

Отпечатано в типографии Издательства ЦК КП Казахстана.

69 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

Гик Е. Я. Математика на шахматной доске. 8 л. 30 к.

В книге в живой и увлекательной форме рассказывается о разнообразных связях, существующих между математикой и шахматами: о математических легендах, посвященных происхождению шахмат, об играющих машинах, о математике шахматных турниров. Много внимания уделено математическим задачам и головоломкам, связанным с шахматной доской. Рассмотрены все известные типы таких задач (задачи о доске, о маршрутах, о расстановках и силе фигур и т. д.). Приводятся задачи «о ходе коня» и «о восьми ферзях», которыми занимались великие математики Эйлер и Гаусс.

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

